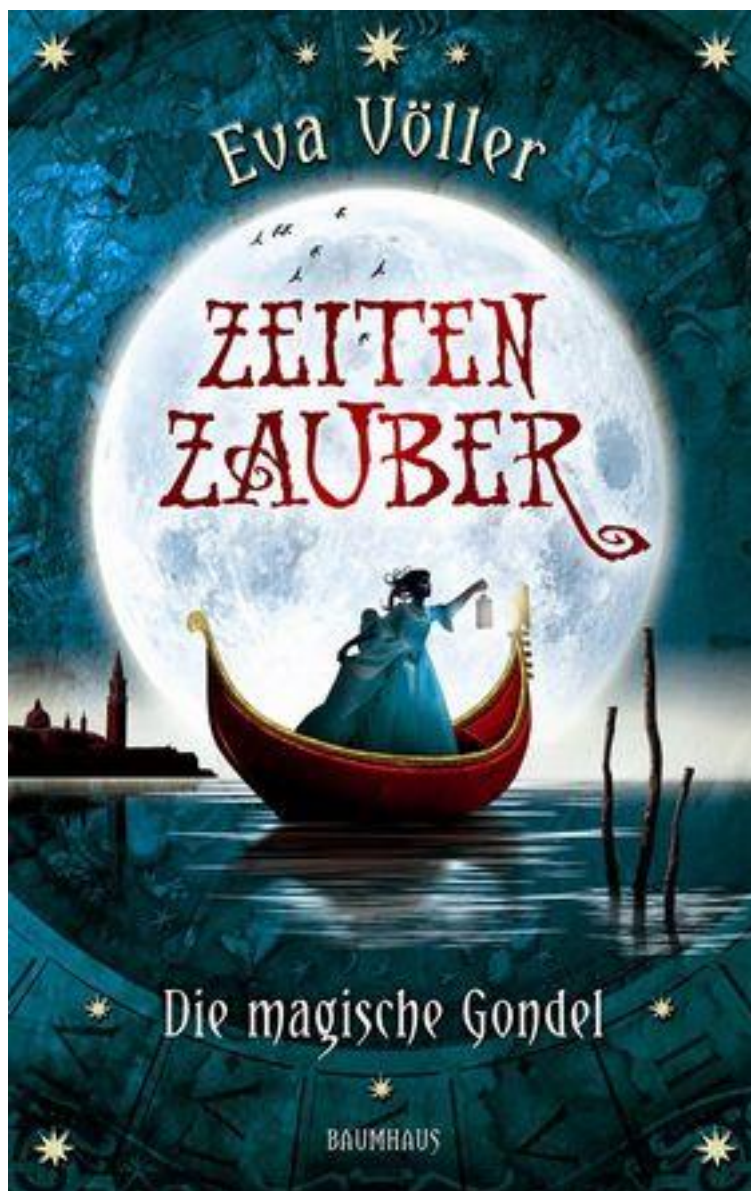

Ева Фёллер «Время волшебства 1: Волшебная гондола»

Переведено специально для группы ~*~•†Мир фэнтези†•~*~ Переводы книг.
Любое копирование без ссылки на группу и переводчиков запрещено! Давайте уважать чужой труд.

Серия: Время волшебства
Номер в серии #1

Название на языке оригинала:
Zeitenzauber: Die magische Gondel
Переводчики: MURCISA, softa3000,
rasimw, alisag, miroslava09, Oryne,
ranetozka93, nasya29, Julia85
Редактор: Татьяна Матина

Пролог

Венеция, 1499 год.

П*и*ет...

Сначала самое важное: меня зовут Анна. Я трижды пыталась написать свое полное имя и дату рождения, но ничего не получалось.

В любом случае, я не могу много писать. На одно предложение у меня практически ушел час, но ничего не осталось. Это, конечно, из-за того, что я была слишком небрежна. Я должна быть осторожна при использовании цифр и слов, так как при не соответствии они не записываются. Или же изменяются, пока не приобретают совершенно иной смысл.

Да и, конечно же, бумага. Мой почерк выглядит на ней странно чужим. Это очень усложняет написание. Мне пришлось взять пергамент, так как он хранится дольше, однако, в конце концов, из-за клякс прочитать сложно. Чернила воняют весенней гнилью. И я даже не хочу упоминать тот звук, который издается при написании. Я не могу поверить, что люди на этом пишут целые книги!

Времени мало! Мое укрытие небезопасно, и меня могут поймать в любой момент. Смогу ли я вернуться обратно, остается под вопросом.

Как только закончу это письмо, я хочу спрятать его и буду молиться, дабы его нашли. Человек с дальнего севера. Возможно, это звучит глупо, но, к сожалению, это неизбежно. Не могу выразить это точнее. Я заверну письмо в полиэтилен и буду надеяться, что оно не покроется плесенью.

Я слышу шаги и должна остановиться. Позже, возможно, получится больше.

Часть первая

Глава 1

Венеция, 2009 год.

Как обычно вечером мы ели в ресторане рядом с отелем. Мама считала, что во всей Венеции не было пасты вкуснее этой. Лично мне ресторан нравится хотя бы потому, что он находился в зоне действия wi-fi отеля, и я могла лазить в интернете между горячей антипасто и главным блюдом.

— Знаешь, иногда ты могла бы проявить больший интерес, когда твой отец рассказывает про его работу, — сказала мама, когда папа после закуски вышел ненадолго позвонить. — Его профессия очень важна для него!

— Но я же показываю интерес, — утверждала я. — Я всегда слушаю!

— И при этом ты играешь в мобильном под столом.

— Это не мобильный, а iPad, — ответила я парализовано.

Мама права, я не считала рассказы папы о работе особенно захватывающими.

Вероятно, это зависело от того, что мне приходилось это слышать слишком часто.

Мой отец — чудесный человек и всемирно признанный ученый в его специальности. Но если десять вечеров подряд единственной темой разговора являются пыльные старые монеты, пришедшие в упадок глиняные сосуды и фрагменты фресок, в одиннадцатый раз это не вызывает энтузиазма.

Иногда отец встречал ужасные вещи, ну или, по крайней мере, так о них рассказывал. Несколько лет назад археологи обнаружили массовое захоронение на одном острове в венецианской лагуне, здесь в 15 веке, когда свирепствовала эпидемия чумы, неглубоко закапывали умерших. После того, как папа рассказал ещё о венецианской находке, которую обнаружили спустя несколько месяцев после открытия первой, оказалось, что самое ужасное - это скелет женщины, шея которой была проколота деревянным колом.

— Как ужасно! — выкрикнула ошеломлённо мама

— Убита, как настоящий вампир, — подметила я.

К моему удивлению, папа кивнул мне головой.

— Не исключено. Это суеверие было уже распространено во времена ренессанса.

После того как мертвецы поднялись из своих могил, для того, чтобы питаться жертвами чумы.

— Вау! — сказала я впечатлённая.

— Предполагают, что женщина умерла от чумы, и кол должен был помешать ей восстать из мертвых. Поэтому ее тоже называют женщиной-вампиром.

Это была действительно интересная археологическая история, настоящая сенсация.

Но в большинстве случаев рассказы моего отца были приблизительно такими же волнительными, как и последующие сообщения, которые напоминали только о том, что было самое время пойти спать.

Вскоре после того, как мама попросила меня посвятить больше внимания работе папы, он вернулся назад после телефонного разговора и снова сел за стол.

— Коллега из Рейкьявика сообщил о находке очень интересного предмета.

Собственно, это был тот самый момент, когда я должна была проникнуться к призыву мамы. Вместо этого я только вежливо сказала:

— А, в Рейкьявике тоже есть археологи? Есть ли смысл, вообще? Я имею в виду раскопки. Там не начинают бить гейзеры из-под земли, если начать там копать? — спросив это, я снова вернулась к своему iPad под столом. Ванесса написала мне в

ISQ: "Я убью шалаву!"

— Мы — международная команда, — объяснял папа. — Коллега, о котором я говорил, работает удаленно со мной вместе. Найденный предмет оказался основой замка Тассани, который мы как раз исследуем.

Мне показалось это в два раза менее увлекательно, чем сообщение Ванессы.

Большая ошибка. Если бы я только слушала моего папу!

Но, однако, я читала тупое сообщение от Ванессы и из того, что говорил папа, понимала только каждое второе слово. Если вообще понимала.

— ...странный документ, письмо, мистер (еще более непонятное исландское имя, звучащее как Бьярнигнокки) говорит, с, возможно, анахроническими рудными компонентами...

Ванесса: " Не могу поверить, что этот засранец решил пойти в кино с этой сумасшедшей подружкой всего через неделю после того, как бросил меня!"

— ... тем не менее, смогли расшифровать только часть первой страницы документа, остальное, однако, нужно подготовить... по большей части рассыпалось... мистер Бьярнигнокки считает, что речь идет о подлоге. Я буду исследовать его в университете, у них есть несколько действительно опытных графологов. Завтра же я отправлю его им.

— Почему это должна быть подделка? — спросила мама.

— Из-за возможного анахронизма.*

(*Анахронизм — в исторической науке, литературе, кино — ошибочное, намеренное или условное отнесение событий, явлений, предметов, личностей к другому времени, эпохе относительно фактической хронологии. ПРИМ. ПЕР.) Анахронизм! Я имею в виду: "Что? Кто вообще считает это интересным?" Хорошо, я, конечно, могла бы спросить, что это означает, но мои родители всегда смотрели на меня так, как будто я не могла быть их дочерью, а скорее была из семьи необразованных. Мой отец был профессором, а у мамы была ученая степень доктора наук, а я как раз повторяла одиннадцатый класс с оценками, которые были не на много лучше, чем в десятом. Особенно плохо по математике.

Ванесса: "Загружу сегодня новый альбом Schüler-VZ, под названием: Ex zum Abgewöhnen. Затем я вставлю его фотографию, которую ты сделала в автобусе во время поездки в Париж. Ту, на которой он спит с открытым ртом. Или, возможно ту, которую ты сняла на моем последнем дне рождения, когда он блеет в розы" .

— ... согласно мнению мистера Бьярнигнокки, речь может идти о чьей-то шутке в группе, вероятно, одного из студентов. Так как кажется, письмо начинается со слова "Привет".

Ванесса: "Или фото с последней вечеринки, где тебе кажется, что он выглядел, как голлум*.

(* Голлум — существо небольшого роста, крайне тощее и с большими светящимися глазами. Его кожа, согласно «Хоббиту», блестящая и чёрного цвета. В «Хоббите» упоминается о том, что в прошлом он жил на поверхности, но ничего не говорится о том, что Голлум когда-то был хоббитом. ПРИМ. ПЕР.)

— Привет? — удивилась мама.

— Совершенно верно, "привет", — подтвердил папа.

Я резко подняла глаза:

— Я все время слушаю, правда.

— С трудом верится, — сказала мама, качая головой.

И эти слова были сказаны обо мне, поэтому я быстро выключила планшет.

Как раз в это время официант принес ужин, и о Бьярнигнокки и Голлуме тут же забыли.

На следующее утро я, как всегда, завтракала на час позже моих родителей.

Наконец-то у меня каникулы. Уже перед поездкой мне стало ясно, что мне не пришлось бы вставать раньше девяти. Мои родители должны работать, и им все равно, что я отсыпаюсь.

Толстый тип, который 3 дня назад приехал вместе со своими родителями в гостиницу, пришел в столовую и украдкой осмотрелся вокруг себя. Когда он увидел меня, то покраснел и быстро отвел взгляд. И так каждое утро, только в этот раз он был без своих родителей.

Я склонилась над своим тостом и сделала вид, будто не вижу его. К моему ужасу он все-таки подошел к моему столу, остановился и глубоко вздохнул.

— Привет, меня зовут Маттиас, — выдавил он. — Здесь еще свободно? Можно я с тобой позавтракаю?

Я настолько обалдела, что невольно кивнула. Прежде чем он, вздохнув, плюхнулся на стул, который стол напротив меня, мне стало ясно, что это значило: он не из тех, с кем я общаюсь. И этого мне еще не хватало!

— Ты уже давно здесь? — спросил он.

— Две минуты, — ответила я.

— Я имел в виду, как долго ты здесь, в гостинице, — уточнил он.

— Уже десять дней.

— Ты здесь со своими родителями? — хотел он знать.

Когда я кивнула, он продолжил:

— Я тоже.

— Я знаю. Я видела вас вместе, когда вы регистрировались. И когда завтракали.

Они сейчас подойдут? — с надеждой я посмотрела на дверь. Если бы его родители появились, он бы отвлекся, чем я могла бы воспользоваться и быстро смыться.

— Нет, они уже позавтракали. Сегодня у них назначена встреча, поэтому я здесь один. Я еще ничего не ел сегодня, — он посмотрел на меня в надежде.

Я проигнорировала это.

— Что за встреча у твоих родителей? — спросила я.

— Ай, скуотище, наверное. Мой отец — куратор и занят на международной выставке. Моя мама пошла вместе с ним, потому что считает его работу очень важной. Да и потому, что там можно встретить значимых людей. Ей нравятся важные люди. Она ищет всякую информацию о них в интернете.

— Ну да, — сказала я, грызя без удовольствия свой тост.

— Моя мама сказала, что твой отец — одним из ведущих археологов поздних средневековых церквей и дворцов. А твоя мама — лектор по физике и здесь принимает участие в международной конференции. И вы из Франкфурта.

— Я знаю, — ответила я.

— Эх... Ясно.

Мы некоторое время молчали. Я доела свой тост, запила чаем с мыслью о том, какую элегантную отговорку я могла бы использовать, чтобы побыстрее смыться отсюда.

Но почему-то не сработало. Возможно, это было связано с тем, что мне было его жалко. Он носил дорогую одежду и модные кроссовки, однако это не меняло того факта, что он выглядел как полный неудачник.

Маттиас был на три месяца младше меня и приехал из Мюнхена, где еще учился в школе. Как и я, он был на летних каникулах и приехал с родителями в Венецию в надежде на то, что это будет куда менее скучным, чем неделями болтаться дома под причитания своей тетки.

— А со мной дома была бы моя бабка, — сказала я. — Мне от этого тоже не весело.

— Тогда у нас действительно практически похожая судьба. Что ты делаешь на протяжении дня в Венеции, пока твои родители работают?

— Ничего особенного.

Лучше я просто не могла это выразить. Я обошла все известные достопримечательности с мамой и папой, так как по выходным всегда была запланированная культурная программа. Только в течение будних дней я шлялась одна. Я просто шла и каталась на лодках по местности. Или ходила вдоль и поперек, наблюдала за бесчисленным количеством туристов и рассматривала витрины интересных магазинов.

— Что планируешь делать потом? — спросил Маттиас.

— Э... да, я хотела бы еще раз пойти вздремнуть, что-то я ночью плохо спала, — соврала я.

— Ну а потом?

— Даже не знаю, — едва сказав, я пожалела об этом. На лице Маттиаса прямо-таки было написано, что он обдумывал, как нам потом провести время вместе. Итак, я быстро добавила: — Возможно, я пойду покупать обувь.

Покупать обувь — это чисто женская работа. Ни один нормальный в здравом уме семнадцатилетний парень не пошел бы покупать обувь с девушкой.

— Тогда мы могли бы сходить вместе, — сказал он усердно. — Мне нравится покупать обувь.

Я вздрогнула.

— Как хочешь, — сказала я услужливо. — Тогда встретимся через час в лобби и пойдем покупать обувь.

Обувь всегда пригодится, именно поэтому особого сопротивления не было.

Наоборот. Тем более, что в Венеции действительно чудесные обувные магазины, с моделями, которые не найти в Германии на каждом углу. К сожалению, цены тоже не как на каждом углу, если не брать улицы Венеции в масштабе. Другими словами, все упирается в деньги, чтобы купить обувь в Венеции. Но у меня еще были в распоряжении почти все подаренные деньги, от двух бабушек, двоюродной бабушки, крестного и, конечно, от моих родителей, так что скопилось порядком. С тех пор, как я два года назад я начала желать на рождество и день рождения деньги, были, конечно, и дорогие покупки, так же как мой новый iPod, который я недавно приобрела. Или как теперь, новые ботинки.

Когда я вышла из лифта в лобби, Маттиас уже стоял у выхода, с неуверенным выражением лица, как будто боялся, что я передумаю. Когда же увидел меня, он засиял прямо до ушей и показал белые, идеальные зубы.

— О, вот и ты!

Гостиница находилась в Сестриере Дорсодуро, недалеко от Гранд-канала. Мы шли в направлении Академии. Одна моторная лодка, тарахтя, проплыла мимо, заставив воду пениться. Летняя жара тяжело опустилась над каналом и создавала золотые блики на волнах. Благородные старые палаццо на обеих сторонах берега создавали великолепную кулису предпринимательской деятельности, которая царила на воде. — О, смотри, — закричала я. — Красная гондола!

Маттиас вытянул голову.

— Правда? Где же? Я думал, все гондолы в Венеции черного цвета.

То же самое рассказывали мне и родители, прямо на первой экскурсии по городу, в которую была включена поездка на гондоле. "Раньше, — так рассказывал городской гид - гондолы встречались разных цветов. До тех пор, пока в 1633 году Золотой Совет города не издал закон, согласно которому все гондолы должны были перекрасить в черный цвет. И этот закон до сих пор действует.

Откуда же взялась красная гондола на Гранд-канале?

На одно мгновение мне показалось, что я ошиблась, но Маттиас заметил ее тоже.

— Да ну, вон же она! — закричал он.

Она находилась прямо посередине Гранд-канала, напротив нас, направляемая гондольером, который стоял на задней части лодки и держал позади себя длинное весло двумя руками.

Когда гондола была недалеко, я заметила, что гондольер выглядел так же необычно, как и его лодка. Иначе, чем остальные гондольеры в Венеции, он носил национальную одежду, которая состояла из маленькой шляпы с бантом, полосатой рубашки и темных брюк, но не один из видов тюрбана и широкую белую рубашку, к тому же узкий жилет с золотистой нашивкой и цветные шорты, которые позволяли увидеть большие берцовые кости. Он был худой, как спичка, и старый, на мой взгляд, ему было за семьдесят, и это было еще чудо, что он вообще мог грести в темп. Тем более, он видел только одним глазом: второй был, как у пирата, перевязан черной повязкой.

Но самым странным было: он казался мне каким-то знакомым, хотя я понятия не имела, где я его уже видела.

— Что за урод? — возмутился Маттиас.

— По-любому, он тренируется для воскресенья, — предположила я. Мне как раз пришло в голову, что скоро будут гонки на воде, событие, которое каждый год в первое воскресенье сентября собирает огромное количество жителей и туристов. Множество лодок соревнуется в этой исторической гонке на Гранд-канале, наряженные как сто лет тому назад. Мама уже говорила, что мы могли бы также посмотреть это соревнование.

— Точно, — сказал Маттиас. — Соревнование на воде. Ты тоже туда пойдешь?

Если я скажу да, он тут же сообщит, что хочет также посмотреть на них. Невольно задалась вопросом, смогу ли я выдержать его с утра до вечера следующие две недели.

— В принципе, я больше не хочу идти за обувью, — сказала я.

— Почему же?

— Я даже не знаю. Может быть...

Все равно, главное, что-нибудь, что можно быстро купить, чтобы мне можно было снова пойти в гостиницу. Дело было не только в Маттиасе. С ним, в принципе,

было даже ничего. Он был обходительный и дружелюбный, и даже время от времени отпускал шуточки, над которыми я смеялась. Но сейчас, при взгляде на красную гондолу, я почувствовала этот странный зуд в затылке. И с тех пор он не проходил. Я ощутила потребность где-нибудь спрятаться.

Мы прошли мимо конца улицы крошечного переулка, который я не могла вспомнить, хотя уже не первый раз обходила вокруг местности Святого Марка. Раскрашенная, как в старину, висящая над дверью магазина вывеска привлекла мое внимание.

— Это магазин масок, — сказала я. — Странно, конечно. Когда в последний раз тут проходила, я не видела никакого магазина.

— Ты хочешь купить себе маску? Вместо обуви?

— Хм... Да, а почему бы и нет?

Именно так получилось, что я рылась в крохотном магазине, заполненном масками и костюмами. Пыльный запах висел в воздухе, как будто все вещи пролежали здесь долгое время, и ни один человек не заинтересовался ими. Накидки низкого качества, растрепанные перья боа, странные, украшенные вышивкой бархатные куртки. И маски. Целая куча масок. Были типичные венецианские, которые надевают люди на карнавал: некоторые с длинными, похожими на клюв носами, другие украшенные золотом, с похожими чертами лица, или так же полумаски, одна половина которых была белой, другая — черной, которые закрывали только верхнюю часть лица. Другие изображали грустных, сказочных существ и животных.

— Кошка, — произнес хриплый голос.

Я прошлась вокруг и увидела, как из темной глубины магазина появляется старая женщина. Мне показалось знакомыми ее сгорбленная фигура и тонкие, седые волосы, но не имела ни малейшего понятия, где я ее уже видела. Возможно, в Венеции со мной такое случалось чаще. Сначала гондольер и сейчас вот эта старая женщина.

У нее практически не осталось ни одного зуба, а ее лицо было помятым, как древний пергамент.

Ее руки были искривлены из-за подагры, все же она была удивительно проворна, когда взяла с одной из полок маску и подала ее мне.

— Возьми кошку, девочка.

Это была прекрасная маска, украшенная вышивкой с черным бархатом и по кругу золотыми нитями, так что выглядело, как будто она была покрыта шерстью.

Прорези для глаз были окантованы крохотные жемчужины, а около носа были пришиты поразительно похожие на настоящие усы. Маска крепилась с помощью шелковых лент. Я попробовала и поняла, что, к удивлению, она удивительно хорошо подходила, не давила и не скользила, а прилегала идеально везде, как будто была сделана специально для меня.

И выглядела она очень дорогой. Наверное, она стоила слишком дорого. Я уже хотела вернуть ее старушке, но Маттиас опередил меня.

— Сколько же она стоит? — спросил он женщину на итальянском. Повернувшись ко мне, он повернулся ко мне. — Можно обо всем договориться.

— Чем может заплатить девушка? — спросила я старушку.

— Пять евро, — предложил Маттиас экспромтом.

— Десять, — возразила я. Помедлив, я добавила: — Возможно, даже двадцать, — маска определенно стоила того. Кроме того, я сэкономила много денег на обуви.

— Двадцать евро, отлично, — дружелюбно произнесла старуха.

— Двадцать евро действительно подходящая цена, — прошептал Маттиас, когда заметил мои колебания.

Я боролась со своей совестью. Весь магазин действовал на меня, как будто здесь уже давно никто ничего не покупал. Вероятно, старушка так сильно хотела продать вещь, что принимала любую цену, все равно какой бы низкой она не была. Я бы хотела добавить еще пять евро, но старушка взяла купюру в двадцать евро, которую я достала, и безмолвно исчезла в дальней комнате.

Маттиас и я остановились на некоторое время в ожидании, что она вернется с упаковочной коробкой или, возможно, принесет квитанцию, но она просто ушла.

— По-видимому, это все, — сказал Маттиас. — Двадцать евро без чека, которая могла бы стоить тридцать с квитанцией для финансового отдела, как всегда говорит моя мама.

Нерешительно я последовала за ним по улице, пряча маску в сумке, висящей у меня на плече.

По дороге в отель я позволила Маттиасу угостить меня бутербродом, однако настояла на том, чтобы за напитки расплачивалась я. Мы сели рядом с небольшим ограждением и наблюдали за проходящими мимо туристами, пока ели наши сэндвичи, запивая их ледяной содовой.

— Мне нравится, — произнес Маттиас.

— Да, вкусно, — выразила я свое мнение. Проклятый зуд снова вернулся.

— Ты уже определилась, кем хочешь стать? — задал вопрос Маттиас. — Я имею в виду после окончания школы.

— Нет, пока не знаю. Главное, чтобы это не имело ничего общего с математикой. А ты?

— Когда был маленьким, я уже хотел стать зубным врачом, — он покраснел. — Я читаю все, что связано с лечением зубов.

Я вопросительно посмотрела на него.

— Серьезно? Для этого ты должен очень хорошо учиться в школе!

Он покраснел еще больше.

— Эээ... ну, мой средний балл довольно велик, — он заглянул мне в рот. — У тебя отличные зубы.

— Хм, да, мне пришлось 2 года носить дурацкие брекеты.

— Мне тоже. Но мы должны радоваться этому. Правильное стоматологическое лечение помогает сохранить зубы на всю жизнь.

— Да что ты говоришь, — я не находила это особенно увлекательным, для меня желание стать зубным врачом казалось ужасным. Кому вообще может понравиться носить брекеты или пластины для исправления зубов?

Мои мысли дрейфовали. За нами возвышалась церковь, в которой я уже бывала, и пыталась вспомнить, как она называлась. Все же в течение последних полутора недель я осмотрела слишком много церквей, все впечатляющие и набитые искусством, что прямо-таки поражает.

— Ты уже была в Церкви Святого Стефана? — вновь спросил Маттиас.

Я все еще растерянно кивнула. Точно. Святой Стефан. Церковь с косой башней и

странной крышей, выглядевшей изнутри, словно корпус перевернутого судна. Видимо, Маттиаса память была куда лучше, чем моя.

Я потеряла шею, так как зуд становился невыносимым.

— Что у тебя там произошло, тебя кто-то укусил?

— Нет, это своего рода аллергия.

Что я должна сказать? Мой затылок чешется всегда, если приближается опасность?

Он сразу бы подумал, что это связано с вафлями, и это оправдано. Я точно знала, почему я никому не рассказывала. Кроме меня и моих родителей никто не знал об этом. И двое из трех были убеждены, что я должна молчать. Я была одной из них. Моя мама, как настоящий ученый, считала, что речь шла об уверенности, граничащей с вероятностью прерывистых нарушений восприятия. Мой отец, напротив, предполагал, что между небом и землей было больше вещей, чем мог бы объяснить человеческий разум.

Но, к счастью, это случалось только четыре раза. В первый раз я почувствовала зуд в десять лет, когда хотела спрыгнуть с доски для прыжков в бассейн с трех метров. Я сразу знала, что там наверху мне угрожала опасность. Поэтому я осталась внизу и наблюдала, как другой ребенок забирался вверх и падал вниз, так как доска сломалась. К моему безграничному спокойствию никто не пострадал, все отделались испугом, как упавший ребенок, так и люди в воде.

Во второй раз мне было двенадцать, мой отец должен был отвезти меня к подруге, которая пригласила на день рождения. Из-за того, что затылок чесался, я медлила так долго, пока он не потерял терпение и не объяснил, что мне придется воспользоваться автобусом. Я сделала это, хотя он делал большой круг. Позже я узнала, что была страшная авария с несколькими смертельными исходами, именно на том коротком пути, которым мы бы воспользовались на машине, именно в то время.

Два года спустя это произошло в третий раз, как раз перед сороковым днем рождения мамы. Она хотела пышно отпраздновать и пригласила много людей, поэтому дерево в саду выглядело бы более мило, если бы папа украсил его гирляндой к празднику. Так что он взял лестницу и прислонил ее к дереву.

Я потеряла чешущийся затылок и озабоченно предупредила:

— Не делай этого! Я знаю, что что-то произойдет!

Он засмеялся и объяснил, что будет осторожен. Впоследствии день рождения мамы закончился в амбулатории, где папе накладывали гипс на ногу, ему также сообщили, что он уже третий поступивший за сегодня пациент, который упал с лестницы.

Из-за страха, что меня снова не воспримут всерьез в следующий раз, причем я, конечно, надеялась, что следующего раза не будет, я рассказала родителям в тот день о зуде. Они похлопали по моему плечу и посчитали, что я переоцениваю. Слава Богу, не произошло самого худшего, когда это случилось в четвертый раз, год назад, через несколько дней после моего шестнадцатилетия. Мы хотели пойти поесть, папа заказал стол в нашем любимом ресторане.

Незадолго до того, как нам нужно было выезжать, начался зуд.

— Нам лучше не ехать туда, — сказала я.

Папа был восхищен и немного обеспокоен.

— Ты снова это чувствуешь?

Я безмолвно кивнула.

Мама разозлилась.

— Это хорошая возможность доказать Анне и нам, что речь идет о, своего рода, самовнушении. Это не подтверждено научно.

— Разве не как феномен самореализующегося предсказания? — возразил папа.

— Хм. Это зависит от того, применяется ли двусмысленная или неаристотелевской логики. Хотя, нет, — мама решительно покачала головой. — Давайте уже поедem.

— Я не хочу, — говорила я упрямо. Из-за переживаний, что они могли уехать без меня, я схватила ключ от машины и бросила его в туалет.

— У меня есть запасной комплект, — сказала мама.

— Тогда я лягу на выездную дорожку.

Благодаря этому поездка в ресторан решилась. Через два часа мама позвонила в кафе и осведомилась, не произошло ли каких-то происшествий, например, пожар или захват заложников, после чего ее удивленно заверили, что все замечательно. Мама улыбнулась мне и сообщила, что я должна воспринять это как доказательство.

Следующим утром папа поехал на работу. Точнее, он хотел поехать на работу.

Менее чем через три минуты он вернулся и рассказал о луже, которую он заметил на подъездной дорожке. Это была лужа тормозной жидкости. Предыдущим вечером мы бы не заметили ее из-за темноты.

— Два, три раза затормозили бы, — сказал вызванный механик, пока почесывал пальцем горло. — И в лепешку.

С тех пор затылок больше не чесался. До сегодняшнего дня.

Но почему на этот раз зуд проявился, таким образом, без конкретной связи с каким-то проектом или намерениями? Я не собиралась садиться в красную гондолу, да и других планов тоже не было.

Возможно, приближающаяся опасность обладала природными свойствами.

Землетрясение? Наводнение столетия?

— Может быть, у тебя аллергия на солнце, — предположил Маттиас.

— Может быть, — согласилась я с лучшим вариантом.

У сэндвича внезапно пропал вкус, хотя мне нравились эти треугольники, типично итальянский белый хлеб, и я каждый день съедала минимум по одному. Майонез потек между пальцев, когда я отправила последний кусочек в рот, поспешно прожевала и проглотила, чтобы, наконец, покончить с едой. Вдруг мне захотелось исчезнуть как можно скорее. Не только из Кампо3, где Маттиас устроил нам наш маленький пикник, а лучше всего сейчас же из города.

Встревоженная этим странным порывом, я посмотрела вверх.

В этот момент я впервые увидела его.

Глава 2

Когда он подошел ближе, то обратил на себя всеобщее внимание и не только мое. И это вовсе было не из-за его внешности - ну да ладно, выглядел он великолепно, без вопросов, но все же он собирался затеять драку с другим парнем.

Оба были примерно одного возраста, на вид лет двадцати, и громко кричали друг на друга. Однако когда этого оказалось не достаточно, они начали толкаться.

Один, от которого я едва могла отвести взгляд, был небрежно одет: оборванные

потертые джинсы, грязные кроссовки и черная футболка, на которой большими буквами было написано: "Я - настоящий победитель". Его волосы были темными и выющимися, местами слишком длинными, и даже с расстояния одного метра можно было видеть, какими невероятно белыми были его зубы. Я неосознанно подумала: одежда этого победителя не очень хорошо сохранилась, но свои зубы в обиду он не даст.

Другой был пониже и коренастый, а также гораздо агрессивнее. Особенно, когда внезапно достал нож.

Женщина, увидевшая это, закричала от ужаса. Тогда и другие тоже обратили свое внимание на них, и вокруг послышался возбужденный гул голосов. Я затаила дыхание, пока прохожих становилось все больше и больше, они останавливались и наблюдали за происходящим.

Два этих типа непрерывно кричали, до тех пор, пока коренастый рассек ножом воздух, угрожающе близко от кучерявого. Тот не отступил ни на один шаг, но расставил руки, как будто бы хотел вызвать своего противника на бой.

— Что за черт, — сказал испуганно Маттиас. — Он же сейчас пырнет его! Мы должны вызвать полицию.

Коренастый замахнулся ножом, и все, что случилось дальше, произошло настолько быстро, что едва ли можно было что-то понять. Молниеносно победитель завернул руку второго и развернул его так, что нож полетел по воздуху, описав дугу. В то же время кучерявый высоко подпрыгнул и ударил коренастого по колену, на которое тот прогнулся и, ругаясь на всю Ивановскую, остался сидеть на корточках.

Кучерявый придал надписи на своей майке еще больше чести. Он поднял голову, осмотрел быстро, но победоносно, все вокруг. При этом его взгляд пал на меня, и в очередной раз я задержала дыхание. Его глаза были почти нереально голубыми, и, если бы не осторожность, то можно было бы утонуть в них на вечность. Зуд на затылке вдруг стал настолько сильным, что его едва ли можно было выдержать.

— Ты что знаешь этого типа? — шепнул мне Маттиас. — Чего он так пялится на тебя?

Возможно, потому, что это я на него так вытаращилась? Мне не хотелось ничего говорить.

Потом этот момент прошел. Победитель поднял нож своего противника, откинул лезвие и ушел.

Мама Маттиаса была стройной, высокой, северная, белокурая красавица с зеленовато-голубыми глазами и кожей, как фарфор. Когда я в первый раз увидела ее, то поняла, что она выглядит, как киноактриса. Я не знала, что за актриса, но, во всяком случае, известная. Ни один здравомыслящий человек никогда бы и не предположил, что Маттиас был ее сын. Во всяком случае, он бы подошел ей как носильщик чемоданов. Три дня назад, когда семья Тассельхов зарегистрировалась в гостинице, его загрузили тяжелыми чемоданами позади его мамы, в правой руке которой была косметичка, в левой — ее чемодан и поверх сумка для путешествий, все из благородной бирюзовой кожи, подходящей к костюму госпожи Тассельхоф. Затем в Лобби вошел господин Тассельхоф с оставшимся чемоданом, и сразу стало ясно, что это был отец Маттиаса. Он был очень сильно похож на Маттиаса, только немного выше, толще и в очках. Он сказал медленно, подчеркивая:

—Будьте так любезны, у нас здесь комната забронирована. Но-мер на дв-о-их. С до-полни-тельной кро-ватью. Вы понимаете?

—На чье имя, будьте добры? — спросила дама в приемной на идеальном немецком.

—Э..Итак.Эм... Да. На имя Генриха Тассельхофа. Вместе с сыном.

Госпожа Тассельхоф при этом засмеялась, как будто это было вполне нормально, что она, как часть семьи Генриха Тассенхофа, не должна была называть свое имя. Тем временем я знала, что ее звали Джулиана, хотя бы потому, что она умудрилась в течение трех дней перейти с моими родителями на "ты". Она и ее муж случайно встретились с моими родителями вечером в баре гостиницы и выяснили за парочкой бокалов вина, как много у них общих интересов, и уже тогда перешли на "ты".

Джулиана Тассельхоф потащила маму на выставку, а мой папа показал Генриху Тассельхофу место раскопок в замке Тассини. У меня не было настроения посещать переполненные художественные выставки или древние раскопки. Выбраться куда-то с Меттиасом казалось мне меньшим из зол, поэтому мы проводили время вдвоем. Мы шатались туда-сюда по городу или катались на Вапоретто по каналам. Сначала мы поехали на лодке на Бурано и осмотрели на обратном пути Мурано. Этим мы занимались весь выходной, не увидев ничего захватывающего, кроме множества цветных домов (на Бурано) и много разноцветного стекла (на Мурано). Позже мне пришлось сильно пожалеть о том, что я не пошла вместо этого с папой или, по крайней мере, спросить его о мистере Бьярнигнокки Фундштюке. Мой отец коротко упоминал, что он послал странный документ в лабораторию, чтобы проверить подлинность.

— Представь себе, — рассказывал он: — Его, очевидно, написала женщина, у которой было тоже имя, что и у тебя!

— Анна? — спросила я слегка глупо.

Он кивнул:

— Но, как сказано, еще не выяснено, действительно ли все так. Из определенных, отдельных орнаментов, которые показывают анахронические импликации при поверхностном исследовании.

Я ничего не поняла и упустила момент уточнить.

Моя незаинтересованность частично была связана с тем, что Победитель не шел у меня из головы. Я постоянно думала о нем. О его синих глазах. Как пластично он двигался. Как он посмотрел на меня!

По крайней мере, с тех пор зуд больше не возвращался, я, пожалуй, могла быть благодарной за это. И за то, что это, по-видимому, было ошибочной тревогой, потому что не произошло ничего плохого. Тем временем я все больше склонялась к мнению мамы, а именно к ее теории о прерывистых нарушениях восприятия.

Простым языком это значит, что время от времени мозг придает значимость вещам. Все же я была готова принять это. Главное, чтобы оно не повторилось.

Затем наступило воскресение, день регаты. Тогда все вышло из-под контроля. В самом прямом смысле слова.

Генрих и Джулиана решили, что будет замечательно позавтракать вместе, прежде чем отправиться на мероприятие. Мои родители согласились, и поэтому мы встретились утром в воскресение в столовой, встав при этом убийственно рано. Я была такой уставшей, что могла бы еще проспать несколько часов, но Джулиана

Тассельхоф объяснила, если мы не забудем хорошее место вовремя на берегу Гранд-канала, то в самом лучшем случае увидим вымпелы мачт, но никаких лодок, не говоря уже о замечательных, сказочных костюмах сидящих в них людей.

Обычно, как сообщала она, мы могли бы посмотреть представление с одной из лоджий замка. Там жил партнер по гольфу Генриха, который с радостью бы принял всех в своем стильном доме. К сожалению, он уехал.

— Очень важный человек в европейской политике, — сказала госпожа Тассельхоф.

— И банкир, — добавил господин Тассельхоф. — Играет в гольф с невероятным гандикапом.

— Он страдает физическим недостатком? — спросила я.

Маттиас фыркнул в свой чай.

Папа сдержал приступ кашля.

Госпожа Тассельхоф посмотрела на меня снисходительно.

— В гандикап обходятся без способностей игроков в гольф. Один есть у каждого вплоть до профессионалов.

— Вероятно поэтому они ездят по территории на электрических автомобилях, — предположила я. — На нем гораздо удобнее передвигаться по газонам, чем на костылях или инвалидных колясках.

Маттиас неудержимо хихикал.

— Маттиас, это не красиво смеяться над другими людьми только потому, что они ничего не понимают в игре в гольф, — резко сказала госпожа Тассельхоф.

— Мама, я смеялся, потому что Анна пошутила, — ответил Маттиас.

— Откуда ты это знаешь? — порицала его мать.

— Да, откуда? — спросила я. — Вероятно, я тупа от природы. Я уже рассказывала, что как раз осталась на второй год?

— Это все только из-за твоей беспрецедентной лени, — вмешалась мама. — И о твоей достойной сожаления дискалькулии*.

(*Дискалькулия - неспособность изучать арифметику)

— О, разве это не называется как слабость в математике? — спросила госпожа Тассельхоф сострадательно. — Как ужасно для тебя.

— Я могу с этим жить, — сказала я. — Двойка по математике не физический недостаток, по крайней мере, не для тех, кому нужна машина для гольфа.

— Собственно, я имела в виду тебя, — сказала госпожа Тассельхоф моей маме. — Для тебя это настоящий кошмар. Святые небеса, корифей в области физики, но собственный ребенок...

Папа защитил меня.

— Это у Анны от меня. Я никогда особо не умел считать. И однажды я тоже оставался на второй год.

— Маттиас перепрыгнул один класс, — хвасталась госпожа Тассельхоф. — В следующем году он уже начинает сдавать на аттестат зрелости и хочет затем изучать стоматологию.

— Мама, — неловко и тревожно произнес Маттиас.

— У каждого человека есть свои особые способности, — пояснил господин Тассельхоф уверенным голосом. — У одних это, у других то.

Госпожа Тассельхоф положила свою руку на него.

— Как же ты прав, Генрих. Давай радоваться, что Маттиас настолько сильно

талантлив. Не каждый может быть таким умным, как он.

Тут папа не дал меня в обиду.

— Анна пишет замечательные сочинения, — сказал он. — У нее есть талант к письму. И к веселым историям. Ее чувство юмора не отнять.

— Папа! — В этот раз мне пришлось почувствовать себя неловко. Дальше он начал бы рассказывать, как я однажды выиграла кубок, когда занималась вольными упражнениями.

— И Анна прекрасно выглядит, — вставил Маттиас, как будто это оправдывало тот факт, что я была слаба в математике. — Как двойняшка Майли.

— Спасибо, — ответила я.

— Что за Майли? — спросила госпожа Тассельхоф

— Майли Сайрус, — объяснил Маттиас.

— Кто она такая?

— Ну, певица. Которая так же играла главную роль в "Ханне Монтане".

— Где?

— Это сериал. Его крутят по Дисней-каналу.

Его и мои родители поняли, что они не имеют ни малейшего понятия, кто такие Майли и Ханна, но никто из них не хотел этого показывать.

— Внешность порой тоже переоценивается, — пояснила госпожа Тассельхоф.

Господин Тассельхов втянул живот.

— Ты как всегда права, дорогая.

После этого стало ясно, что нам пора выдвигаться на регату.

Госпожа Тассельхов не преувеличила, говоря, что практически невозможно было добраться до канала. На его обеих сторонах люди выискивали лучшие места. На балконах и лоджиях палатки уже топились изрядное количество народа. Одни предусмотрительно заранее зарезервировали в речном ресторане столик, другие для лучшей видимости спустили на воду свои шлюпки, которые крепко были закреплены к причалу. Везде были толпы людей, и казалось почти безнадежным что-либо увидеть на воде.

— Мы слишком поздно пришли, — сетовала госпожа Тассельхоф.

— Чушь, — сказал ее муж. — Соревнование начнется только через полтора часа.

— Да, но здесь полно народа. Мы просто ничего не увидим!

Мы развернулись и зигзагами прошли через несколько узких переулков, чтобы прорваться к другому месту на берегу, хотя набережная и там была переполнена.

— Как досадно, — сказала мама.

— Там, впереди, на причале, — сказал папа. — Там еще есть место.

— Как нам повезло! — воскликнула госпожа Тассельхоф.

Я увидела, как мама сморщила лоб.

— Не думаю, что там разрешено находиться зрителям. В противном случае, там бы кто-то уже сидел.

— Возможно, вы где-то видите табличку с запретом или оградой? — спросила госпожа Тассельхоф. Уверенная в победе, она прокладывала путь между людьми, как бросающееся в глаза красочное пятно в розовом костюме, который она одела сегодня.

Внезапно широкая полоса прямо возле лодочной пристани опустела, как будто ее освободили специально для нас. Люди отходили в сторону, чтобы пропустить нас.

— Да это же настоящее место в ложе! — обрадовался господин Тассельхоф.

— Да, невероятно! — согласился папа.

— Действительно невероятно, — раздраженно сказала мама. Она выглядела так, как будто ждала, что в любой момент Карабиньери или какая-то другая звезда вынырнет, чтобы предложить нам стать там, потому что место предназначалось пожарной лодке. Хотя никто не боролся с нами за место.

Некоторое время мы просто стояли там, и, пока мои родители болтали с Тассельхофами, я осматривалась вокруг.

Везде толпились люди, которые нетерпеливо смотрели на канал.

Из интернета я уже узнала, что Регата Сторика была не просто спектаклем для туристов. Даже для венецианцев это событие имело особое значение, потому что представляло для них ежегодный пик распространенного здесь гребного спорта. Перед самой Регатой проводился исторический парад лодок со многими гондолами и барками, которые двигались по каналу Гранде в праздничной процессии. Все лодки были до мелочей исторически украшены, и гондольеры с пассажирами были одеты в костюмы в стиле пятнадцатого века.

Накануне я "загуглила" еще несколько фото и сообщений со своего iPod'a и уже приблизительно знала, что меня ожидало.

— Великолепнейшая лодка в Бусинторо, — перекрикивала госпожа Тассенхоф общий шум. — Это роскошная барка дожа.

— Ты отлично владеешь информацией, — прокричала мама в ответ.

— Я прочитала о Вене все, что нужно знать. Когда посещаешь иностранные города, нужно быть информированным о них. Об истории или культуре - можете спрашивать меня обо всем, — она показала на канал: — Посмотрите, вон первая лодка! Этим креплениям на носу гондолы уже за 50 лет. Они состоят, если рассмотреть детальнее, из шести частей. Каждая часть символизирует часть Венеции. Одну шестую, если быть точным. Собственно говоря, есть шесть частей города Венеции, поэтому их называют также сестрами. Отдельно существуют Сан Марко, Сан Поло, Каннарегио, Дорсодуро, Санта Гросе и Гвидекка.

— Интересно! — прокричала мама.

Скоро я услышала, как она тихо сказала папе:

— Эта женщина начинает меня нервировать.

— Только сейчас? — спросил папа в ответ.

— Я вас слышу, — сказала я.

— Это было по секрету, — отчитала меня мама. — И эта история с тележками для гольфа была несмешной. Нельзя шутить над инвалидами.

— Как по мне, это было очень смешно, — сказал папа.

— Я уже вижу первую лодку! — восхищенно воскликнула госпожа Тассельхоф.

Со стороны устья канала Гранде приближались украшенные в историческом духе лодки, и уже издалека можно было видеть, какими яркими они были.

— Посмотри, там и красная гондола, — сказал Маттиас.

Да, она приближалась. Веслами снова управлял одноглазый старый мужчина, одетый так же, как и несколько дней назад. Гондола двигалась немного в стороне от остальных, ближе к стенке набережной. К моему удивлению, она полностью отделилась от колонны. Одноглазый старый мужчина несколькими сильными движениями весел привел ее к причалу, где стояли мы.

— Что он делает? — спросила мама.

— Без понятия, — произнес папа.

Гондола приблизилась к ступенькам, вделанным в набережную.

Жестикулируя, старик подал нам знак.

— Выглядит так, как будто он хочет, чтобы мы сели в гондолу, — сказала госпожа Тассельхоф.

— Мне кажется, что он, скорее всего, хочет прогнать нас в сторону, — возразила мама.

— А мне нет, — сказала госпожа Тассельхоф.

— В любом случае, он чего-то хочет, — сказала мама.

— Очевидно, сто пятьдесят евро предоплаты, — предположил господин Тассельхоф.

Старый мужчина услышал это и покачал головой. Он снова подзывал нас, в этот раз нетерпеливее. Он хочет нас прогнать? Возможно, он был в пожарной дружине. Хотя я нигде не видела пожарного инвентаря, но, судя по ярко-красному цвету, все подходило.

Вдруг на набережной возникла давка. Люди двигались ближе, и внезапно вокруг меня началась суматоха.

— Но мы были здесь с самого начала, — возмутился господин Тассельхоф.

Госпожа Тассенхоф приняла решение.

— Мы должны сесть в гондолу. Перед тем, как нас кто-то опередит. Дадим ради приличия старику пару евро и готово.

— Извините! — Кто-то в толпе двигался вперед и при этом расталкивал окружающих в стороны. Видимо, грубо отталкивая людей, он изначально послужил причиной давки. Я не видела, кто он, но зато его было хорошо слышно. Он злобно ругался на итальянском, потому что движение казалось ему слишком медленным. Потом он что-то прокричал старику в гондоле над головами окружающих и тот ответил. Звучало, как команда.

Госпожа Тассельхоф сделала большой шаг вперед и села в гондолу.

— Кто первый встал, того и тапки! — она посмотрела вверх на нас. — Идите сюда, чего вы ждете? Никогда в жизни мы не нашли бы места с лучшим видом!

Господин Тассенхоф и Маттиас послушно взобрались и сели в гондолу. Тем временем мужчина, послуживший причиной давки (я могла видеть только его темноволосый чуб), растолкал в стороны последних людей, которые еще стояли на пути. К сожалению, это были я и мои родители.

Папа начал ругаться, потому что мама была на волоске от падения. Он еле ее удержал.

Я же потеряла равновесие и полетела в воду, описывая дугу. Шлепнувшись, я приземлилась в канал, и пошла ко дну, словно камень.

Глава 3

Вода была совершенно не холодной, во всяком случае, не холоднее, чем в открытом бассейне, но, несмотря на это, после душевой жары, которая бывает поздним летом, это был действительно шок. Не говоря уже о том, что это была настоящая клоака.

Венецианцы должны же где-то оставлять отходы, и, конечно, для этого им служил канал. Он в прямом смысле слова находился прямо перед дверью.

Фыркая, я поднялась на поверхность и жадно вдохнула воздух.

— Анна! — услышала я крик мамы. — О Боже, она упала в воду!

Я ничего не видела, потому что мои волосы, как связка водорослей, закрывали лицо. О Боже, наверное, это и были водоросли! Отвратительные, зеленые, ядовитые канальные водоросли!

Меня подхватили чьи-то руки и потащили из воды в лодку вместе с моей сумкой, которую я держала железной хваткой. В конце концов, там же был мой новый iPod. Надеюсь, в нем ничего не сломалось!

Я в суматохе сняла водоросли с глаз, при этом думая, как мне повезло, что они были только на волосах. Потом я заметила, что меня положили в красную гондолу, в которой я еще долго лежала, как рыба, вынесенная на берег. Надо мной наклонился Маттиас, и я увидела перепуганное выражение, застывшее на его лице. — Ты в порядке, Анна?

— Это была только твоя вина, хам! — услышала я причитания госпожи Тассельхоф.

— Если бы вы не расталкивали людей, этого бы не случилось. И при этом вы же видели, что мы уже наняли гондолу!

При данных обстоятельствах слово "наняли" не совсем подходило. Скорее всего, мы ее изъяли.

— Но все-таки, он спас Анну, — сказал Маттиас.

Он? Кто? Я села и осмотрелась из-под слипшихся век. Первым я увидела парад исторических лодок, которые рассекали воду возле нас. Потом мой взгляд привлек старый гондольер, чей единственный глаз равнодушно наблюдал за мной. Вверху, на причале, я узнала в толпе облегченные выражения лиц родителей.

И потом я повернулась к моему спасителю, который смотрел на меня явно озлобленно.

Это был победитель.

Старый гондольер что-то ему сказал; звучало, как предостережение.

— Вам нужно было сразу же уйти, — обратился ко мне на английском победитель. Он казался нервным.

— Забудьте, — возразила госпожа Тассельхоф. — Мы были здесь с самого начала. Если кто-то и должен был уйти, то вы!

— Вы можете остаться здесь, но не девушка!

— Без проблем, меня все равно не интересует езда на гондолах, — объяснила я. Мой английский не был отличным, но я надеялась, что победитель понял. Только что я как раз увидела, что нож, который он забрал у другого парня в драке, все еще прикреплен к его поясу. И он производил впечатление человека, который бы не потерпел противоречий.

Он был одет в историческом духе, точно как старый гондольер, но победитель выглядел намного лучше. В узких рейтузах его икры казались очень мускулистыми, и даже украшенная вышивкой красная кожаная куртка подчеркивала его преимущества. Обувь выглядела немного нелепо с острыми носами в форме клюва, но они подходили к остальному костюму. Как и шляпа, которая лежала возле него на скамье.

Все это я видела боковым зрением, пока собиралась выйти из гондолы. Однако это было не так просто, потому что все, во что я была одета, включая сумку через плечо, промокло до нитки. Это отразилось на том, что я весила в два раза больше,

чем обычно. Когда я сделала шаг по лестнице, я была на волоске от второго падения в канал. Победитель поймал меня за пояс брюк и сохранил от еще одного купания в помоях. Папа тем временем наклонился с причала и протянул руки, чтобы помочь поставить меня на землю.

За долю секунды до того, как я дотронулась до пальца папы, я услышала, как победитель крикнул что-то. Звучало, как "troppo tardi", что, видимо, значило по-итальянски "неуклюжий".

Потом, к моему безграничному удивлению, между мной и набережной что-то начало мерцать. Сначала это было похоже на тонкую линию света, которая выглядела, как будто кто-то направил видеопроектор в воздух, и потом явление увеличилось, как будто между мной и людьми на набережной сформировался слой настоящего ослепительного света, который становился все гуще.

Мой отец и люди вокруг него расплывались и одновременно окутывались светом, пока совсем не пропали из виду.

— Что здесь случилось? — закричала госпожа Тассельхоф позади меня. —

Помогите! Генрих, сделай что-то!

Если бы Генрих что-то и сделал, это бы все равно не помогло. Госпожа Тассельхоф снова пронзительно позвала на помощь, а через секунду умолкла.

Я хотела что-то сказать, но мои голосовые связки внезапно превратились в лед. Я попробовала выпрямить руки, но тело было парализовано.

Меня охватил холод, я не могла больше дышать. Вокруг меня все начало вибрировать, все находилось в движении, меня трясло, лодка, казалось, поднялась и одновременно упала в пропасть, хотя одновременно это не могло случиться.

Я утонула, ударилась головой. На самом деле никто меня не спас. Я лежу на отравленном отходами дне канала, и я мертва. То, что я переживаю тут, — это некие последние конвульсии моей бедной ауры перед тем, как она навсегда исчезнет в нирване.

Ослепляющая яркость охватила меня полностью. И в следующий момент, ужасно неожиданно, она взорвалась, сопровождаемая оглушительным треском. Потом весь мир утонул в полном мраке.

Когда я снова пришла в себя, я не могла ничего видеть. Зато чувствовала себя намного лучше. Казалось, что меня мелко порубили, разжевали и выплюнули. От головы до ног у меня все болело. Сильнее всего болела голова. Изнутри кто-то бил молотком мне по вискам. Возможно, даже заостренной киркой.

Тяжело вздыхая, я привела себя в чувство и одновременно попробовала выяснить, где я. И почему я лежала на твердом, как камень, полу.

Я лежала на камне, точно, как я и чувствовала. Кончики моих пальцев коснулись шероховатой брусчатки. Грязной брусчатки. Я лежу на собачьем помете? Точно, воняет ужасно!

Но это было не худшее. Я была голой! Даже без нижнего белья! Я сразу же попробовала позвать на помощь, но не издала ни звука.

— Что делать с девушкой, когда она проснется? — спросил тихий мужской голос.

— Она скоро должна прийти в себя.

— То же, что и с остальными, — прозвучал тихий ответ. Это был голос победителя!

— Позаботься о том, чтобы она оделась и пошла домой. Если она прибыла с нами, значит, у нее здесь где-то есть дом.

— Ты уверен? — спросил первый мужчина. — В конце концов, она этого не планировала.

И хотя он говорил это шепотом, было слышно, что он раздражен.

— У тебя есть другое предложение?

— Да, позаботься о ней сам. В конце концов, это ты взял с собой нежелательный груз!

— Мне нужно сейчас же идти, и ты знаешь. Уже сегодня ночью Тревисан нападет, и если я не остановлю его, тогда кто? Малипьеры прячутся с ядом и кинжалами на каждом углу!

— Ну, хорошо, тогда исчезни и делай то, что нельзя отложить, — сказал он уступив. Шаги удалялись, и тогда я, наконец, увидела первое мерцание света, с лица сняли накидку. Точнее что-то вроде грубого мешка, который кто-то натянул на меня и тем самым закрыл мне зрение.

В слабом свете мерцающего фонаря я заметила над собой лицо, которое не вызывало особого доверия. По крайней мере, ему не помешало бы основательно побриться, чтобы избавиться от лохматой бороды. Оно принадлежало молодому парню, максимум двадцати лет, и по нему было явно видно, что он не собирался говорить со мной по-доброму.

Мои мысли разбежались. Меня похитили. Ввели наркотик. Раздели. И, вероятно, сделали со мной еще какие-то плохие вещи. Где полиция, когда она так срочно нужна?

— Убери от меня руки, или я закричу, — выпалила я.

— Я только хотел тебе помочь, ты, неблагодарная, — сказал бородатый тип.

С трудом я приподнялась, прижимая к телу плохо пахнущий мешок.

— Как я сюда попала? Что случилось? Где мои родители? И мои вещи?

Он подал мне стопку одежды.

— Вот, надень. Стыдливости ради, — протягивая мне одежду, он смотрел в сторону, но я не доверяла его внимательному отношению и не выпускала его из поля зрения, отбросив мешок в сторону и хватая одежду. Вещи были странными и совершенно не были похожи на те, которые я надевала раньше. Слишком длинная, довольно жесткая, наподобие ночной сорочки, которые всегда носила моя бабушка. Другой предмет одежды был коричневого и почти такой же ширины, однако верхняя часть была со шнуровкой. Вся ткань выглядела так, как будто ее взяли из театрального фонда для исторических костюмов.

Бородатый тоже был одет в старинную одежду. Его наряд состоял из короткой сорочки, длинной жилетки и рейтуз. К тому же, он носил похожую шляпу как тот, которого я видела в лодке рядом с победителем. Едва ли речь могла идти о более историческом. Даже на его ремне красовался короткий меч.

Он тоже участвовал в регате старика и также прихватил там женские вещи, которые дал мне?

Не важно, самое главное, мне не нужно было бегать нагишом, и я могла по возможности быстрее улизнуть. Сначала я спешно натянула рубашку через голову и затем одеждоподобную накидку. Я не искала трусики или лифчик при данных обстоятельствах. Но для ног там оказалось что-то вроде ботинок с клювом, похожих на те, что носил победитель.

Где же был сейчас тот парень? Он так сильно спешил исчезнуть! Единственное, что

меня радовало - это то, что мне придется удирать от одного типа вместо двоих. Пока я затягивала шнурки на одежде, я осмотрела окрестности и пыталась подготовиться к побегу. Должно быть, я пробыла долгое время в бессознательном состоянии, так как была уже глубокая ночь. Я находилась в ужасно узком, типичном венецианском переулке, с кривыми домами и косыми фасадами, каких в городе было сотни. Несмотря на матовый свет от свечи в фонаре в руках бородатого, вокруг было совершенно темно.

— Как твое имя, девушка? — спросил бородатый. Он снова повернулся и бросил на меня взгляд.

— Мне очень жаль, но мне срочно надо домой, — сказала я, медленно делая задний ход. — Сейчас действительно ужасно поздно.

— Ты можешь идти прямо сейчас, но мне надо знать твое имя и место, где ты живешь.

— Меня зовут Ханна Монтана.

— И где ты живешь?

— На канале Дисней, — я повернулась, чтобы идти. — Теперь же мне нужно отправиться в путь.

— Подожди, — он начал раздражаться. — Ты действительно не хочешь знать, что произошло?

Я хотела этого больше всего на свете, но еще больше я хотела назад в отель. А также до ближайшего телефона, чтобы позвонить в полицию. Однако, бородатый, кажется, придавал этому большое значение, чтобы я спросила его, что именно произошло, поэтому я сделала это, чтобы поддержать его настроение.

— Что же все-таки произошло?

— Ну, расскажу по-быстрому, — ответил он. Звучало так, как будто было заучено.

— На тебя напали грабители, ударили тебя, ты потеряла сознание, а они украли твою одежду. Увидев меня, они оставили тебя и убежали. Можно сказать, что я тебя спас.

— Так, понятно, — сказала я. — Это замечательно, — я сделала максимально благодарное лицо. — Спокойной ночи.

Спокойно и неторопливо я шла прочь, пока не убедилась, что бородатый больше не видит меня. Затем мгновенно перешла на бег. И уже через несколько шагов остановилась, как будто меня ударило громом.

Глава 4

Преодо мной находился Гранд-канал, я его сразу же узнала. Во всей Венеции есть только один канал такой величины, окруженный с двух сторон таким огромным количеством помпезных палаццо.

Но вместо освещения фонарей я увидела только единичные факелы на реке. Факелы! Нигде не было ни одного катера, которые постоянно тарахтели на Гранд-канале. Куда подевались все моторные лодки? И я могла бы поклясться, что с домами было что-то не так, так же, как я не могла сказать с ходу, что это было. Пристань для лодок также выглядела разрушенной.

Я начала сомневаться, действительно ли это Гранд-канал. Возможно, есть еще один канал, который похож на этот, но я не могла ничего припомнить.

Потом я увидела мужчину и женщину, выходявших из палаццо. Сначала я хотела с

ними заговорить, но не издала ни звука. Оба были одеты так, как будто вышли из исторического фильма. Они вместе сели в гондолу. К передней части лодки был прикреплен фонарь, точно такой, как у бородатого. Гондольер тоже был одет в историческую одежду. Он собирался двинуться, а пара тем временем опустилась на скамью.

Регата старика продолжалась ночью? Это была новая программа? Все в старинном стиле, нигде нет электрического света, моторных лодок, нормальной одежды? Или сейчас как раз снимали сцену фильма, везде установили прожектора, режиссер кричал: "Снято!", и перед следующим сигналом хлопушки на съемочную площадку отправили команду гримеров, чтобы припудрить актеров?

Я ждала, ждала, а люди из съемочной команды ниоткуда не появлялись. Вместо этого появилась еще одна гондола, потом еще одна, и в обеих сидели люди в исторических костюмах. Сразу же после этого я увидела троих мужчин, маршировавших на другом берегу. У них были копья, шлемы и что-то похожее на вооружение рыцарей в качестве верхней одежды.

Я заметила, как мое тело задрожало, и сейчас же я снова почувствовала, как у меня заболела голова. Несмотря на это, я заставила себя думать более-менее сконцентрировано. Я же должна найти хоть какое-то логическое объяснение!

У меня не было много идей. Насколько я могла судить, не более больше четырех. Я или была мертва, или в чистилище. Или была под наркотиками. Или это был фильм. Или я сошла с ума.

Я вздрогнула. Позади меня появился бородатый парень.

— Ты все еще здесь, Ханна. Боишься сама идти домой? Мне проводить тебя до дома?

Его лицо отображало честное сочувствие. В принципе, он не выглядел, как человек, которого мне стоило бы бояться. До сих пор он казался раздраженным, потому что считал меня почему-то обузой, но сейчас он казался искренне взволнованным.

Я перевела дух.

— Я хочу знать только одно: я умерла? Предположим, так и случилось, но тогда бы я не чувствовала все так по-настоящему, разве нет?

Он сморщил лоб.

— Ты жива и здорова. Почему ты спрашиваешь об этом, Ханна?

— Эмм.. Здесь снимают фильм? — спросила я.

На самом деле, это я и хотела спросить. Но вместо этого задала другой вопрос:

— Здесь носят специальные костюмы?

Я в растерянности замолчала. Почему я не могла выговорить слово "фильм"? Я снова попробовала, в этот раз энергичнее:

— Костюмы, — услышала я себя. — Костюмы.

Около десяти раз подряд. Сколько бы раз я не пробовала, никак не могла сказать "фильм".

Казалось, бородатый внимательно прислушивался.

— Расскажи мне то, о чем помнишь. Начиная от того, что случилось, и, заканчивая тем, как ты сюда попала.

Ничего не понимая, я уставилась на него. Это уже случилось с кем-то?

— Я помню все, — осторожно сказала я. — Я упала в воду, потом этот тип спас меня и посадил в красную гондолу одноглазого старика-гондольера. Затем -

вспышка, и я просыпаюсь здесь голая.

— О Боже! Ты сохранила память!

А чего он ожидал? Что наркотик внутри меня будет действовать вечно?

— Я не помню грабителей, — произнесла я коротко.

Он вздохнул:

— Не было грабителей. Их выдумал Себастиано.

— Кто это еще?

— Мужчина, который доставил тебя сюда.

— И этот Себастиано забрал всю мою одежду, и даже зеркало? — спросила я.

Зеркало? Я громко застонала. Почему я сказала "зеркало"? Я хотела сказать об iPod'e!

— Зеркало, — испуганно повторила я. — Зеркало!

Бородатый вздохнул.

— Можешь даже не пробовать.

— Что вы со мной сделали? — закричала я, упрекая. — Почему я не могу сказать зеркало? То есть, не зеркало, а зеркало!

— То, что ты хочешь сказать, невозможно выговорить. Иначе это считалось бы анахронизмом.

(анахронизм - хронологическая неточность, ошибочное отнесение события, явления какой-либо одной эпохи к другой)

Где-то я это сегодня уже слышала!

— Анахро... Черт возьми, да что это такое? — с досадой закричала я.

— Что-то, что противоречит этому времени.

Я уставилась на него, ничего не понимая.

— Этому времени?

— С твоей точки зрения, это прошлое.

Я не могла удержаться, чтобы не засмеяться вслух. Но на самом деле это было совершенно не смешно. Даже для моих собственных ушей мой смех казался сумасшедшим.

— Ш-ш-ш, ты слишком шумишь! — сделал мне замечание бородатый. — Ты сейчас добьешься того, что часовые схватят нас!

Я сразу же задержала дыхание.

— В конце концов, скажи мне, что здесь происходит!

— Я тебе уже объяснил.

— И я не верю ни одному слову.

Бородатый снова вздохнул.

— Пошли. Я провожу тебя к месту, где ты можешь остаться на некоторое время.

Я последовала за ним. На чьей стороне я должна была быть? Хотя я его и не знала, он знал того парня, который меня вытащил, а это уже помогало кое-что выяснить. Действительно, появилась острая необходимость все выяснить. Нигде не было электрического света: ни в домах, ни на улице, ни на площадях. Нигде не было моторных лодок, ни на одной набережной. Все люди, которые время от времени перебегали дорогу, были одеты в старинную одежду. Большинство из них несли с собой свечи, некоторые - даже факелы. Все казалось мне абсолютно реальным. Я даже могла чувствовать запах смолы от факелов.

Я наверняка сошла с ума, потому что только сумасшедшие видят вещи, которые

кажутся им абсолютно реальными. Все началось с безвредного зуда на шее, и потом внезапно превратилось в явный психоз.

Как только я вернусь домой, я обязательно расскажу кому-то эту безумную историю. Ванесса спросила бы, что я несу, а мама потащила бы меня к школьному психологу и сообщила бы ему о моем раздражающем нарушении восприятия.

После обманчиво мягких смешков он бы спросил: "Анна, в последнее время не переживала ли ты непривычного стресса? Ты же знаешь, что в реальности не существует никаких путешествий во времени."

Нет, конечно же, не существует. Это я и сама знала. Я лучше сразу начну со всего того, что я здесь пережила, когда наблюдала какую-то иллюзию. Например, этот ворчливый венецианец. После того, как я рассказала ему, что случилось со мной в прошлом, он погрузился в тишину, и, поскольку он существовал только в моем сознании, я не считала необходимым с ним разговаривать.

Несмотря на это, я следовала за ним, потому что нехорошее предчувствие говорило мне, что я немногого добьюсь одна.

Он быстрым шагом вел меня переулки и мосты, а я неуклюже шла за ним, как в гипнотическом сне.

— Куда мы идем? — поинтересовалась я. Наверное, он - дружелюбный Фата-моргана и может мне помочь выйти из этой ситуации, если я вежливо его попрошу. (Фата-морганa (итал. fata Morgana — фея Моргана, по преданию, живущая на морском дне и обманывающая путешественников призрачными видениями) — редко встречающееся сложное оптическое явление в атмосфере, состоящее из нескольких форм миражей, при котором отдалённые объекты видны многократно и с разнообразными искажениями.)

Молчание в ответ.

— А у тебя вообще есть имя? — спросила я.

— Бартоломео.

В моем подсознании было действительно много фантазии. Даже у приведений были собственные имена. Я решили сократить Бартоломео до Барта, так как это неплохо подходило к кустарнику на его лице.

Я все еще спрашивала себя, сколько я еще должна ходить в ночи в этом непонятном духовном состоянии, как он остановился в крошечном переулке.

— Мы на месте.

Мы стояли напротив узкого, двухэтажного домика, второй этаж которого частично выступал над первым, точно так же, как у всех домов на этом переулке. Окна были маленькими, с толстыми стеклами, за которыми было темно.

Барт нетерпеливо стучал в дверь, пока ту не открыли изнутри. Прорвавшийся запах трав, дыма и непроветриваемого спертого воздуха ударил мне в лицо. Для галлюцинаций пах он удивительно реально.

Передо мной стояла женщина в мешкообразной до пола рубашке, под которой колыхалась масса ее тела. Она держала свечу, которая освещала ее двойной подбородок. Тяжело было определить, сколько ей лет. Во всяком случае, на лице у нее не было складок, для этого она было слишком толстой.

Возмущенно она посмотрела сначала на Барта, а потом на меня.

— Вас, без сомнения, прислал сам дьявол!

— Почему Вы предписываете мне все самое плохое?

— Потому что я заметила, что Вы не приносите хороших новостей. Или могу я надеяться, что Вы пришли забрать беспомощного малыша?

— Нет, я привел еще кое-кого. Бедную, бездомную девушку.

— Я же говорила, что вас сам черт прислал!

— Да нет же, Монна Матильда. И не так громко, если можно Вас попросить. Вы же разбудите всех соседей.

Барт подтолкнул меня во внутреннюю часть дома, что женщина приняла к сведению с неудовольствием.

— Если вы просите о том же, как в прошлый раз, я буду говорить еще громче! Это маленькое домашнее хозяйство, мы и без того уже живем крайне стесненно!

— Вам хорошо заплатят за то, что вы терпите это.

Взгляд толстой женщины стал жалким.

— Это должно быть только на пару дней! И как долго она будет питаться за мой счет?!

— Вы не выглядите так, как будто испытываете недостаток в еде. Наоборот.

— Вы хотите еще и оскорбить меня, после того как я пожертвовала собой? Уже пять лет я предоставляю этому дерзкому малышу пищу и кров.

Кров? Дерзкий малыш? Пять лет?

Я слушала спор, ничего не понимая. Только одно бросилось мне в глаза: они оба общались друг с другом на Вы и Вам, как будто их было несколько. По-видимому, так было принято в этом времени, или этом сне, действительное вежливое обращение. В остальном они говорили в совершенстве на немецком. Это и было убедительным доказательством, что я только все вообразила.

— Вы чрезмерно преувеличиваете, — сказал Барт. — А эта пробудет здесь не дольше двух недель, — он покопался в мешке, который он носил на поясе, и подал несколько монет. — Этого должно хватить на это время.

Несмотря на недоброжелательное отношение, толстая схватила деньги.

— Подождите, — вежливо сказала я. — Мне не нужен никакой кров. Сегодня я снова поеду домой. Как только этот Себастиано...

— Себастиано! — в ужасе крикнула толстая женщина, схватившись руками за сердце. — Если этот бездельник приложил руку к этому делу, с нами может приключиться только беда!

— Себастиано! — услышала я взволнованный голос с лестницы, которая вела вверх в задней части комнаты. Одновременно с этим вниз спускалась девочка и остановилась перед нами с вопросительным выражением в глазах. Она, вероятно, и была тем самым дерзким малышом.

Если она питалась за счет толстой, она мало получала от нее. Под ночной сорочкой она была хрупкой, как эльф.

Разочарование отобразилось на ее лице, когда она увидела, что среди пришедших не было искомого.

Она повернулась к Барту.

— Где он? Почему он не пришел? — затем она посмотрела на меня. — Кто она? Что она здесь забыла?

— Ее... бросили, и она осталась без дома.

— Ты имеешь в виду так же, как я?

— Можно так сказать.

— О! — ее глаза округлились.

— Подожди-ка, — говорю я. — Значит ли это, что ты тоже с Себастиано... Ты тоже думаешь, что ты...

Я хотела сказать "совершила путешествие во времени", но не могла подобрать подходящее слово. Я неоднократно пыталась, но достигла этим только того, что безмолвно стояла с открытым ртом.

— Небеса должны сжалиться над нами, — проговорила толстая. — У нее те же страдания, как у Клариссы! Когда же это кончится!

— Я позабочусь о ней, — сказала девочка, бросив сверлящий взгляд на Барта. — При одном условии, Бартоломео.

Он вздохнул, и было заметно, что он чувствовал, что его шантажировали.

— И каким же?

— Себастиано должен заглянуть сюда, и обязательно завтра.

Барт вздохнул:

— Сделаю, что смогу.

— Тогда позаботься, чтобы этого хватило.

Внезапно она обратилась ко мне.

— Как твое имя?

— Анна, — ответила я, захваченная врасплох.

— Я думал, тебя зовут Ханна, — неодобрительно сказал Барт.

Но я ничего не ответила. Кто-то, кто так скупко обходится с информацией как он, не должен жаловаться из-за одной буквы.

Я повернулась к девочке.

— Большое спасибо за твою готовность помочь. Но я не думаю, что ты должна обо мне заботиться, так как это своего рода только бред...

Она перебила меня.

— А я — Кларисса. Судьба сделала нас сестрами. Добро пожаловать в твой новый дом. Пойдем наверх, я покажу тебе нашу каморку.

Конечно, это вообще не принималось в расчет. Я крепко схватила Барта за рукав, когда он хотел уйти. Для бредовой мысли на ощупь он был довольно настоящим. — Ты ни в коем случае не оставишь меня здесь! Я хочу домой!

Вмешалась Кларисса:

— Я тоже хочу этого. Уже давно. Но это ничего мне не дает.

Толстая женщина стала нетерпеливой.

— Заканчивайте с перебранкой! Разбудите мне еще Якопо! А теперь отведи нового малыша в каморку и позаботься о том, чтобы наступило спокойствие, чтобы достойные уважения люди могли продолжить спать! — она повернулась к лестнице и пошла наверх. Ступени достаточно сильно и протяжно скрипели под ее весом.

Барт стряхнул мою руку с рукава и собрался уходить.

Я все еще не планировала оставаться здесь. Спешно я преградила ему дорогу.

— Ты должен взять меня с собой! Отведи меня к Себастиану!

— Исключено, — его тон не терпел противоречий. — Сегодня ночью ты была бы только дополнительной опасностью для него!

У меня не было ни малейшего представления, что он подразумевал под этим, что противоречить было бесполезно. Я так запуталась, что позволила ему отодвинуть меня в сторону. Он исчез в ночи, даже не попрощавшись, а мне не оставалось

ничего другого, кроме как последовать наверх за девочкой Клариссой.

Глава 5

Каморка была маленькой, не намного больше, чем кровать, которая стояла там.

— Это твоя кровать? — спросила я вежливо.

— С этого момента, она и твоя тоже, — сказала Кларисса.

Я как раз хотела предложить ей, что могла бы поспать где-нибудь на диване, но затем поняла, что чего-то подобного здесь нет и в помине. В этой комнате, во всяком случае, нет. Из мебели были только сундук рядом с кроватью, табуретка и столик с парой вещей на нем, относящиеся к уходу за телом: расческа, ручное зеркальце и чашка, в которой что-то лежало, что я посчитала мылом.

А под столиком стоял... Я должна была два раза всмотреться туда, но это был действительно ночной горшок. Кроме недоверия взгляд на горшок послужил еще причиной того, что мне внезапно стало ясно, что мне срочно надо в туалет. Можно было ли так сильно этого хотеть?

— Ты думаешь, что ты всё это только воображаешь? — спросила Кларисса.

Я ошеломленно кивнула.

— Со мной поначалу было точно так же.

— Ты хочешь сказать...

— Это не сон. И не бредовое представление. Все это — правда. Настоящий мир.

Настоящее прошлое. И нет дороги обратно, во всяком случае, для меня.

Мне стало очень плохо и меня чуть не стошнило в горшок. Но характерный звук в кишках прервал порыв рвоты. В стрессовых ситуациях меня, к сожалению, клонит к диарее. Мне надо было в туалет, прямо сейчас.

Я откашлялась:

— Есть ли здесь в доме туалет?

То есть, я хотела сказать туалет, а получилась уборная.

— Я отведу тебя туда, и в следующий раз бы будешь знать, где она находится, — сказала Кларисса. Она шла со свечкой впереди, а я следовала за ней сзади. Большое помещение на первом этаже, которое я не так хорошо осмотрела во время своего прибытия, было разделено посередине прилавком, на котором всякая всячина была поставлена в ряд. Я узнала весы, бумагу и перо для письма и подсвечник. Повсюду на стенах висели, высотой до потолка, полки, в которых были стаканы, сковородки и глиняные сосуды всех размеров, рядом были мешочки и коробочки и всякий другой хлам. Под потолочной балкой висел высохший букет растений.

— Это магазин пряностей?

— Магазин трав, — сказала Кларисса. — Это магазин Матильды. А я ее помощница.

Она открыла дверь, которая вела в комнату с низким, закопченным потолком.

— Это наша кухня, — пояснила Кларисса.

В углу я увидела построенный из камня очаг, над которым на цепи болтался котелок. Рядом на стене находилась полка для посуды. В центре помещения стоял стол, с парочкой табуреток вокруг него. В помещении было что-то таинственное, хотя все было так примитивно.

Через следующую дверь Кларисса вывела меня на улицу. При свете свечи я увидела внутренний двор, который был окружен живой оградой из плюща. На одной

стороне был сарай для дров, совсем рядом находилось маленькая постройка.

— Уборная, — сказала Кларисса, указывая на постройку. Она обходительно протянула мне свечу.

Я зашла в эту хижину и тут же пожалела об этом. Здесь был ужасный запах, и я тут же вспомнила о рассказах своей бабушки, которая на каждом семейном празднике перебирала свои детские воспоминания. Одно из них было о плюх-туалете, с которым она выросла. Еще сегодня этот запах у нее в носу, говорила она. Сейчас я знала, что она имела в виду. И, кроме того, я уже окончательно знала, что точно нахожусь в прошлом. Ни одно, даже самое творческое подсознание, не могло и представить этот зверский запах и вид широкой деревянной балки с дыркой размером с задницу посередине.

Это было последней каплей. У меня начался самый ужасный понос всех времен. Поспешно я поставила поднос, подняла одежду, несколько толстых мух улетели прочь, и я пристроилась над ужасно воняющей дырой. Оставалось только надеяться, что это был последний раз перед моим возвращением в мое время, так как я нигде не видела здесь туалетную бумагу. Была только деревянная миска, в которой лежали какие-то листья. Так как на ощупь они были все-таки мягкими, я просто воспользовалась ими.

— Ты можешь спрашивать у меня о чем угодно, — сообщила Кларисса, когда я снова вышла на свежий воздух. — Но мы должны разговаривать тихо. Иначе нас может кто-нибудь услышать, не посвященный в дело, не говори налево и направо. Это один из видов запрета, против этого ничего нельзя сделать.

Я должна была сначала глубоко вдохнуть, чтобы устранить кислородное голодание.

— И в каком же мы году? — спросила я.

— В 1499, — сказала она.

— Боже мой, — шокировано прошептала я.

— Я родом из 1793 года. А ты?

Я хотела сказать, но ничего не вышло. Беспомощно я посмотрела на Клариссу, которая расстроено махнула головой.

— Ты из моего будущего. Поэтому ты не можешь это сказать. Даже не пытайся это сказать снова. Все, что ты захочешь рассказать мне о твоём времени, как будто бы застрянет у тебя в горле. Какой у тебя родной язык?

— Немецкий. Ты, впрочем, говоришь очень хорошо, точно как Бартоломео и Матильда. Вообще не слышно акцент, — в замешательстве призналась я. — И, собственно говоря, это очень странно.

— Я не говорю по-немецки, — сказала Кларисса. — Я родом из Франции и разговариваю по-французски, и только.

Не веря, она взглянула на меня.

— Но как...

— Как же мы друг друга понимаем? Я тебя, а ты меня и Бартоломео или всех остальных, которых ты здесь встретишь? Это в сути вещей. Путешествующие во времени приспосабливаются, один из них понимает язык других, и он так говорит, что все остальные это понимают. Все до единого.

Я не знала, как должна относиться к этому. Кто-то из путешествующих во времени построил что-то наподобие межгалактического транслятора? Невозможно, хотя, во всяком случае, рационально и практично. Жаль, что у нас в школе не изучался этот

метод. На латинском или английском я бы могла этим воспользоваться. Беседа почти закончилась. Я обдумывала, что я знала о Франции в 18 веке. В общем, столько, сколько при моей последней работе по истории по теме, равным счетом, ничего. Нет, стоп - французская революция! Произошла она примерно в это время?

Я попробовала свое счастье.

— Ты знаешь Марию Антуанетту?

Кларисса вздрогнула.

— Кто ее не знает, бедную убитую королеву.

— Э... Когда ты исчезла, она уже была...?

— Под гильотиной? — Кларисса подавленно кивнула. — Я видела ее мертвой и горько плакала.

— Э...я недавно видела про нее костюмированную пьесу с актрисой. — Собственно говоря, я хотела сказать фильм с Кирстен Данст, но это автоматически превратилось в уже сказанное мной костюмированную пьесу. — Кто все это придумал? Я имею в виду, о языке и запрете?

Она пожала плечами.

— Без понятия. Но я могу тебе объяснить, как это работает: Тот, кто прибыл из будущего, говорит на языке этого времени, как все. Но никто не может что-то выразить из будущего, так как это приведет время к беспорядку.

— Что ты имеешь в виду под беспорядком? — спросила я.

— К беспорядку время придет тогда, когда знания из будущего будут выданы, и кто-нибудь сможет этим воспользоваться, чтобы изменить будущее.

— А если это просто записать?

— Это еще хуже. Рука с пером как парализованная. Вероломные слова, которые хочешь написать, невозможно нанести на бумагу или они полностью изменяются.

— Переводятся ли слова на итальянский язык при письме?

Она кивнула.

— Я думаю, да. Тем не менее, это не заметно, как и при разговоре — просто выглядит так, как будто просто научился этому. Все же горе, пытаться записать что-то, записывая в нем указания! С давних пор я пыталась написать письмо. Для своей матери, которой я хотела бы сообщить, что со мной произошло. Но не смогла написать и полстроки, — она смотрела на меня преисполненная надежды. — Ты могла бы попробовать! Определенно ты умеешь хорошо писать!

— Ну да, хорошо — это кое-что другое. Но даже если у меня получится, как ты хочешь сделать так, чтобы твоя мама получила письмо через триста лет? Я думаю, в пятнадцатом столетии почте нужно еще невероятно долго, так долго, как никогда. Кларисса совершенно не заметила, что я пыталась разрядить обстановку шуткой.

Подавленно она пожала плечами.

— Все так трудно. Я уже пять лет у Матильды, но она не имеет ни малейшего понятия, что произошло. Как часто я пыталась объяснить ей, но каждый раз начинаю заикаться и не могу ничего выдать из себя. Она считает, что меня подкинули ребенком, и я пережила неизлечимый нервный срыв, — сопела она горестно. — С Бартоломео я даже не могу говорить о моем времени, хотя он определенно знает, что я прибыла из будущего.

— Ты можешь поговорить со мной об этом, — утешала я ее. — Во всяком случае,

до тех пор, пока я еще здесь.

— Остается только надеяться, что ты останешься надолго, — говорила Кларисса пылко.

— Лучше бы нет.

— Сначала я тоже думала, что это только на несколько дней, а на самом деле затянулось на годы!

Что за ужасное видение! Со мной определенно такое не произойдет!

— Что с этим Себастиано? — уклонилась я. — Какую роль он играет во всех этих вещах? Из какого времени, собственно, этот парень?

— Он путешественник во времени.

— Но мы же все тоже!

— Нет, не такие, как он. Мы случайные пострадавшие, а он свободно передвигается туда-сюда по своему желанию.

— А как ты попала сюда? В красной гондоле?

— Нет, у меня это была тележка.

— Она тоже была красной?

— Если только от крови многих невинных. Это была телега, на которой отправляют обреченных на смерть к гильотине.

Мой желудок перевернулся.

— Ты имеешь в виду, ты была... — я не могла закончить предложение, но это не зависело от блокады анахронизма, а из-за того, что это было так чудовищно.

Кларисса кивнула и высказала:

— Я была на пути к эшафоту.

На душе горели еще бесчисленное количество вопросов, но факт с эшафотом связал мой язык. Безмолвно я следовала за Клариссой назад в ее коморку. После того как я сняла верхнюю одежду, я легла рядом с ней на кровать. Матрас был таким мягким, что проваливаясь в яму, вокруг меня все шелестело и хрустело при каждом движении. Слабый аромат лаванды исходил от постельного белья. Кроме того, был острый запах канала, однако, в этом была только моя заслуга и моим недобровольным купанием в Гнад-канале. Должна ли я еще помыть волосы, прежде чем Себастиано придет забрать меня? На меня обрушилось, что я не видела в доме ванной комнаты, вероятно, в этом времени еще не знали об этом.

Но это было второстепенным. Я не оставалась здесь достаточно долго, чтобы это помешало мне. Завтра в это же время я буду спать с родителями в отеле. После долгого, горячего душа.

"Все будет хорошо", — подумала я устало. При этом я старалась не думать, что мои родители еще не были рождены. Даже не было моих бабушек и дедушек, прабабушек и прадедушек и все возможные поколения до них, от которых я происходила. Собственно, это не дало бы мне ничего. Я была, так сказать, ходячим анахронизмом.

Эта тревожная мысль проводила меня в сон.

Колокольный звон заставил меня испуганно подскочить. В первый момент у меня в голове возник вопрос, почему я поставила такой странный рингтон на будильник. Кроме того, я вспомнила об ужасном сне, в котором я переместилась в прошлое на красной гондоле.

— Дерьмо, — пробормотала я, когда заметила, что это никакой не сон.

Только начало светать. Кларисса уже встала и тянулась к коричневой одежде. Она была похожа на ту, которую мне вчера дал Барта. Очевидно, здесь это был последний писк. Только ее обувь была другой; она проскользнула в деревянные башмачки, которые выгляди значительно массивнее, чем кожаные ботинки, которые я получила от Барта.

Барт... Могло бы пройти не так много времени до того, как он появится здесь с этим Себастиано, когда я должна буду быть готовой к выступлению.

Взгляд в зеркало с ручкой показало мне, что я выглядела, как глухая леди в "Один дома". В ужасе я схватила гребень и пыталась распутать пучки. Без особого успеха.

— Здесь есть возможность помыть голову?

Кларисса засмеялась.

— Это столетие может быть и более отсталое, но одно нужно сказать: в чистоте здесь продвинулись гораздо дальше, чем в моем времени. Здесь умываются гораздо чаще, чем через триста лет.

— Понимаю, — это действительно было так, потому что где-то читала, что во времена рококо, той эпохи, из которой происходила Кларисса, освежались духами и пудрой, потому что считали частое принятие ванны нездоровым. Если кто-то начинал плохо пахнуть, ему нужно было воспользоваться тонной туалетной воды.

— Тогда где ты моешься? — спросила я.

— Вот этим, — Кларисса вытащила большую глиняную миску для купания из-под кровати. — Летними днями, как сегодня, я моюсь во внутреннем дворе, для этого я беру чан с теплой водой на улицу. Позже мы можем нагреть воды, если хочешь.

Тогда мы сможем вместе помыть головы. Вдвоем дела пойдут легче, — игриво она поправила длинные, светлые локоны. — Тогда мы будем красиво выглядеть, если Себастиано действительно придет сегодня.

— Почему он не должен придти? — спросила я, подавляя опасение, которое пыталось прокрасться от слов Клариссы.

Она подняла плечи.

— Он — очень занятый мужчина.

— Мужчина? Сколько ему вообще лет?

— Двадцать один, он такого же возраста как я.

— О, — сказала я поражено. Я думала, она гораздо моложе, и внезапно я стала казаться себе наивной в свои семнадцать с половиной.

С любопытством я рассматривала ее.

— Почему ты, собственно, не вернулась домой?

Ее лицо потемнело.

— Это просто не работало.

— Почему же нет?

— Если бы я только знала, — сказала Кларисса. — Я бы отдала все, чтобы узнать.

Тоскливо я схватила свою верхнюю одежду и натянула ее.

— Ты же несколько раз пыталась? Я имею в виду, вернуться назад?

— А как ты думаешь? — ответила она.

Мне пришла другая мысль.

— Предположим, что в один день это все же сработает, ты тогда снова оказалась бы в телеге? В том же возрасте как тогда? И... эмм, по дороге к эшафоту?

— Я молюсь, чтобы этого не произошло.

— Почему тебя вообще приговорили к смерти? — поинтересовалась я.

— Потому что я — дворянка, — Кларисса подняла подбородок и, внезапно, стала такой аристократичной, несмотря на простое облачение. Я — Комтессе Кларисса де Сен Перду, троюродная сестра бедного Дофина, — она остановилась. — Я могу произнести все это, — говорит она со счастливой улыбкой. — Даже мое настоящее имя! Ах, как же я рада, что ты со мной!

Я обдумывала, нужно ли обращаться к ней "Ваше Величество" или как-то так, но после того как мы спали в одной кровати, это казалось мне придурковатым.

— Кто такой Дофин? — спросила я вместо этого.

— Сын короля, которого, несмотря на детский возраст, заключила в тюрьму. Собственно, он — король, так как его отец был жестоко убит. Я смотрела на это и плакала, не переставая.

Правильно, муж Марии Антуанетты также был обезглавлен. Я тяжело сглотнула. Бедная Кларисса, она видела, как текли потоки крови и висела на волоске от того, чтобы стать жертвой гильотины!

— Если я смогу еще как-нибудь перед моим возвращением... — сказала я, охваченная сочувствием.

— Конечно. Нам нужно принести воды, — бодро произнесла Кларисса. — И в магазине есть масса вещей, которые надо сделать.

Глава 6

Когда мы спустились вниз, нас поймала ворчливо смотрящая Матильда. Она стояла у кухонного стола и резала копченую колбасу на кусочки, которые время от времени отправляла в рот во время работы. С ней за столом сидел сморщенный человек, которого можно было увидеть, только посмотрев второй раз, так как Матильда с ее массивным видом стояла напротив. Вероятно, это был ее супруг Якопо. Когда он увидел меня, он любезно улыбнулся.

— Это она, да, — сказал он. — Еще один бедный подкидыш! Второе солнце в нашей скромной хижине! Как твое имя, маленькое солнце?

— Анна, — сказала я польщено.

— Как?

— Анна.

Он поднес руку за ухо и вопросительно глянул на меня.

— Анна, Господи Боже, снова, — проревела Матильда.

Я вздрогнула, но несмотря на это пожелала им доброго утра и поблагодарила за ночлег.

— Самое время, чтобы кому-то принести воду, — недовольно сказала Матильда.

— Считай, что нас уже нет, — объяснила Кларисса. Она поспешила наверх и принесла два накрахмаленных чепца, один из которых она одела мне на голову.

— Это такой обычай, — объяснила она.

Она схватила меня и потащила через прихожую в переулок.

— Не нужно ли мне лучше остаться здесь? — спросила я. — Что, если Себастиано сейчас придет, чтобы забрать меня?

— Этого не произойдет, не переживай. Это звучало как раз к Prim*. Он никогда еще не появлялся в Non**. К тому времени мы уже успеем помыть волосы.

(*Итальянский — место
Итальянский — время)

Мне больше ничего не оставалось, как довериться ей в этом вопросе, даже, если у меня не было ни малейшего предчувствия, что значили Prim и Non.

Наша дорога пролегла вдоль и поперек через несколько переулков, пару небольших мостиков, немного вдоль канала и, наконец, через ворота к церковной площади. Я вовсе не пыталась запомнить дорогу, так как я не осталась бы здесь надолго.

При дневном освещении даже полному дураку стало бы ясно, что это действительно прошлое. Только часть переулков была вымощена, некоторые покрывал слой из твердо-утрамбованной глины. В некоторых домах окна не были закрыты оконными стеклами, а только обтянуты клеенкой или звериной шкурой. А еще люди! Я знала, что это невежливо так пристально смотреть на незнакомых людей, но я не могла по-другому. Все, кто пересекали нам дорогу, были одеты, как на старых картинах Беллини, которые я видела в Академии.

Можно было легко определить и без знания истории, у кого были деньги, а у кого нет: вещи бедных людей были поношенными, некоторые по-настоящему в обносках, в то время как лучше устроившиеся были одеты солидно, частично действительно благородно.

Заметила одного в грубой одежде и крестьянских ботинках, другого в бархате и шелках. Тут и там бегали и играли грязные, босые дети.

В домах встречались похожие противоположности. Перекошенные, пришедшие в упадок хижины стояли рядом с только построенными, с художественными фресками и с мраморными лоджиями, украшающими палаццо.

То же самое с лодками: раскрашенные в цвета, с блестящей тканью гондолы испытывали килевую качку рядом с гнилыми баржами.

— Здесь нет кварталов для бедных людей, — объяснила Кларисса мой вопрос. — Это не так, как в Париже. В Венеции бедные люди живут рука об руку с богатыми. Здесь никому бы и пришло в голову испепелить дворцы богачей во имя революции, так как это уничтожило бы жилье бедняков.

Мы подошли к цистерне в центре церковной площади. Вокруг колодца собрались женщины, чтобы зачерпнуть воды, для большинства из них, по-видимому, хороший способ поговорить. Болтовня и смех неслись нам навстречу.

Кларисса наполняла принесенный чан и беседовала тем временем с несколькими женщинами.

Я заметила, как на меня бросали любопытные взгляды, и была рада, когда мы снова возвращались.

Вместе мы тащили полный чан, так было легче. Через некоторое время я полностью забрала его, все-таки я была выше и сильнее, чем хрупкая Кларисса.

— Ты должна каждое утро приносить воду? — спросила я.

— Кто-то должен это делать. Матильда и так носит много тяжестей, и к тому же, она должна утром заботиться о завтраке.

— Как только что о колбасе?

Кларисса хихикнула и кивнула.

— А Якопо тоже не может носить воду, так как у него только половина правой ноги.

— Бог ты мой, — сказала я тронут.

— Другую половину ноги он потерял в последней турецкой войне. Кровожадные османы отрубили ее кривой саблей.

Я представила это наглядно, отчего мне стало плохо.

— К тому же он великолепно слышит, — доверилась мне Кларисса. — Он прикидывается глухим только, чтобы не слышать продолжительное вечное брюзжание Матильды. Но ты не можешь заметить это, иначе он поплатится за это и будет на нас зол.

— Я смогу продержаться несколько часов, — пообещала я.

Она посмотрела на меня со стороны, как будто хотела возразить, затем, однако, промолчала.

Я уклонилась от мужчины, который вел козу на веревке, а через несколько метров я чуть было не упала в канал от страха, потому что там сидел нищий, который протянул ко мне свою покрытую язвами руку.

— Небольшой дар, прекрасная фрейлейн!

Беспомощно я остановилась.

— У меня нет денег. Но я могла бы предложить вам глоток воды.

— А шнапса у тебя нет?

— К сожалению, нет.

— Ну, хорошо, тогда я возьму воду, — он расчетливо ухмыльнулся мне и погладил искалеченной рукой недвусмысленно мою икру. — Ты красивая девочка, подойди немного поближе, тогда мне будет легче пить.

Кларисса покрыла нищего проклятиями, которые заставили мое лицо покрыться красными пятнами. Я зашагала быстрее. Надеюсь, Себастиано не заставит себя долго ждать.

На завтрак была кружка воды, пара кусочков колбасы и небольшая мисочка неизвестно из чего подсоленной каши, которую Кларисса называла пшенной. Колбаса пахла не так уж и дурно, но я не отважилась ее есть. В оболочку могло что-то попасть, включая сальмонеллы. К тому же я знала наверняка, что эта колбаса еще никогда не встречалась с холодильником. А еще я сомневалась, что Матильда, прежде чем ее нарезать, вымыла руки. Каша же выглядела, как будто бы сваренной, и все же без усилий ее нельзя было съесть.

Матильда не сказала ни слова, что я с таким пренебрежением отнеслась к еде. Не успела я доесть кашу, как она уже уплела мою колбасу.

Затем мы с Клариссой занялись мытьем посуды: в корыте ершиком очищались тарелки, разделочные доски и столовые приборы (это были деревянные ложки и обычные острые ножи, но вилок нигде не было видно) и потом ставились на настенную полку около места, где готовилась еда.

После этого Кларисса показала мне, как подметать метлой кухню и торговую лавку, как в обеих спальнях взбивать кровати, опорожнять ночные горшки (при этом действе я держалась как можно подальше) и собирать по дому и в саду различные мышеловки. В одной из них была мертвая мышь, при виде ее пшенная каша сразу же подступила мне к горлу. Я бы охотнее принесла дрова для очага из пристройки под домом и посмотрела, как с помощью окалины, кремня и молотка можно разжечь костер. Над пламенем костра на цепи висел огромный котел с водой, для того чтобы мы могли помыть волосы горячей водой.

Между тем все это время Якопо сидел за кухонным столом и вырезал что-то из куска дерева, время от времени посматривая на нас за работой и дружелюбно усмехаясь.

Настроение Матильды так же явно улучшилось, и она точно чувствовала себя в своей стихии, будучи умелой торговкой лекарственных трав. Все больше покупателей приходили в лавку, и, пока мы с Клариссой занимались своими делами, я невольно улавливала различные разговоры с покупателями.

— От сердечной боли для твоего мужа у меня есть новая рецептура: маринованная петрушка в уксусе, меде и вине. Работает превосходно, я на Якопо проверила! Я увидела, как Якопо нервно закатил глаза и притворился, как будто его стошнит.

— При болезни сердца, которая наступает из-за тоски, я рекомендую зелье из герани, мяты болотной и руты душистой.

— Хм, твой отец постоянно болеет водянкой? Здесь сложно что-то советовать, — Задумчивая тишина. — У меня осталось последнее средство - разжевывание гвоздики. Правда, работает оно только тогда, когда часто принимаешь, и, конечно же, это совсем не дешево. Тебе же ничего не жалко для своего отца? Как мне показалось!

Поочерёдно скупилла она все возможные настойки из трав от сердцебиения, бессонницы, мозолей и кашля. Кроме того, мази от морщин, экземы, чесотки, боли в суставах, ночной потливости и импотенции.

О последнем разговор стал тише за прилавком, однако там находилась дверь в кухню, которая к тому же были лишь слегка прикрыта, и мы могли разобрать каждое слово

— Когда ты ему дашь этот порошок, растворенный в теплом вине с ложкой меда, будет он ночь на ролет, словно дикий бык! Я тебе говорю, каждый раз все работает! Мой Якопо превращается с этим в страстного сластолюбца!

Якопо с видом мученика отложил резец по дереву в сторону и ударился лбом о кухонный стол. Я еле сдерживала смех.

Наша вода уже нагрелась. Мы наполнили ведро двумя ковшками, смешали с холодной водой и потащили его в сад. Кларисса еще принесла чистые льняные полотенца и мыльный шампунь, который на удивление вкусно пах. Она сама его приготовила, рассказала она, из поташа и жира. Определенно этого я как раз и не хотела знать, но все же там был экстракт лаванды, о котором я имела кое-какое представление.

Мытье волос было тяжелым делом. В одном чане смачивались волосы, и втиралось мыло, а в другой на голову лилась чистая вода, пока волосы хорошо не промылись. Я стояла на коленях перед чаном, в то время как Кларисса лила воду на волосы. Я высушилась льняным полотенцем и выглядела, как будто гуляла под дождем. Затем я повторила ту же процедуру с Клариссой, у которой волосы были немного длиннее. Мы уселись на солнце и расчесывали друг другу космы, в то время как Кларисса рассказывала мне, через какие тяготы венецианцы проходили, чтобы получить красивые волосы.

— Прежде всего, они хотят быть блондинками, — сказала она. — Многие пропитывают волосы лимонным соком, чтобы они посветлели. Некоторые сами их выбеливают. Для того чтобы спрятать лицо от солнца, они надевают широкополую шляпу. Сзади они прорежают большую дыру, чтобы волосы свободно свисали.

— О, Боже! Ну и труд! — сказала я искренне потрясенная. Сколько же денег можно было бы заработать с Лореаль!

— В твоё время быть блондинкой явно проще, — предположила Кларисса. Я открыла рот, но ничего не вымолвила. Вместо того я хотела кивнуть, но снова ничего не вышло.

— Попробуй моргнуть, если это так, — предложила Кларисса. Я очень старалась, но напрасно.

Кларисса вздохнула.

— Вот так всегда. С этим ничего нельзя поделать.

По её предложению мы разделись догола и мылись оставшимся мыльным раствором с головы до ног. Я каждый раз удостоверюсь, что дверь на кухню закрыта и что стена вокруг двора была достаточной высоты. Вдобавок я представила себе, что была в общем душе для девочек, и это помогло побороть чувство стыда.

— Ты тоже была нагой, когда в этом времени оказалась? — спросила я, пока мы одевались.

Кларисса подтвердила и рассказала, как это с ней произошло. В один момент сидела она на тачке, в другой — засветил яркий свет, последовал треск и темнота. Как только она пришла в себя, Бартоломео вручил ей свежее одеяние и отвел к Матильде с Якопо.

— Все прямо как и у меня, — сказала я задумчиво. — Выглядело так, как будто Бартоломео к этому подготовился. Правда, он не рассчитывал, что я все буду помнить. Он был явно вне себя из-за этого.

— Так же, как и со мной! — сказала Кларисса ревностно.

— Видимо, происходит все чаще, что появляются люди из другого времени, — предположила я. — Но не все могут вспомнить, что с ними произошло. Много ли таких, кто оказался здесь таким образом?

— Мы можем спросить об этом Себастиано, — предложила Кларисса.

Кухонная дверь приоткрылась и показалась голова Якопо.

— Гость к дамам! — крикнул он.

Кларисса была очень взволнованна.

— Это он!

Она побежала в дом, и я последовала за ней, так быстро, как только могла.

В лавке я наскочила на нее, так как она стала как гвоздем прибытия.

— Он не пришел! — закричала она обвиняюще.

— К сожалению, нет, — ответил Бартоломео. Он стоял посреди комнаты, а Матильда, которая возвышалась за прилавком как женщина-швейцар, подозрительно на него поглядывала. Около Барта стояли еще две покупательницы, которые с интересом его разглядывали, что усилило еще больше его неловкость. Он переступал с одной ноги на другую, и по нему было видно, ему лучше бы оказаться где-нибудь в другом месте, но только не здесь.

— Ты же обещал! — закричала Кларисса.

Испуганная я увидела слезы у нее в глазах. Мне было жаль ее, но это не унимало мою панику.

— Где же он? — спросила я. — Ты же сказал, что он придет сюда сегодня, чтобы меня забрать!

— Я такого не говорил, — поправил меня Барт. — Я сказал, что сделаю все возможное, чтобы привести его сюда.

Очевидно, "все возможное" не было достаточно, так как Себастиано не появился. К тому же Барт привел свою внешность в порядок. По сравнению с прошлой ночью, выглядел он явно лучше. На нем была белая рубашка, поверх выглаженный жилет и штаны в обтяжку, которые аккуратно на нем сидели и подчеркивали его ровные ноги. И он побрился. При свете и без бороды выглядел он довольно привлекательно.

Я видела, как он рассматривал Клариссу уголком глаза, и от меня не ускользнуло смущение на его щеках.

Ага, подумала я. Он приехал сюда к ней. А она выплакивает глаза, потому что Себастиано не появился!

Тем временем слезы покатились по лицу.

— Я так надеялась, что она придет в этот раз! — всхлипывала она.

— Не расстраивайся, — сказал он огорченно. — У тебя есть я! Я позабочусь о тебе, если захочешь! Ты можешь в любое время со мной поговорить!

— Ты можешь все, что и он? — спросила она сдавленным от слез голосом.

— Нет, — ответил он. — Но если тебе поможет разговор об этом, я к твоим услугам.

Громко зарывав, она покачала головой и побежала обратно во двор.

— Всегда, когда ты приходишь, появляется досада! — пожаловалась Матильда. —

Вероятно, тебе лучше держаться подальше! — Сразу же добавив. — Конечно, только до тех пор, пока не нужно будет принести вознаграждение за пищу и кров этих двух голодных ртов.

Бартоломео опустил голову и направился к выходу.

— Минуточку, — сказала я. — А что будет со мной?

— Тебе, пожалуй, следует ждать Себастиано, — ответил он резко.

— Того, о ком никто не знает, придет ли он когда-нибудь?

Он только пожал плечами и пошел к двери.

Не может такого быть! Я поспешила за ним, когда она уже вышел в переулок.

— Подожди-ка! Что я ,по-твоему ,должна делать?

Матильда это услышала и сразу же предложила:

— Ты можешь поскоблить кастрюли.

— С удовольствием, — соврала я. — Я пойду только свежей воды наберу.

В спешке я схватила чан и выбежала, чтобы последовать по пятам Барта.

Глава 7

Он удалялся и упрямо смотрел вперед. Последнее хорошо мне подходило, так как я могла следовать за ним так, чтобы он этого не заметил. Время от времени, если он сворачивал или пересекал открытое место, я на всякий случай прижималась к дверям домов или ворот, чтобы он, краем глаза, не заметил меня.

Критический момент наступил, во время пересечения моста Риальто. Во всяком случае, я предполагала, что это мост Риальто, так как я увидела Фондако деи Тедески* на своем месте, в котором в моем времени располагается главный почтамт, однако в этом времени здесь был немецкий, торговый дом. По крайней мере, я смогла, зацепится хоть за что-то из раннее увиденного. Однако мост

выглядел абсолютно другим, он был сделан полностью из древесины, на основании чего я решила, что в какой-то, момент между сейчас и тогда был построен новый. (*Фондако деи Тедески (Итал. Fondaco dei Tedeschi) — дворец в Венеции, расположенный на Гранд-канале, в квартале Риальто. прием. перев.)

По обе стороны канала господствовала неопиcуемая толкотня. Очевидно, был базарный день, так как вокруг были расставлены прилавки, на которых продавались всевозможные вещи, от продуктов питания, одежды и дешевого хлама до только что приготовленных горячих блюд. Манящих запахов гриля заставил слюну собратсья во рту, во всяком случае, пока не повеяло противным смрадом, в это время внизу у моста была пришвартована большая лодка, в которую несколько мужчин сваливали несколько бочек склизкого мусора, включая парочку дохлых крыс. По-видимому, это был местный способ вывозить мусор.

Одновременно с этим я остановилась и подавила проклятие. Я позволила себе отвлечься! Барт исчез! Только после нескольких секунд в страхе я снова заметила его. Он пошел в направлении площади Маркуса, и я кралась вслед за ним, потея, тяжело дыша и с бешеным стучащим сердцем.

Все это время я молилась, чтобы он внезапно не остановился бы у одного из множества каналов и не сел в гондолу, тогда с моей слежкой было бы покончено. Затем он задержался в маленьком переулке прямо позади базилики. Там он остановился перед магазином, над дверью которого висела вывеска. Выглядела она также как в будущем, когда я была здесь с Маттиасом. Разница только в том, что теперь я могла ее прочесть, благодаря моему встроенному переводчику, что на ней было написано:

Маски и костюмы.

Неподвижно я стояла в начале переулкa и наблюдала, как Барт зашел в магазин и закрыл за собой дверь. Я внимательно рассматривала здание. В отличие от моего последнего визита не было витрины с представленными товарами, только искусно нарисованная вывеска и для всех, кто не умел читать, маска, которая была прибита к дверному молотку.

Невероятно, как долго держался этот магазин! Даже дольше чем кафе Флориан*, а оно было древним. Венецианцы считали его частью традиций! И что за странное обстоятельство, что у Барта здесь дела!

(*Кафе «Флориан» (итал. Caffè Florian), знаменитое венецианское кафе, расположенное на площади Сан Марко, 29. «Флориан» считается самым старым кафе Италии и является одним из символов Венеции.

Прим. перев.)

Медля, я стояла перед дверью, не решаясь, нужно ли мне постучать или просто войти, чтобы заставить Барта говорить.

В конце концов, я выбрала второй вариант и постучала в дверной молоток, который был в форме головы льва.

Я ждала и постучала еще раз. Я уже начала бояться, что никто не придет, потому что Барт и остальные давно ушли через черный ход, но тут я услышала шаги. В следующий момент открылась дверь, и я стояла лицом к лицу с мужчиной, который вытащил меня из Гранд-канала в красную гондолу и взял с собой в прошлое.

Себастиано заметно испугался, как только меня увидел. Это был бальзам для моей души, увидеть его вздрагивающим.

— Как удачно, что ты дома, — сказала я непринужденно. Это выглядело бы еще круче, если бы мне не нужно было бы держать этот дурацкий деревянный чан.

— Кто там? — послышался голос Барта из помещения.

— Догадайся с трех раз, — сказал Себастиано. — Тебе следовало бы чаще смотреть позади себя, друг мой. — По его лицу было видно, что он злится.

Я уже собиралась сделать дерзкое замечание, но мне тут же пришла в голову мысль, что было бы разумнее вести себя с этим типом по-хорошему. В конце концов, он владел машиной времени, если я все правильно поняла.

— Я действительно не хочу тут никого беспокоить, — объяснила я. — На самом деле я хотела вас просто навестить. И спросить тебя, не найдешь ли ты для меня минуточку. — Мой палец показывал наверх. — Только одну. Чтобы... обсудить всю процедуру. Ты знаешь, о чем я.

Барт появился в дверном проеме. Как только он меня увидел, его взгляд стал растерянным.

— Проклятье, — сказал он. — Это моя вина.

— Ничего страшного, — сказал Себастиано. Он вышел на переулок. — Я отведу ее назад.

— О, отлично, — сказала я облегченно. Наконец-то! Я отправляюсь домой! Больше меня ничего не интересовало. Завтра все это будет казаться лишь страшным сном. Я расскажу Ванессе в ICQ, как я упала в канал и как галлюцинировала от вонючей воды. Как только я обо всем этом напишу, то сама поверю, что эта история - всего лишь выдумка, и что все теперь хорошо.

Украдкой со стороны я рассматривала Себастиано. В противоположность Барту он так и не вырядился, так и не побрился. Понятно, что он не должен был ни на кого производить впечатления. На нем были полинялые рейтузы, как и в предыдущий день. К тому же он носил белую рубашку и кожаные туфли с длинным узким носом. Его кудри неряшливо свисали до плеч и со своей трехдневной небритостью, он выглядел так же ужасно, как и во время поножовщины. Мельком взглянув на его кушак, я увидела, что он еще носил взятый в качестве трофея кинжал.

Я откашлялась.

— Я не злюсь, что ты столкнул меня в канал, — поделилась я с ним. — К тому же ты меня затем и вытащил. Поэтому ты все в какой-то степени сгладил. Так сказать. Потом ты меня куда-то притащил без моего согласия, если я смею это упомянуть. Но я исхожу из того, что это была ошибка. Поэтому я не держу на тебя зла. Ну да, я была обнаженной и до смерти напуганной, а ты просто смылся и с помощью Барта отправил меня в эту лавку лекарственных трав. Но я допускаю, что ты ничего плохого не замышлял. Поэтому я все это сейчас просто забуду. Я говорю себе: оставь это, Анна. Что прошло, то прошло. Главное, что ты меня сейчас обратно домой отправишь, и все будет в шоколаде.

Я говорила и говорила, слова лились просто рекой, хотя хватило бы всего-то одного предложения по этому поводу, чтобы выразить, что я имела в виду. Однако я не могла остановиться. Я была так вдохновлена, что я могла сказать все, что я хотела, без изменения слова или запинки.

— iPod, — сказала я. — Мобильник. Компьютер. Кино. Попкорн. Кола. Девочки Гилмор. — Я восхищенно хихикала и не могла остановиться. — Леди Гага. Wonderbra*.

Wonderbra (англ. от wonder - чудо, bra - бюстгалтер) - тип бюстгальтера с чашечками на поролоновой или силиконовой прокладке в нижней и боковой частях. Затем я подумала, что Себастиано не в самом лучшем настроении. Точнее говоря, у него был весьма раздраженный вид.

Я снова откашлялась и сделала о серьезное выражение лица.

— Юнисеф, — сказала я. — Всемирный фонд дикой природы. Гринпис.

Я тактично замолчала на несколько секунд, затем снова дружелюбно заговорила.

— Ты состоишь в оперативной группе изучения проблемы времени или в чем-то вроде этого?

На месте угрюмого выражения лица появилась широкая улыбка, которая вызвала у меня какую-то особенную стянутость в области желудка.

Внезапно он стал похожим на Орlando Блума в роли Уилла Тернера, только на пару лет моложе.

— Конечно же, ты ужасно занят со всеми этими разъездами во времени, — продолжала я. — Опасные операции в борьбе со злом и так далее. Кстати, чем именно ты занимаешься?

Его ухмылка улетучилась.

— Об этом я не могу тебе сказать.

— Понимаю, — сказала я. — Запрет.

— Что?

— Ну, эта блокировка. Чтобы нельзя было рассказать людям, которые из эпохи ранее. Как между мной и Клариссой. Поэтому ты из моего будущего, — Для меня это было ужасно волнующе. Я бы с удовольствием его расспросила, когда будет изобретен механизм, который бы учил за кого-то слова. Или шоколад, от которого худеют и не покрываются прыщами. Или удастся ли человечеству прийти к миру во всём мире.

— Я считаю, что Барт - что-то вроде твоего регионального ассистента, — сказала я.

— К слову, он положил глаз на Клариссу. Говорю только, если ты вдруг не был в курсе. Вообще-то было бы хорошо, чтобы он мог о ней позаботиться. У нее такая невероятно скучная жизнь у Матильды, особенно, когда знаешь, что она из знати. Ну, все закончилось бы гильотиной, если бы она в последний момент не совершила путешествие во времени...

— О, Боже! Что она тебе нарасказывала? — прервал меня Себастиано, хмурия лоб. Смущенно я ответила на его взгляд.

— Ну, все с момента, когда она сидела в телеге, которая везла ее к эшафоту...

— При случае тебе стоит спросить ее, что произошло на самом деле, — предложил он.

— Должно ли это значить, что она обманула меня?

Он пожал плечами.

— Ты должна сама выяснить это с ней.

Я решила просто отместить это. Скоро так и так я уберусь отсюда.

Мы добрались до Гранд-канала. У подножия моста Риальто я остановилась и всматривалась вдоль берегов.

— Где же красная гондола?

— Она не здесь.

— Мы будем ждать ее здесь?

— Она не появится сегодня.

Я уставилась на него.

— Что? Когда же тогда?

— Только к следующему новолунию. Итак, только через две недели, тогда и будет новолуние.

— Это значит, мне придется оставаться здесь еще две недели? — спросила я в ужасе.

Он пожал плечами и не сказал ни слова.

— Но ты же хотел отправить меня назад, — выпалила я.

— В магазин трав, — сказал он. — Там ты в безопасности, там, прежде всего, твое место.

Больше всего мне хотелось выкрикнуть свое разочарование. Или, по меньшей мере, толкнуть в канал этого претендующего на роль Орlando, чтобы он хоть однажды почувствовал, каково это.

Вместо этого я со всей злостью бросила дурацкий чан в воду.

— Это значит, я застряла здесь на две недели?

Он пожал плечами - это, вероятно, его универсальный ответ на все вопросы.

Я взяла себя в руки, потому как вспышками гнева ничего не решить. Как бы он меня не выводил из себя - этот тип был ответственный за мое возвращение. Я могу сама себе навредить, если на него наору. Или сброшу в канал.

Мы шли сосредоточенно дальше. Себастиано держался от меня на метр, может быть, он читал мои мысли. Пока что я считала его способным на все.

Я хотела уже задать следующий вопрос, но не произнесла его. Причиной этому была не моя злость, а неожиданный слушатель.

— Ваш чан! — кричал мальчик позади меня. — Мадонна, вы потеряли ваш чан! — оборванец, вероятно, шести-семи лет спотыкался за нами, нес в руках болтающийся сам по себе чан. — Пожалуйста, вот возьмите его!

На его покрытом веснушками лице застыло полное надежды выражение. Я охотно дала бы ему что-то за то, что он принес ведро, все же согласно положению вещей, я могла вознаградить его только улыбкой и любезным спасибо.

Себастиано был великодушнее. Из сумки, которую носил рядом с ножом на поясе, он достал монету, которую протянул пареньку.

— Вот, за твою заботу.

Малыш одарил его ухмылкой, выставив дыры между зубов, и стремительно унесся прочь, как смерч.

Озабоченно я смотрела ему в след. В моем времени он был бы сейчас в школе или детском саду. Или на детской площадке под присмотром матери.

— У него даже нет обуви, — сказала я. — И ты видел, какой он худой?

— Так обстоят дела в этом времени, — холодно ответил Себастиано. — Это называется бедность. Часто у людей нет ничего, кроме того, что они носят на теле.

— Нужно действительно что-то предпринять, — сказала я. — Прежде всего люди с деньгами, они должны быть великодушнее!

Он бросил на меня косой взгляд, затем залез во второй раз в сумку и дал мне целую горсть монет. Озадачено я смотрела на необычно выглядящие монеты.

— Что мне с ними делать?

— У тебя тоже есть только то, что ты носишь на теле, поэтому я проявляю свое

великодушные.

— О, — сказала я, разрываясь между желанием бросить ему деньги под ноги, и благодарностью, что это повредит имевшему немного наличных. Однако разум победил гордость. Наконец, никто другой кроме Себастиано не доводил меня до такого состояния. В принципе это была не милостыня, а только заслуженная, маленькая помощь для существования. Никто не мог знать, буду ли я нуждаться в деньгах в скором времени.

— Большое спасибо, — сказала я величественно. — Конечно, я верну это тебе, как только снова буду дома. Самое позднее – через две недели.

Оставшийся путь мы проделали молча. Я заметила, как во мне распространялся страх. Что, если со мной получится также как с Клариссой, и я не смогу вернуться? Превратится ли тогда то, что я до сих пор воспринимала, как рискованное, но все равно захватывающее приключение, в ужасающую реальность? "Нет", — я клялась себе, я совершенно не хотела об этом думать!

Чтобы моя прогулка казалась достоверной для Матильды, я набрала еще воды из того колодца, где мы были утром с Клариссой. На меня снова смотрели со всех сторон, но, по крайней мере, на Себастиано целились столько же любопытных взглядов.

Как мы подошли к лавке Матильды, я спросила Себастиано из вежливости, не хочет ли он зайти, но, как и ожидалось, он отказался.

— Матильда меня не любит, она думает, что я навлек несчастье на Клариссу. И с Клариссой... — Он остановился. — Нескончаемые разногласия.

— Почему?

— Это касается ее нынешней жизни. — Он пожал плечами. — Ей нужно это пережить, я не могу ничего изменить, даже если она отказывается верить.

Одна покупательница вышла из травяной лавки, и Матильда высмотрела меня через открытую дверь.

— Что там стоишь и ворон считаешь? — крикнула она.

— Уже иду! — крикнула я в ответ.

— Я буду в новолуние на месте, ровно в девять утра, — сказал Себастиано уходя. — До этого не ищи меня, я буду в ближайшее время в дороге. — И сразу же исчез за углом.

Я пообещала Матильде немедленно отскоблить кастрюли, но сначала я направилась искать Клариссу. Она стояла в садовом сарае, где за рабочим столом с кислой миной взвешивала измельченную траву.

— Где ты была? — поинтересовалась она.

— За водой ходила.

— Что-то ты долго. Ты заблудилась?

— Нет, я бегала за Бартоломео, так как хотела с ним поговорить.

— И ты его догнала? Смогла с ним поговорить? Что ты разузнала?

— Себастиано придет через две недели, когда будет новолуние. До новолуния я никак не могу вернуться, — Я взглянула вопрошающе. — Ты это знала?

Она пожала плечами.

— Да, конечно. Это связано как-то с приливами и отливами, когда можно путешествовать.

— Почему ты мне этого не сказала? Я действительно думала, что я смогу сегодня

вернуться домой! Почему ты мне позволила верить в это?

— Из того соображения, что ты была такая растерянная. Я не хотела сделать еще хуже.

Обоснование показалось мне совсем неубедительным, но я решила оставить это.

Вместо этого был еще другой вопрос, который было необходимо прояснить.

Разумеется, я не знала, как мне начать, так, чтобы она не заметила, кто меня на это надоумил. Себастиано намекнул, что она мне наврала по поводу ее путешествия во времени, и я решила разузнать.

Я наблюдала за ней за работой, пока думала, как сформулировать подходящий вопрос. На длинном сервировочном столе лежали какие-то инструменты. Я могла понять, для чего некоторые были нужны, а для чего другие только могла догадываться.

— Что это за вещь? — Я показала на большой стеклянный шар с многочисленными выпуклостями.

— Это дистиллятор. Его используют для дистиллирования.

— Ты имеешь виду, чтобы гнать водку?

— Не совсем. — Кларисса похихикала, и мне полегчало, что к ней снова вернулось хорошее настроение. — Он нам нужен, чтобы изготавливать духи. Но принцип то же.

Она объясняла мне, для чего нужны различные предметы. Тут были мерный стакан и стакан для взбалтывания, пробирки, ножи для выковыривания и ступки для измельчения продуктов, мельницы для пряностей, доски, шпатели и ложки всевозможных размеров, весы и несколько песочных часов. Над рабочим столом висели, как и в торговом отделе, пучки трав, расточая во все стороны аромат и вонь под потолком. На противоположной стороне находилась большая полка, которая была битком набита маленькими мешочками, ящиками, тиглями и бутылками. В большинстве случаев это были готовые продукты, часть запасов, как объяснила Кларисса.

Вместе с Матильдой они изготавливали всё для здоровья и красоты. Весь год они были заняты не только продажей, но и производством. Они ездили на лодке на сушу собирать определенные растения и ходили по лавкам, чтобы приобрести экзотические пряности или редкие минералы. Растения для медикаментов и косметики были переработаны частично свежими и частично высушенными, они измельчались, варились, мялись или дистиллировались. Жиры вытапливались и очищались, эссенция для парфюма вытягивалась и смешивалась, пряности и минералы взвешивались маленькими порциями.

Кларисса с готовностью демонстрировала процесс приготовления и объясняла каждую мелочь.

— Мне кажется, что тебе очень нравится это делать. — сказала я.

— Именно так. Что тебя натолкнуло на эту мысль?

— Ты же происходишь из знатного рода. Очень необычно, что ты целый день вкалываешь и позволяешь собой командовать.

Ее щеки залились румянцем.

— От честной работы еще никто не умер.

— В отличие от Французской Революции, — я констатировала. Помедлив, я как раз поняла, что в ее истории было не так. Я решила не ходить вокруг да около. — Мне

кажется это странным. Как ты могла находиться в телеге в Париже и вдруг очутиться в Венеции?

На ее лице читались муки совести. Я, должно быть, попала в точку.

— Ты вообще не была в Париже, как только это произошло, — сказала я прямо. — А в Венеции, как я.

Она даже не предприняла попытки это отрицать.

— И, в конечном счете, ты даже не из Франции? — спросила я.

— Напротив, я оттуда, — ответила она обиженно. — А так же благородных кровей!

— Ты на самом деле видела, как король и Мария Антуанетта были казнены?

Смущенная, она избегала встречи глазами.

— В то время я как раз бежала из Парижа, — добавила она. — Якобинцы убивали людей рядами, так как обвиняли в том, что люди происходили из знати и жили в красивых домах.

— На фонаре. — Пробормотала я. Маленькая, ничего не значащая деталь, о которой я вспомнила из урока истории.

— Все правильно, так и было. Или их уже потом вешали. Я бежала со своими друзьями от кровопролития в Венецию. У одного из них были здесь родственники, которые нас тепло приняли, хотя в то время французов в Венеции не долюбливали. Мы прихватили достаточно золота, чтобы сделать нашу жизнь красивой. Здесь мы были уверены, что революция была далеко, ходили на бал-маскарады и не думали о завтрашнем дне! Ах, венецианский карнавал в то время - бесконечный праздник! Я хотела бы ей рассказать, что они так или иначе не смогла бы получить удовольствие и дальше, так как вскоре после этого Наполеон напал на Венецию и подчинил ее Франции. Так сказано в путеводителе. Я не помнила точного года, я просто не могла запомнить никакие числа, неважно в математике или в истории. Но это был 1792, это я еще знала. А также то, что Наполеон отменил карнавал. Но мне мешала преграда, рассказать ей об этом.

— Я хочу быть откровенной с тобой, — проговорила тихо Кларисса и пристыжено опустила голову. — Когда это произошло, я праздновала карнавал в городе. Всю ночь.

— Ну, так что, — сказала я озадаченно. — Расскажи мне об этом!

Она была на маскараде, как и почти каждый вечер во время карнавала. Вместе с ее друзьями и несколькими музыкантами она поднялась на борт лодки, чтобы продолжить праздновать на воде.

— Мы катались на великолепно украшенной барке по Гранд-каналу. Праздничный, разноцветный фейерверк над базарной площадью освещал небо всего города. Везде играла музыка, мы смеялись и пели, и шутили, и наслаждались нашей жизнью. На мне была одежда от Креп де Чина, шелковая ткань с расплывчатым рисунком и крашенная вершинами Бурано. Это остров, который принадлежал Венеции и известен их неповторимым способом плетения кружева, — добавила она.

— Я знаю, я уже была там. Рассказывай дальше!

— Также я носила парик, что было модно в мое время, нагроможденного очень высоко и с самыми великолепными украшениями моего времени. Парикмахер даже приделал клетку, в которой сидела птичка.

— Настоящая? — спросила, я не веря.

— Определенно. Она непрерывно щебетала, это был большой модный успех! —

она остановилась. — Ты кажешься такой странной, — сказала Кларисса. — Ты очень злишься, что я обманула тебя?

— Нет, это скорее из-за птички, — ответила я правдиво. — Я никогда не мучила животных ради шутки и так далее. Почему ты вообще сделала это? Я имею в виду, обманула меня?

Подавленно она посмотрела на меня.

— Так как не хотела, чтобы ты подумала обо мне плохо.

— Что именно? — спросила я удивленно.

— Что я испорченная. Жажущая развлечений и легкомысленная. То, что я убегаю и погружаюсь в карнавал, когда тем временем дома в Тюильри разграбляли, а моих родственников ведут на эшафот за их королевское происхождение.

— Что же ты могла сделать? Остаться и из сильной симпатии вместе с ними позволить отрубить себе голову?

— Это снова эгоистично, — призналась она. — Все равно это было эгоистично и неблагодарно с моей стороны.

— А расскажи мне еще, как ты попала в красную гондолу, — попросила я ее.

— Это было глупая ошибка. Я упала с барки в канал. Парик мгновенно пропитался водой настолько, что я могла утонуть. Так как он был приколот к моим волосам, я не могла отцепить его самостоятельно.

— Птичка утонула? — Спросила я.

— Нет, она смогла улететь, так как кто-то схватил меня за голову, точнее за парик, и вытащил меня из воды.

— Дай-ка угадаю. Этот кто-то — Себастиано.

— Нет, это был кое-кто другой. Он сидел в красной гондоле, а одноглазый, пожилой мужчина управлял веслом.

— Я не понимаю, — сказала я. — Он также был в моей гондоле!

Все, что произошло дальше, было похоже на то, что произошло и со мной.

Мужчина, который вытащил ее в красную гондолу, выглядел нервным и приказал старику сразу же грести к берегу, чтобы Кларисса смогла выйти из лодки.

— Гондола причалила, но перед тем, как я смогла ступить на землю, разразилась гроза, — рассказывала Кларисса. — Сначала я подумала, что передо мной взорвался один из фейерверков, повсюду были серебряные молнии и ослепляющие блеск. Затем был сильный щелчок, и стало темно, — разочарованно она закончила свой рассказ. — Когда я снова пришла в себя, была ночь. Я была голой, не было моего красивого платья и всего остального тоже.

Остальное я уже знала. С тех пор она торчит здесь, потому что возвращение назад невозможно.

Матильда ворвалась в сарай и объяснила, что время обедать. Предположительно, мы ленивые существа могли уже перейти к тому, чтобы, наконец, начать приготовление пищи.

Последующие две недели прошли быстрее, чем я поначалу боялась. Практически не было времени отдаваться мучительным мыслям, так как Матильда непрерывно гоняла меня и Клариссу.

Мы просыпались с петухами, хотя я бы определенно поспала бы дольше. Матильда была неутомимой работницей. Со временем едва ли можно было, отваживаясь, проявлять недовольство против ее барского вида, так как чем больше

возмущаешься, тем яростнее и упорнее ругается она.

В сарае, который, собственно, был чем-то вроде цеха и офиса, в нем всем рукам находили применение. Кларисса объяснила мне самые важные производственные процессы, и я выполняла под ее надзором все возможную черную работу, от сортировки и перевязки свежих трав, измельчения пряностей до чистки и наполнения тиглей. Вместе с тем я училась у нее, как закрывать стеклянные и глиняные контейнеры плотной клеенкой, как варить мыло из сухих цветов, масла и других продуктов, а также как из меда, шалфея и тимьяна готовить сироп от кашля. Мы стояли в томительной жаре в сарае, где часами работали и все еще не могли закончить. Уже через несколько дней я спрашивала саму себя, как Кларисса справлялась с работой до моего появления.

Но ни в коем случае это не так, как будто Матильда сидела без дела. Если она не задержалась на кухне, чтобы набить себе желудок, она почти весь день стояла в магазине. Иногда Кларисса должна была перенимать торговлю, тогда Матильда надевала чепец для улицы и отправлялась в дорогу к различным торговцам, где она заказывала такие вещи, как: масло, говяжье сало, уксус или минералы. Она не могла хранить большое количество запасов из-за недостатка места. В остальном, можно было производить товары только в зависимости от ограниченности запасов, так как многое слишком быстро портились. Кроме того, все мази и крема из-за летней жары вскоре становились прогорклыми.

Кларисса также давала мне указания по работе, которая была завершена в доме. Что касается мышей, мелькавших в углах, я еле смогла привыкнуть к ним, но со временем я начала справляться с этим понемногу, уже не всегда я громко визжала, когда в то время как я подметала, проскакивало что-то пушистое.

Вещи забирали для стирки и глажки. Вдова по соседству решала этот надоедливый вопрос, настоящая роскошь, как объяснила мне Кларисса. В течение первых пары лет после ее прибытия это входило в ее обязанности, но затем Матильда поняла, что она может увеличить ее прибыль, если она введет Клариссу в курс дела, вместо того чтобы гонять ее с утра до вечера со стиркой и глажкой на мойку.

Матильда надеялась, что из меня могла бы получиться мастерица в приготовлении пищи, но совсем скоро ей пришлось увидеть, что я у плиты - это самая большая ошибка всех времен. Два раза я пыталась сварить пшеничную кашу. В первый раз результат был похож на хрустящую кучу цемента, во второй раз - я держала ее на огне дольше - хрустящую кучу угля. С тех пор я увивала от готовки, как только могла.

Дошло до такого, что я просто не могла подружиться со многими ингредиентами, или с мертвыми курами, которых надо было сначала ощипать и выпотрошить. Или с рыбой, у которой были еще глаза, плавники и чешуя.

Иногда я думала, что Матильда охотно выставит меня за дверь, потому что я была так безнадежно глуповата при выполнении обязанностей на кухне, и хотя она едва могла сдерживать свой гнев относительно моего слабого поварского таланта, она ограничивалась лишь обычным ругательством и была довольна, что я могу приносить пользу другим видом труда. Возможно, она утешала себя мыслью о деньгах, которые Барт должен был отдать ей за мое содержание.

Даже, если я не готовила сама, еда все же оставалась естественной потребностью, и если бы не голод, я охотно отказалась бы от нее. Утром в основном была пшеничная

каша, время от времени также что-то вроде блинчиков, которые практически не имели вкуса. В полдень часто подавали макароны, по консистенции очень похожие на утреннюю кашу. В виде овощей часто подавали линзы или бобы, которые были приготовлены с рыбой, шпиком или колбасой в густом супе. Кажется, самым важным было оставаться сытым. Вкус был второстепенной важностью.

Во время моих случайных прогулок я всегда позволяла себе особенное лакомство в виде яблока или свежего хлеба, это были трапезы, которым я еще могла доверять. Везде в городе были летучие торговцы, которые продавали еду в ларьках или из лодок.

Только от мысли, что шоколад изобретут только через четыреста лет, я могла бы разреваться из-за сочувствия к бедным людям пятнадцатого столетия.

Правда, это было ничто в сравнении с нищетой, которая царила в сфере здоровья. Почти каждый день приходили больные или их родственники в магазин трав, и то, что я усвоила в течение короткого времени из страдальческих историй, глубоко шокировало меня. Люди практически находились одной ногой в могиле. Заражение крови, сухой кашель, ужасный понос или только сильная боль в животе - иногда это длилось только несколько дней, пока кто-нибудь из семьи больного снова не приходил и сквозь слезы не сообщал, что все молитвы и вся медицина не помогают. Едва ли кто-то из этих людей умер бы в 21 столетии, но здесь не было ни пенициллина, ни операций на слепую кишку.

Мое беспокойство росло, когда я узнавала, что чаще всего женщины умирают во время или после родов. Дважды, в течение только одной недели, сомневающиеся родственники стояли перед Матильдой и изливали ей свое горе. Матильда, к моему удивлению, в таких случаях вела себя совсем иначе, чем, когда от раздражения выгоняла кого-нибудь из магазина, она была полна сочувствия. Однажды она даже обняла одну плачущую женщину, которая во время чумы потеряла двух сыновей, и дочь которой умерла в детской кроватке.

Кларисса рассказала мне о чуме.

— Эпидемия всегда поражает город, В некоторые года очень сильно, так, что повсюду блуждает страх. Больные сами собираются и отправляются на остров проклятых, где большинство из них умирает.

В ужасе я вспомнила о массовых захоронениях на острове чумы, о которых мне рассказывал мой папа. Слава Богу, я скоро буду снова дома!

Из-за всех этих бесчисленных примитивных явных стеснений, дни до следующего новолуния проходили в однообразной монотонности, работа с утра до ночи и снова работа, прерываемая только различными обязанностями, например, ежедневные походы к колодцу и покупки на большом рынке в Риалто.

Два раза я тайно пробиралась к магазину масок за базиликой, но дверь была закрыта, и на мой стук никто не открывал.

Мы с Клариссой несколько дней подряд мыли волосы, затем намыливали мокрое тело и вытирались льняным полотенцем, затем садились на солнце. Один раз я даже уснула, и мне снилось, что я лежу на каком-то пляже.

Затем мало-помалу стало холодать, и процедура мытья явно стала короче и неприятнее.

Но все равно я пыталась сделать все, чтобы оставаться чистой, так как было уже достаточно ужасно то, что я бегала день за днем в одной и той же одежде и

распространяла вскоре вокруг спертый запах. То, что мои сожители при этом пахли не лучше, не было утешением, Матильда особенно источала резкий запах. Однако она мало отличалась от людей, которых я встречала время от времени. Никакого геля для душа, никаких стиральных машин, никакого дезодоранта. Ну и конечно, никакой воды для смывания в туалете. Прошлое воняло, в прямом смысле этого слова.

Поначалу я постоянно задерживала дыхание, но спустя несколько дней я научилась героически это переносить и в течение второй недели практически перестала обращать на это внимание.

Кларисса дала мне взаймы одни из своих трусиков, чтобы мои можно было постирать, хотя от этого я не чувствовала себя по-настоящему свежо. Несколько раз я собиралась купить себе на смену одежду, но потом я сказала сама себе, что через пару дней она мне просто не понадобится. Я планировала при моем отъезде оставить деньги Клариссе, так как взять с собой я их не могла.

Она же, напротив, могла бы исполнить какое-нибудь желание. Матильда довольно сильно ограничивала ее в том, что касалось карманных денег, собственно говоря, она не получала ничего, только раз в год новую одежду или обувь, разумеется только в том случае, если старые были уже полностью изношены. Здесь, по сравнению с ее прошлой жизнью, когда она могла одеваться в бархат, шелка, она служила как Золушка. Но всегда, если я спрашивала ее об этом, она становилась неразговорчивой. Я считала, что ей не хотелось вспоминать о том прекрасном, роскошном времени, так как жизнь здесь казалась ей безнадежной.

Чтобы установить, какую ценность имели монеты, которые дал мне Себастиано, я подсматривала за Матильдой и делала так, как будто я была сконцентрирована на том, чтобы хорошо все вымести, в то же время я наблюдала, какие монеты путешествовали по прилавку магазина. При следующем удобном случае я спросила Клариссу о различных монетах и узнала, что за один сольдо можно купить лиру или марселло. Самым ценным был дукат, потому что он был из золота. Таким образом, я пришла к выводу, что Себастиано оставил мне небольшое богатство, золотые и серебряные монеты, которых было достаточно, чтобы полностью купить магазин трав. Кларисса смогла бы наполнить целый сундук новыми платьями и обувью.

Все до последней маленькой серебряной монеты я спрятала под матрац нашей кровати. Позже, в день новолуния, это все перейдет к их владельцу.

Иногда за час до сна, я садилась к Якопо за кухонный стол и наблюдала за его резьбой по дереву. Его руки были практически такими же корявыми и потрескавшимися, как дерево, которое он обрабатывал при свете керосиновой лампы, но то, что потом выходило из его рук, было, независимо от времени, прекрасно. Он вырезал фигурки святых, которые он в конце полировал и натирал так воском, что они сверкали, как старое золото. Когда они были готовы, он ставил их на стол и рассказывал, что они собой представляют. Среди них был святой Себастьян, набитый до отказа стрелами, святой Кристофорус с маленьким Иисусом на плечах, и, конечно ж, ангел-хранитель Венеции, а еще святой Маркус, который ездил верхом на льве.

Все несколько дней Якопо надевал лоток разносчика, клал в него все свои фигурки и ковылял с костылем на рыночную площадь, чтобы там продать свое вырезанное

искусство. За короткое время большую часть его товара раскупали, так как люди этого времени были ужасно набожны. Для многих почитание святых было важнейшей частью повседневной жизни.

Также для Клариссы, Матильды и Якопо религия играла важную роль. Они всегда молились перед едой и ходили каждое воскресенье в церковь. Чтобы не вызывать раздражения, я тоже сходила с ними. Едва ли я могла оправдаться тем, что я была протестанткой, так как я вообще точно не знала, родился ли уже Лютер.

Маленькая кирпичная церковь была набита битком, люди стояли так плотно, что невозможно было пошевелиться. И хотя большинство людей одели свои лучшие и самые чистые вещи, спертый запах собравшихся людей практически довел меня до обморочного состояния. Священник проводил собрание в виде речитатива.

Латинскую литургию я восприняла, как что-то необычное и запугивающее, но я надеялась, что благодаря моему присутствию поддерживается интернациональное христианство, пока оно вообще воспринималось. Таким образом, мне нужно посетить обе воскресные мессы до появления новолуния.

И тогда, наконец, все это было позади. И две недели прошли.

Глава 8

В ночь перед важным днём я почти не сомкнула глаз, так как была взволнованна. Кларисса так же спала плохо. Её разочаровывал тот факт, что я уезжала, в то время как она сама не намеревалась вернуться на родину. Её настроение не улучшилось даже тогда, когда я на следующее утро дала ей денег. Наоборот, когда она узнала, что я получила их от Себастьяна, она была вне себя от ярости, так как он не дал ей ни гроша.

И хотя её гнев ослабевал, настроение оставалось подавленным.

— Мне тебя будет ужасно не хватать, — сказала она.

— Мне тебя тоже, — заверила я. И это было чистой правдой.

Хотя я уверена, что не буду скучать ни по кому больше, ни по дому, ни по Матильде и ни по всему примитивному времяпрепровождению. Но только не по Клариссе, Она была настоящей подругой. Мы делили всё поровну, не только работу, рубашки, ночной горшок и кровать, но так же судьбу, которая связала нас крепко накрепко в прошлом. Она сплотила нас. И при этом у нас не было возможности сказать друг другу на прощание "До встречи", или "я не из этого мира".

Я была из того мира, в который меня в скором времени красная гондола вернет обратно. Если смотреть по местности, я была всего в двух шагах от него. Но более чем 500 лет в будущее - это было не прямо за углом.

— Мне очень жаль, что тебе все еще придется здесь все это терпеть! — уверяла я Клариссу. — Но когда-нибудь и у тебя все получится! Ты сможешь вернуться домой, и все будет хорошо.

Больше всего я хотела бы предостеречь ее от Наполеона, который определенно не сюсюкался бы с такими революционными беглецами, как Кларисса, но запрет помешал этому. Вместо этого мне в голову пришла другая идея.

— Знаешь, я думаю, ничего не случится, если ты в этот промежуток времени обратишь немного больше внимания на Бартоломео. Он симпатичный парень и сможет о тебе позаботиться. Почему бы вам не начать встречаться?

— Посмотрим, — сказала она неопределенно.

От этого лихорадочного ожидания я не смогла затолкать в себя ни одного кусочка пшенной каши. Матильда подозрительно окинула меня взглядом.

— Ты какая-то вся красная. У тебя случайно нет температуры?

— Нет, все хорошо. Я просто вчера слишком долго была на солнце.

Я не выдала ей ничего о моем предстоящем побеге. Кларисса советовала мне просто тихонечко исчезнуть.

— Так будет лучше. Иначе Матильда начнет страшно волноваться. Она ведь к тебе расположена, ты знаешь.

— Ты имеешь в виду, как к бесплатной рабочей силе?

— Нет, скорее как к человеку.

С этим я едва ли могла согласиться, но Кларисса знала Матильду дольше меня, поэтому я не возражала.

Во время до третьего колокольного звона я притворялась, как будто я помогала Клариссе в мастерской, между прочим, я знала, что этот звон будет после первого где-то часа через три, приблизительно в девять утра. Как только прозвонил долгожданный колокол, я быстренько обняла Клариссу.

— Прощай, — сказала я растрогавшись. — Желаю тебе самого лучшего в этом мире и скорейшего возвращения в твоё время!

Затем я рванула прочь через кухню и через торговую лавку мимо Матильды на улицу. Я старалась не оглядываться по сторонам, иначе я, наверное, расплакалась бы, прежде всего, когда я увидела бы Якопо за кухонным столом, где он трудился над новой фигуркой святых.

Снаружи, в паре шагов от входной двери, стоял Себастиано.

Он посмотрел позади меня и покачал с сожалением головой.

— Тебе нельзя с нами, ты в курсе.

Я повернулась и к моему удивлению увидела Клариссу. Она упрямо взглянула на нас.

— Я имею полное право еще раз попробовать! Разве я не сполна искупила свою вину?

— Если бы это было так, то ты бы узнала. Иди теперь обратно в дом! Жди, когда придет твой час! — Он повернулся ко мне. — Иди вперед. Я следом за тобой.

Я нерешительно зашагала. Через плечо я увидела, что Кларисса попыталась за мной бежать, но Себастиано преградил ей дорогу и крепко ее держал.

— Мне очень жаль, — сказал он.

— Я тебя ненавижу! — яростно кричала она.

— Иди обратно домой, — сказал он, подталкивая ее в направлении травяной лавки. Она вырвалась.

— Я ненавижу тебя! — повторила она, прежде чем резко отвернулась.

Себастиано подождал, пока она скрылась в доме, и нагнал меня.

— Ты готова? — спросил он.

Я кивнула, не проронив ни слова.

Он шагнул быстро вперед, и мне было сложно держаться наравне.

— Почему ей нельзя с нами? — спросила я. — Она тоже могла бы попробовать.

Почему тебе было не взять ее с нами в лодку?

— Об этом я не могу говорить.

Как всегда, меня злила эти недосказанность, но что я должна была сделать? В то

время как я бежала рядом, я решила прояснить немного другой вопрос.

— Ты знаешь, по поводу денег, что ты мне дал - это огромная сумма, по крайней мере, как это я до сего момента обнаружила. Нам нужно договориться об обменном курсе, чтобы я знала, сколько я должна вернуть, когда я буду дома. Что скажешь?

— Ты что, все потратила?

— Ну, да...

— Ты отдала их Клариссе!

Я продолжала при его рассерженном взгляде.

— Я нахожу это справедливым, — защищалась я. — Она здесь уже несколько лет и вкалывает как ненормальная и у нее нет ничего приличного надеть! Такого она не заслуживает! Она никому ничего не сделала!

— Вероятно, она тебе снова не всю правду рассказала.

— Напротив, рассказала — отрезала я. — Она мне сказала, что она сбежала из Парижа, а не что ее должны были казнить на эшафоте.

Себастиано покачал головой.

— Просто забудь.

— Почему это я должна забыть? Почему нельзя ее тяжёлую жизнь немного облегчить?

— Может, потому, что она сама на себя это все навлекла.

— Только от того, что она случайно упала в воду? Послушайте-ка на милость! — Я остановилась. — Или ты что-то другое имел в виду?

— Об этом мне нельзя говорить.

Ах, да, ну как же. Дурацкий запрет. Но сейчас мне могло быть все равно, так как я прямо сейчас готовилась к путешествию длинной в пятьсот лет.

Мы добрались до Гранд-канала. Напротив, на другом берегу, находился роскошный Венецианский дворец - Ка' д'Оро, в любом случае, так он бы назывался в будущем и был бы музеем. Чтобы его увидеть здесь, в исторической среде, в том же самом месте, что и в будущем, только на несколько сотен лет моложе, было многообещающей связью с моим собственным временем, правильным временем. Время с Häagen-Dazs* и фейсбуком. Чао, пшеничная каша и уборная.

(*Häagen-Dazs - марка мороженого, созданная Рубеном и Розой Маттус в Бронксе, Нью Йорк. Прим.Перев.)

Полная надежды я смотрела на канал. На поверхности воды поблёскивало золотое солнце. Всё было спокойно. Тишина была ощутимой, так как следующая моторная лодка находилась на расстоянии вечности. Лишь пёстрые гондолы простирали путь. Они не были чёрными, так как анти-роскошный закон еще не был издан.

Затем я увидела красную гондолу. Она прибывала из бокового канала и быстро приближалась. Одноглазый мужчина стоял на заднем покрытии и энергично греб веслом. Он прищурил глаз, когда увидел меня. Бесчисленное количество морщин мяло его лицо, когда он осклабился при виде меня. " Мне кажется", сказал он каркающим голосом, "здесь едва ли можно ожидать кого-то".

У меня снова возникло чувство, что я его откуда-то знаю, но тут Себастиано начал потирапливать меня, чтоб я залезла в лодку.

— У нас не так много времени!

Я торопилась взобраться на борт. Себастьян выпрыгнул с элегантным предложением позади меня и вновь удивил своей манёвренностью. И хотя я почти

не могла дышать от сильного напряжения, я увидела, какими голубыми были его глаза. Когда он потянул меня к скамье и усадил рядом с собой, я смогла установить, что от него приятно пахло. От него не пахло дезодорантом, шампунем или чем-то в этом роде, а просто чем-то... настоящим.

Я ждала, что мы останемся, но этого не произошло. Старик взмахнул веслом и опустил голову. Он что-то пробормотал, но я ничего не смогла разобрать.

— Сейчас, — сказал Себастиано.

Потом я увидела серебряные мерцания около края лодки, как занавес ослепляющего света, который начал подниматься сверху вниз и становилось больше, пока не охватил все поле зрения. Я задержала дыхание и ожидала щелчок. В голову приходили всякие бессвязные мысли, например, буду ли я в будущем снова голой. Получу ли я по прибытии назад свою сумку, желательно с iPod. Смогу ли я все это вспомнить. Над всем этим я ломала голову, и в долю секунды, прежде чем блеск стер бы все мои воспоминания, я бы охотно сказала бы Себастиано, что я рада была с ним познакомиться. Несмотря ни на что.

Но для этого больше не осталось времени. Ослепляющий свет лопнул с оглушающим щелчком. После этого все утонуло в иссиня-черной темноте.

Часть вторая

Глава 9

Венеция, 1499 год.

Как и в прошлый раз была ночь, когда я пришла в себя. Я неподвижно лежала на спине, но в этот раз без мешка на голове, что дало мне возможность увидеть звездное небо. Я также была не голой, что я поняла после многочисленного ощупывания. Естественно, подумала я, вполне логично, что я все еще в одежде. Принадлежности, которые из прошлого приходили в будущее, не были анахроническими, а просто-напросто древние. Они, конечно, не были подлинными, потому что они не было "по-настоящему" старыми. Вернее, они не выглядели такими старыми, какими они были на самом деле.

Мои мысли прыгали смущенно туда-сюда, пока мой ум постепенно прояснился до того, что я могла снова говорить.

— Хэй? — спросила я писклявым голосом. — Есть кто-нибудь?

— Я здесь, — сказал рядом со мной Себастиано. Я почувствовала его руку на своем плече, и затем он помог мне сесть.

— Все в порядке? — спросил он.

— Теперь да. Но сначала я подумала, что ничего не выйдет. Не подумай, что я была особенно щепетильной. Но все же мы плохо знаем друг друга.

— Конечно, мы вовсе не знакомы., — подтвердил Себастиано. — Если тебя это утешит, в первый раз я не присматривался. Или, лучше сказать взглянул только мельком, а потом там появился Бартоломео с мешком.

Я осмотрелась. Мы приземлились в довольно темный переулок. Собственно говоря, он выглядел точно так же, как в последний раз. Большинство углов в Венеции, по-видимому, не изменяются даже через 500 лет.

С помощью Себастиано я поднялась на ноги.

— Очень мило, что ты меня доставил обратно. В случае если ты спешишь, я, возможно, смогу сама отыскать дорогу к гостинице.

Но где-то внутри у меня таилась надежда, что он все-таки проведет меня. Было действительно ужасно темно. Только из одного окна падал мерцающий свет на улицу. Но этого было достаточно, чтобы узнать, что переулок в этом месте был из песчаной глины.

— О, Боже мой! — закричала я. — Не получилось! Посмотри! Часть переулочка вон там! Там нет мостовой, только старая глина. Мы остались там же!

— Я знаю. Я не слепой.

Громко крича, я начала дрожать, и прежде чем что-то предположила, я разразилась слезами. Я выла и дрожала, не контролируя себя, как будто это была самая настоящая зима, хотя я совсем не замерзла.

Себастиано стоял передо мной с поднятыми руками и беспомощно смотрел на меня, от чего мне не становилось легче. В конце концов, он вздохнул и обнял меня, что привело к тому, что я всхлипывала на уровне его шеи. Душащее дыхание вырывалось из моей груди и опускалось к его уху. Объятие повлияло на меня хорошо. Шок потихоньку отступал, и почти случилось так, что сила и тепло тела Себастиано перешли на меня. Постепенно дрожь стало меньше и, в конце концов, вообще исчезла. Я все еще завывала некоторое время, промочив насквозь воротнич рубашки Себастиано, до тех пор, пока для меня это уже было слишком.

Медленно я отстранилась и вытерла слезы руками.

— Где гондола? Может нам стоит еще раз попробовать?

Он покачал головой.

— Слишком поздно. Гондола исчезла. Окно времени снова закрыто.

— Но как такое могло случиться?

— Тсс, не так громко! Здесь в этом времени повсюду охрана.

Он вряд ли имел в виду карабинеров, а скорее типов в шлемах, броне и с копьями, которыми я успела полюбоваться уже две недели назад.

— Себастиано, я хочу домой! Я больше никогда в жизни не хочу ходить в этот противный туалет и жить без нижнего белья! — я зашептала, так как услышала шаги в темноте. — Мои родители, наверное, уже сошли с ума, ища меня. Поверь мне, небо и ад придут в движение, если я не вернусь обратно!

— Ты сможешь попасть назад только через то окно, через которое исчезла.

Конкретно в твоём случае. Твои родители даже и не заметили, что тебя нет.

— Говорит ли это о том, что есть и другие окна? — хотела я знать.

— Я не могу об этом говорить.

Если бы мы были ближе к каналу в тот момент, я бы толкнула его.

— В том случае, если есть такие окна, тогда я их использую, — требовала я, — я готова поспорить, что ты тоже так делаешь.

— Это совсем другое.

— Ага! — сказала я. — Значит, все-таки они существуют! Другие окна! - На что я не получила ни одного ответа, всё же я не уступала. — Место, на котором я высадились - оно тоже, что и в прошлый раз? Есть ли у временных окон устойчивые места? Посадка в гондолу у канала, а высадка в переулочке? Вы не боитесь, что кто-то это случайно заметит и сообщит о вашем колдовстве?

— Так не пойдёт, — сказал Себастьян нетерпеливо. — Важные окна можно увидеть лишь в особом случае. — Он схватил меня за руку. — Пойдём. Нам больше не следует здесь оставаться.

Он потянул меня за собой. Так мы прошли некоторое время.

— Подожди. — Я остановилась. Мы достигли второго переулочка, на котором было больше света, потому что там, на стене дома, горел факел.

— Куда мы вообще идем? Если ты думаешь, что сможешь снова подкинуть меня Матильде и потом смыться, то ты ошибаешься! Я пойду туда же, куда и ты. И если ты попытаешься провести меня и исчезнуть, я буду так долго стоять у магазина масок, пока ты не вернешься.

— Кто сказал, что я иду туда снова?

— Спорим, что у вас там что-то вроде центра. Уже потому что магазин выглядел также, как и в пятнадцатом столетии.

Он выглядел встревоженным.

— Откуда ты это знаешь?

— Потому что я там маску купила.

— Когда?

— В будущем, конечно.

— О, черт! — застонал он, как будто кто-то наступил ему на ногу тонким каблуком. Я почувствовала, что он ждет дальнейших разъяснений.

— Собственно говоря, я хотела купить обувь, но каким-то образом мы с Матиасом забрели в этот магазин масок. Матиас - это такой толстый парень, который также был вместе с родителями на гондоле, когда временное окно открылось, — я сморщила лоб. — И вообще, это смешно, что они не попали сюда, а только одна я. Это действительно великое счастье, или?

— Хм. Маска была при тебе, когда произошел переход?

Я кивнула.

— Она была в моей сумке. Которой сейчас, конечно, нету, вместе с моим iPod, моими карманными деньгами на целый месяц и моими Sensi.

Последнее я произнесла с ненормальной озлобленностью, так как мои шансы как можно быстрее попасть домой и к моей сумке, содержащей то, что мне было мило и дорого, были намного ниже, чем час назад.

Но я ни в коем случае не хотела думать о том, что со мной произойдет что-то, похожее как с Клариссой. Как только я начинала, хотя бы немного признавать это, меня охватили бы приступы крика. Тогда меня бы схватили. Я правда не знала, где, но я не хотела бы этого знать.

— Что такое Sensi? — попытался узнать Себастиано,

По-видимому, в будущем были вещи, которые он все еще не знал.

— Духи такие, — сказала я. — Что случилось с этой маской? Какую роль она играет во все этой передышке?

— Об этом я не могу тебе сказать.

— Ага, — сказала я яростно.

Обеспокоенно он вглядывался в темноту.

— Нам нужно идти дальше. У ночи есть глаза и уши.

— Там никого нет, — сказала я, после короткого вслушивания.

— В этом как раз и состоит опасность. Чувствовать себя в безопасности и

одновременно с этим в горле торчит нож.

Я содрогнулась, но затем я пошла туда, куда он направлялся.

— Ты хочешь меня напугать, — сказала я. — Но ничего не выйдет. Довольствуйся тем, что взял меня с собой. Не важно, сколько убийц тебе придется одолеть.

— Как бы то ни было, я должен это сделать.

— Бороться с убийцами?

— Нет, взять тебя с собой. Убийцы придут сюда позже.

Это вызвало у меня смех. Ввиду моего рискованного положения я не предполагала засмеяться над шуткой так быстро, все равно, какой бы хорошей она была. Что это не шутка, я должна была понять только позже.

Глава 10

Мы быстро шли в ночи, словно две тени, причем в этот раз мне было гораздо легче держать шаг, чем две недели назад. Обувь уже была разношенная, и я лучше знала местность. Прежде всего, я твердо решила ни от кого не зависеть. Я не была уверена, можно ли было доверять Себастиано. Он преследует планы, которых я не знала. И у него была в высшей мере непонятная мне работа - что еще пока производило неплохое впечатление. Но он знал, как путешествовать во времени. Я хотела узнать об этом все, поэтому я приклеилась к нему, как жвачка.

— Куда ты ведешь меня?

— Не переживай, не к Матильде. Сегодня ночью мы переночуем у одного знакомого, а утром...посмотрим. Я должен еще кое-что обдумать. Это должно быть место, где ты будешь всегда под пристальным вниманием.

— Итак, это уже слишком, — возразила я. — Все считают меня достаточно благоразумной для моего возраста, — добавила я. — Ну хорошо, я написала Ванессе, что она должна наклеить стикер на мотоцикл ее бывшего, на котором написано "Осторожно, алкаш за рулем", — я ненадолго задумалась. — Если судить строго, я еще совершенно ничего не сделала. Только через пятьсот лет.

— Речь идет не о каких-либо будущих деяниях, а о причине твоего прибытия сюда.

— Это значит, что была такая причина? Я думала, это был глупый несчастный случай!

— Я тоже надеялся на это все время. Но маска доказывает обратное. Ты попала сюда по определенной причине.

— Что именно это значит? — саркастично подняла руку. — Подожди. Спорим, что ты не можешь об этом рассказывать.

— Наоборот. Я даже должен об этом поговорить. Ты здесь, чтобы предотвратить событие.

— Правда? — я была озадачена. — Ты не знаешь случайно, какое?

— Нет. Но оно одно из тех, которое определяет будущее. И при этом речь идет также о твоей собственной жизни, так как если ты сделаешь ошибку, ты не сможешь вернуться. Или еще хуже: ты умрешь.

Мне нужно некоторое время, чтобы переварить страх от этого сообщения. Все равно у меня еще оставались приблизительно тысячи очередных вопросов, в том числе, почему я умерла бы, если я сделала бы ошибку, Себастиано говорил о моих неприятностях, что не может говорить о них. Кроме того, было бы все равно лучше в этот момент не так много дискутировать.

— Ты имеешь в виду, потому что здесь всюду поджидают опасности? — сомневаясь, спросила я.

— Нет, потому что я дьявольски устал и просто хочу в кровать. Я не спал не только эту ночь, но и предыдущую.

Это сразу вызвало новые вопросы, например, он не оказался в кровати прошлой ночью из-за безотлагательного патрулирования времени.

Мы пересекли город в восточном направлении, я заметила это потому, что небо здесь было светлее, так как солнце медленно всходило.

Вскоре мы достигли нашей цели. Себастиано остановился перед большим домом и постучал дверным молоточком.

Я осматривала сверху фасад. При слабом освещении наступающего рассвета можно было едва увидеть очертания, но можно было разглядеть, что речь шла о довольно аристократическом здании.

— Это же Палаццо, — сказала я.

— Сейчас называется так только Дворец до́жей*. — Себастиано снова постучал дверным молоточком.

(Дворец до́жей (итал. Palazzo Ducale) в Венеции — великий памятник итальянской готической архитектуры, одна из главных достопримечательностей города. Прим. Перев.)

Дверь открылась со скрипом и перед нами стоял одноглазый с красной гондолы. У него в руке был подсвечник, который придавал его лицу с глазной повязкой демонический вид.

— Ну и дела, — сказал он. — Вероятно, кому-то не удалось попасть домой.

— При первом переходе у нее была маска, — сказал Себастиано, как будто это все объясняло.

— Между прочим, я - Анна, — представилась я.

— Я в курсе, — ответил одноглазый. — Меня зовут Хосе Маринеро де ла Эмбаркасьон. Можешь звать меня Хосе.

Для меня это было практично, так как остального я все равно не поняла.

Хосе вышел с подсвечником через двор, окруженный каменной стеной, на крыльцо. В мерцающем свете свечи казалось, что тень его искаженной фигуры на стене была тенью великана.

Лестница вела к балкону наверху. Придя наверх, Хосе отворил дверь. Мы вошли в какую-то комнату, о размере которой при скудном освещении можно было только догадываться. В любом случае она была огромной, особенно по сравнению с крошечной комнаткой, в которой я прожила последние две недели.

Вместе с родителями я недавно (или в отдаленном будущем, как-нибудь потом) посетила Ка' д'Оро и кое-что, что я узнала о строительстве типичных венецианских особняков, вспомнила только сейчас. Большинство домов патрициев, которые происходили из того времени, были построены по одному принципу. На нижнем этаже располагалась водная галерея с выходом в канал. В некоторые дома можно даже было въехать на гондоле. К водной галерее часто прилегал промежуточный этаж с хозяйственными комнатами, как: кухня, амбар и прачечная.

На первом этаже располагалась господская жилая часть с большим парадным залом, называвшимся портего, который простирался по всему дому. С обеих сторон зала находились покои, в которых владелец спал или ел, или принимал

посетителей.

В одном таком портего я и находилась. Справа и слева были двери, из которых Хосе открыл одну и осветил находящуюся позади комнату.

— Я полагаю, это подойдет для юной леди, — сказал он.

Я смотрела в глубину темной комнаты, в то время как Себастиано зажег свечи на подсвечнике и вручил его мне.

— Спокойной ночи, — сказал он. — Мы поговорим завтра. Или вернее сегодня. В любом случае, до скорого.

— Безумие, — сказала я. — Это что-то вроде кровати с балдахином?

Это была действительно она. При виде ее я внезапно поняла, как сильно устала.

Несмотря на это, я проверила каждый угол, было ли чего опасаться. Мрачные намеки Себастиано о вероломных убийцах на меня все-таки повлияли. Сочетание темноты и одиночества вселили в меня еще больше неуверенности.

В комнате не было ничего кроме дорогой мебели. Дверь практически запиралась изнутри, и я это немедленно сделала, прежде чем раздеться и забраться в постель.

Что следует понимать буквально, потому что постель была удивительно легкой и воздушной, как пуховая перина из будущего. Так же матрас был мягким и удобным, и постельное белье было гладким. Нигде не колола солома, не было ни царапающей материи, ни дурно пахнущей шерсти. С балдахином надо мной - при свете свечи мне было видно, что он был из вышитого шелка - я была словно спящая красавица, готовая к столетнему сну.

Прежде чем уснуть, я почувствовала порыв угрызений совести. Бедная Кларисса! В то время как я здесь лежу в дамате и пухе, она должна довольствоваться кусачим шерстяным одеялом и где-то через час - до рассвета оставалось не больше - опорожнять ночные горшки, носить воду, варить пшеничную кашу и затем целый день в летнюю жару стоять в мастерской и работать с травами. А меня там нет, чтобы ей помочь.

Я раздумывала, следует ли мне попозже днем заглянуть к Клариссе мимоходом, когда я лучше разузнаю мою новую окрестность. Возможно, она почувствовала бы себя лучше, когда узнала, что я все еще была здесь. Определенно, это бы ее утешило, что она не одна застряла в этом столетии.

Конечно, она тогда захотела бы узнать, где именно я нашла пристанище. Это ей, наверное, меньше понравилось бы. Прежде всего, если бы она услышала, что я спала в огромной комнате с кроватью с балдахином, обрамленными золотом зеркалами и лакированной мебелью. И ночной горшок, на котором не только была крышка, но и встроенное кресло, которое стояло за красивой ширмой. Как оказалось, в этом веке не все жили так неудобно, как Матильда.

Еле слышный колокольчик на судне, который звенел на другой стороне, погрузил меня в сон.

Глава 11

Когда я проснулась, был уже ясный день. Ставни, правда, были захлопнуты, но солнечные лучи просачивались в комнату через щели.

Несколько секунд в полудреме я представляла, что была дома. Папа пел под душем, и мама в это время ворвалась бы внутрь и громко заявила бы, что школьный автобус будет через пять минут. Так как было самое время вставать. Автобус

пришел бы по правде только через пятнадцать минут, мама с удовольствием преувеличивала в подобных вопросах, но даже тогда мне едва хватало времени подготовиться к выходу. Поэтому я всегда накануне принимала душ и мыла волосы, так как точно знала, что после подъема мне хватит времени только на одевание и чистку зубов.

У Матильды все происходило также лихорадочно, только там не звонил никакой будильник, а только звучащий вдалеке утренний звон из всех ближайших колоколен, которые разбудили бы всех вокруг. Я и Кларисса выпрыгивали из кровати в течение одной минуты, мы могли быть уверены, что Матильда ворвалась бы в комнату и подняла бы нас на ноги своими криками.

Затем нужно было поторопиться с одеванием и расчесыванием, так как работа уже ждала. Такие тонкости, как чистка зубов вместе с остальным уходом за телом, откладывались на потом.

В этом столетии уже знали про чистку зубов, для этого использовали волокна деревянных кусочков и мятые листья. Тогда, когда было время. У очень большого количества людей, вероятно, его не было, потому что, как только они открывали рот, обнажался кариозный ужас. Зубных врачей не было, только так называемые цирюльники. Когда нужно было посещать их, было уже слишком поздно, так как им фирменным делом было вырывание зубов. Кларисса рассказывала мне, как происходили такие вмешательства. Двое мужчин держали жертву, пока цирюльник орудовал щипцами.

Я уже познакомилась с несколькими такими пациентами. Сначала они покупали себе травяные средства от зубной боли, и когда те не помогали, они отправлялись к цирюльнику. После этого они приходили в магазин снова с ужасно опухшей щекой, так как им требовалось средство для заживления раны.

Пока размышляла о зубной гигиене этого столетия, я оставалась в постели в полудреме. Это было так хорошо, когда ты не обязан вскакивать с кровати, как только проснулся.

В какой-то момент человеческие потребности дали о себе знать. Я воспользовалась ночным горшком и решила узнать при следующей возможности, где здесь выход. Но только я пришла к этой мысли, как в дверь постучали, и в комнату вошла женщина, которая сделала передо мной реверанс, забрала ночной горшок из стула и исчезла вместе с ним. Раздраженно я остановилась и смотрела на нее.

Одновременно с этим появилась другая женщина, которая носила фартук и чепец, как первая. Она открыла окна и начала поправлять перину. Пока она все еще была этим занята, вернулась первая женщина. Она несла поднос, который оставила на лакированном столике перед камином.

— Ваша утренняя трапеза, мадонна, — вежливо сказала она.

— Ээ... спасибо, — ответила я озадачено. Быстрый взгляд на тарелку показал, что мой нос не обманул меня. Яичница-болтуня с поджаренной ветчиной! И рядом с ней на подносе лежал свежий белый хлеб, который еще дымился. Кроме того, там лежал золотистый сыр, аккуратно сложенные маслины и чашечка с медом.

Женщина повернула ко мне стул и протрещал.

— Все ли соответствует вашим желаниям, Мадонна?

Я хотела сообщить ей, что меня зовут просто Анна и меня приучили самостоятельно опоражнивать ночной горшок, но я была настолько захвачена, что

не могла произнести ни звука. Вместо этого я только, соглашаясь, кивнула и опустилась на стул. Я сразу же заметила, что голодна. Никому не нужно было просить меня, чтобы я начала есть, тем более что все выглядело так, как будто все приготовлено для меня одной.

Я схватила ложку, так как еще не видела вилок в этом столетии, и отправила в рот огромную порцию яичницы. У нее превосходный вкус. Временами я откусывала хлеб, который был потрясающим, хрустящим, воздушным внутри и снаружи. А у сыра был точно такой же вкус, как в гастрономии. Со стоном удовольствия я проглотила пару маслин, закончив трапезу тем, что окунула остаток хлеба в мед и съела все до последней крошки.

Для питья предназначался что-то вроде газированного вина в дорогом стеклянном бокале. Я посчитала, что это могла быть простая вода. От Клариссы я знала, что высокопоставленные господа уже на завтрак добавляли в воду вино. Мой случай не попадал в эту категорию, но я слишком сильно хотела пить, чтобы пренебрегать этим.

Женщины вернулись и принесли свежую одежду и воду для умывания. Одна приготовила вещи для одевания, другая налила из принесенного кувшина теплую воду в большую миску, прежде чем положить рядом мыло, гребень и свежее льняное полотенце. Затем обе, полны ожидания, встали.

Мне сразу стало понятно, чего они хотят.

Я откашлялась, сожалея.

— В данный момент у меня нет денег, — сказала я. — Но скоро я встречу кое с кем, кто принадлежит высшему классу, тогда я возмещу все, обещаю.

Обе переглянулись и захихикали, прежде чем одна любезно сказала:

— Не стоит, Мадонна. Мы здесь, чтобы помочь Вам умыться, причесаться и одеться.

От этого недоразумения мне стало неловко, но еще более неловко было позволить двум женщинам одевать себя, как будто я была маленьким ребенком. Поэтому я вежливо, но решительно отклонила предложение.

Обе казались слегка удивленными, но удержались от возражений. Я слышала их хихиканье снаружи, и так хотелось знать, над чем именно они смеются, я поспешила к двери и внимательно прислушалась.

— Большинству новеньких нужно довольно долгое время, — сказала одна.

— Да, но они быстро учатся любить роскошь, — ответила другая. — За все то, что им приходится терпеть от этих мужчин, однако, только маленькое сравнение.

— Ну, это тоже не так уж плохо. Если бы мы были молоды и красивы, мы бы с радостью выдержали это.

— Ты, вероятно, я же определенно нет. Мне дороже спокойствие души и здоровья.

Голоса стихали, женщины удалялись.

Удивленная я подошла к миске для умывания и сняла рубашку. Вода была приятной и теплой, а мыло пахло минимум как куски дорогого сорта, которое Матильда продавала достойным большего доверия клиентам, но мои мысли крутились исключительно вокруг вопроса, где я оказалась. Во время между просыпанием и подъемом я могла нафантазировать еще больше, что я дома и мне нужно будет пойти сейчас в школу. Но тем временем эта дневная фантазия исчезла.

Здесь никто, так или иначе, не ходил в школу, так как учебных заведений не было,

это я разузнала в течение двух недель моего пребывания здесь. Тот, кто был достаточно богат, нанимал учителя на дому, но только для сыновей.

Девочки моего возраста по большей части были замужем и часть были уже матерями или работали где-нибудь, как служанка или помощница. Большинство были часто помещены в монастырь, хотели ли они того или нет.

Девочка могла только мечтать о профессиональной подготовке в этом столетии. Если повезет, женщины могли открыть собственный магазин как Матильда. Но это было исключением.

Но широко распространенная и хорошо оплачиваемая женская работа все же существовала. Несколько женщин, которые зарабатывают себе этим на жизнь, я уже видела в магазине Матильды. Часто они покупали благоухающее масло, свинцовые белила, чтоб краситься, и смеси трав, которые должны были помочь вызвать женские дни.

Кларисса рассказывала мне, что их намного больше в Венеции, чем человек может посчитать. Большинство, так она говорила, более или менее живут на улице и еле сводят концы с концами, но другие наслаждаются по-настоящему роскошной жизнью в дворянских домах, с прислугой, бесплатными платьями и другим всяческим комфортом.

Вместе с тем, что я ходила по кругу в своих мыслях, я снова пришла к исходному вопросу. Где же я находилась?

Я помылась, причесалась и разглядывала лежавшее наготове платье. Нижняя юбка была белоснежной из тончайшего хлопка. Верхнее платье, гамурра*, было из голубого шелка с, обрамленным каймой из парчи, декольте. К тому же были шелковые чулки, которые завязывались лентами поверх колена. Женщины принесли мне новые туфли, что-то вроде башмачков, которые были такими красивыми, что жалко было обуть.

(*Гамурра - (ит.) - во второй половине 15 в. в Италии верхнее распашное платье с широкими рукавами. Прим.перев.)

Аккуратно я положила все обратно на кровать и скользнула в свое собственное платье, потому что на этот раз я знала, где я находилась. Безошибочно это был дом куртизанок. Другими словами, бордель.

С сожалением я взглянула последний раз на сказочную кровать с балдахинем и красивое одеяние, затем отправилась искать Себастиано. После того как он меня сюда привел, в его обязанности входило разместить меня где-то в другом месте. Он сам сказал, что мы здесь только переночуем единожды.

При свете дня большой роскошный зал был еще более впечатляющим, чем в ночи. Стены были обтянуты блестящей кожей, повсюду висели дорогие зеркала и хрустальные люстры для свеч. Пол был мозаичный, который сверкал при солнечном свете.

Из одной из комнат, которая отходила от портего, доносились женские голоса, сопровождающиеся смехом. Когда я хотела незаметно пробраться мимо открытой двери, внезапно появилась высокая, красивая девушка, которая выглядела, словно фея из сказки, с длинными до бедер темными волосами, блестящими, как шелк. Она была одета в похожее одеяние как то, что те женщины принесли мне. Она усмехнулась, когда увидела меня.

— Ах, ты должно быть бедная одинокая маленькая Анна! Как тебе понравилась

еда? Ты довольна прислуживанием горничных?

Я молча кивнула.

— Ты не надела платье, которое я для тебя выбрала.

— Я...э... оно не подошло.

— Очень жаль. Себастиано сказал, что у тебя моя фигура, только немного меньше. Я специально для тебя его убавила. — Она испытующе меня рассматривала. — Оно тебе не понравилось?

Я отчаянно пыталась ей пояснить, что попала сюда по ошибке и поэтому не нуждалась в новом платье, только кроме невнятного лепета я ничего не могла произнести.

В конце концов, молодая девушка меня прервала.

— Я забыла представиться. Меня зовут Мариэтта.

— Очень приятно, — сказала я ошеломленно. — Это твой дом?

— Определенно. — Она радостно улыбалась. — Сейчас только полдень, но если ты уже хочешь начать веселиться, то можешь присоединиться к нам и нашим гостям.

— Она гостеприимно указала на комнату, перед которой она стояла.

— Э...мне нужно, на самом деле, поговорить с Себастиано. Он уже встал?

— Ты найдешь его в водной галерее. Он только что вернулся с одного поручения.

— Еще одна радостная улыбка. — И если тебе что-то нужно — звони. В доме много шнурков от колокольчиков.

— Большое спасибо.

По пути к лестнице навстречу мне шли два франтовато элегантно одетых мужчины, оба примерно того же возраста, что и Себастиано. У них было праздничное настроение, и они уже выпили на завтрак, это я заметила по запаху спиртного, исходящего от них.

При виде одного я сильно испугалась, потому что я его узнала - это был тот самый тип коренастого телосложения, который в будущем атаковал с ножом Себастиано!

— Новенькая милашка, посмотри-ка! — сказал он.

— Черт возьми, да какая красивая! — согласился другой. — О ней Мариэтта нам ничего не рассказывала!

Тип коренастого телосложения вытянул руку и схватил меня за плечо.

— Не хотим ли мы подобающе отпраздновать твое прибытие?

Я как парализованная уставилась на него. Мой разум говорил, что я должна бежать прочь как можно быстрее от этого мужчины, но ноги не двигались, словно прибитые гвоздями.

— Оставь ее в покое! — Мариэтта стояла у двери своих покоев. Лучезарная улыбка смягчила ее резкий тон. — Она не в распоряжении.

— Что она здесь делает в таком случае? — спросил коренастый неприятно улыбнувшись, глядя меня по руке.

— Она моя маленькая кузина и здесь с визитом.

Мужчины засмеялись. Коренастый потерял мои волосы и неохотно меня отпустил.

— В случае, если тебе будет скучно, маленькая кузина, спроси о братьях Альвизе и Джованни Малипьеро! — Он подмигнул мне и коснулся груди. — Я - Альвизе. Это мой брат Джованни.

В хорошем настроении они удалились вместе с Мариэттой, которая через плечо

кинула извинительный взгляд, прежде чем она с обоими мужчинами исчезла в своих покоях.

Я поспешила к лестнице.

Промежуточный этаж дома находился над дверью с внутреннего двора, через которую туда входили. Внизу помещения были значительно меньше и стесненнее, чем на господском верхнем этаже, как мне было известно еще из дома Матильды. Пахло кухней и горячим мыльным раствором.

В коридоре я нагнала по пути одну из горничных, которая мне объяснила, где находился водный зал.

В спешке я побежала дальше, будучи все еще по-настоящему напуганной встречей с теми двумя мужчинами. Как этот Альвизе попал сюда из будущего?

Я прошла мимо прачечной, которая была наполнена клубами пара и затем мимо кухни, в которой тоже что-то дымилось, только из варочного котла, стоявшего на огне. У буфета и столов стояло несколько женщин, готовя пищу.

При других обстоятельствах я бы остановилась ненадолго и поблагодарила за вкусный завтрак, но сейчас я не могла задержаться. Мне даже показалось, что имя Малипьеро я уже где-то слышала: после моего прибытия в прошлое, когда я пришла в себя, я слышала как Себастиано о них говорил. Малипьеры подстерегают с ядом и кинжалом на каждом углу!

Можно было почувствовать, что водный зал был в нескольких шагах. Через проход я резко уловила тухлую вонь канала.

Затем я услышала голос одноглазого гондольера Хосе и резко от ужаса услышанного остановилась.

— Значит, поместишь девчонку сегодня в монастырь?

— Как можно скорее, — подтвердил Себастиано.

— Для этого понадобится объяснение. Как и для всего остального.

— Я уже все уладил. На худой конец я буду ссылаться на запрет. — Себастиано посмеялся, словно с хорошей шутки.

— Какой запрет? — спросил Хосе.

— Тот, который мешает анахроническим выражениям. Она уверена, что я о некоторых вещах не могу говорить, так как она считает, что я из будущего.

Старик похихикал.

— Ну, ты и хитроумный лжец!

— Я ни разу не соврал, хотя прямо на ее вопросы отвечал, что не мог о том говорить. Объяснение этому она сама придумала.

— Ты должен быть этому благодарен, — заключил Хосе. — Видит Бог, что самое худшее в женщинах — это любопытство.

Я стояла со сжатыми кулаками в коридоре и кипела от ярости.

— Между делом я разужнаю, что следующее планируют Малипьеры. — продолжал Хосе. — Скоро предстоит открытое столкновение, насколько это известно. Позже сегодня вечером я узнаю больше. До скорого, дружище.

— До скорого, Хосе.

Я слышала шарканье и всплеск, как будто отплывала лодка. Я осторожно посмотрела через дверной проем в водный зал. Огромные ворота в канал были открыты, и я увидела, как Хосе уплывал на гондоле.

Себастиано шел в моем направлении. Я спешно отклонилась, но было слишком

поздно. Он меня уже заметил.

— Я не хочу в монастырь! — начала я, прежде чем он мог что-то сказать. — Я вовсе не хочу оставаться в этом времени. И я не хочу ничего предотвращать. Больше всего я не хочу иметь никаких дел с этими Малипьерами! — Я остановилась. — Они оба, кстати, в доме. Они пришли, чтобы с этой Мариэттой поразвлекаться. Я с ними столкнулась по пути сюда.

— Они ... Черт!

— Именно. Самое время для объяснений. — Я вызывающе взглянула на него. — И больше мне не рассказывай, что ты мне можешь о чем-то говорить!

— Не здесь, — сказал он. — Где были одни уши, могут и другие скоро появиться. Я почувствовала, как я покраснела, но моя злость во много раз превосходила мое замешательство.

Я последовала за Себастиано до пристани перед домом, где были пришвартованы несколько гондол. Он помог мне забраться и отвязал веревку. Вешая весло на держатель, он мрачно на меня смотрел.

— Что говорили Малипьеры? — спросил он.

Я уселась на скамью и пожала плечами.

— Они думали, что новенькая... Ах, да, как обычно. В любом случае они хотели, чтобы я с ними праздновала. Больше всего Альвизе, чей нож у тебя. По-настоящему тошнотворный тип.

Себастиано был озабочен.

— Он тебя узнал?

— Думаю, что нет. В любом случае по нему нельзя было сказать. Теперь ты мне объяснишь все это?

— Немедленно, только немного отплывем.

Себастиано оттолкнул гондолу от пристани и начал грести. Я заметила, как ему хорошо это удавалось. Он стоял на лодке с широко расставленными ногами и вытаскивал длинное весло из воды. Мы быстро начали плавание иплыли все быстрее. Гондола блестела на Гранд-канале, проплывая мимо роскошных особняков пятнадцатого века. Они выглядели совсем по-другому, нежели в будущем, потому что фасады были не бежевыми или охряными, как в мое время, а были повсеместно разрисованы разноцветными фресками. Над крышами возвышались бесчисленные дымовые трубы, которые выглядели словно вращающийся конус.

Тем временем мы были уже достаточно долго в пути. Никто больше не мог нас подслушать. Я выпалила важный вопрос.

— Эта Мариэтта, она ...

Себастиано поднял брови.

— Куртизанка?

Я, покраснев, кивнула. Он тоже кивнул.

— Вот как, — сказала я равнодушно.

Себастиано улыбнулся.

— У тебя какие-то проблемы в связи с этим?

— На что ты намекаешь? Я вообще ничего не имею против меньшинства! — Я запнулась. — Хотя разговор собственно не может идти о меньшинстве. Я слышала, что их тысячи.

Себастиано засмеялся.

— Я не считал. Куртизанки здесь, между прочим, более уважаемые, чем в будущем, многие из них абсолютно признаны в высшем обществе. Можно сказать, что они супермодели пятнадцатого века. Мариэтта, например, настоящая звезда.

Я подошла к следующему важному вопросу.

— Откуда ты ее знаешь?

Он пожал плечами.

— С моей работой познакомишься со многими людьми. Она хорошая старая подруга и всегда готова прийти на помощь.

Старой я ее не считала, и меня все больше интересовало, что именно значило "готова прийти на помощь и подруга". Но у меня в ушах звучало предубеждение Хосе о любопытных женщинах. Это бы только подтвердило, если бы я дальше продолжала расспрашивать Себастиано о Мариэтте. Эту мою слабую сторону я не выдам.

Это мне не помешало бы разузнать факты, которые помогли бы вернуться обратно домой.

— Из какого ты года? — поинтересовалась я.

— Из того же, что и ты.

Об этом я уже догадалась из разговора, который он вел с Хосе. Тем не менее, я была немного разочарована. Я сочла бы невероятно захватывающим, если бы он в самом деле был из моего будущего.

— А что с запретом? Он для тебя совсем не существует, или?

— Ты неправильно это поняла, — поучал меня Себастиано. — Со мной происходит то же, что и с тобой. Это своего рода фундаментальный закон для тех, кто путешествует во времени. Людям из прошлого нельзя ничего рассказывать о будущем.

— Но ты мне можешь все рассказать! — сказала я торжествующе. — Так как мы из одного и того же времени!

— Я бы мог, — согласился он.

— Так действуй, наконец! Я хочу знать обо всем! Как ты получил такую работу. Кому принадлежит красная гондола и где она сейчас. И какая у тебя здесь миссия.

— Это может тебе навредить, если ты будешь слишком много знать. Чем меньше знаешь, тем меньше ты можешь рассказать в случае реальной опасности третьим лицам.

— Из-за запрета у меня это все равно не получится.

— Я говорю о третьих лицах, которые из нашего времени. Они могли бы тебя схватить и все, что им нужно, из тебя вытянуть.

Меня охватила дрожь, потому что я внезапно вспомнила, как недавно Альвизе разглядывал меня. Как блестели его глаза, когда он схватил меня за руку. И как в будущем он атаковал с ножом Себастиано.

— Говоря о третьих лицах, ты имеешь в виду Малипьеров, или? — просила я. — Этот Альвизе - он был так же в будущем. Он тоже оттуда. Или люди из прошлого могут путешествовать в будущее?

— Насколько мне известно, не могут. Альвизе не из нашего времени.

— Что у тебя за дела с ним? И чем именно он здесь занимается?

— Мы имеем с ним дело, если можно так выразиться. В данный момент будет

лучше, если ты не будешь знать слишком много о Малипьерах.

Я хотела возразить, но затем нехотя решила переключиться временно на другие вопросы.

— В каком собственно городе ты родился?

— В Венеции, — ответил он улыбаясь. — Я живу и учусь здесь.

— О, — произнесла я, будучи довольно удивленной такому обычному ответу. — Что ты тогда изучаешь?

— Историю. С особым уклоном на итальянскую эпоху Возрождения.

И, конечно же, предложил кому-то свои услуги с таким хобби как путешествия во времени.

— И как часто ты путешествуешь в прошлое?

— Дважды или трижды в год. Иногда на неделю, иногда на две. Редко бывает, что дольше.

— Получается, что это для тебя что-то вроде работы во время каникул?

Он снова улыбнулся.

— Можно так сказать.

— Как это работает? Я имею в виду, если ты это ... окно во времени используешь, ты всегда возвращаешься обратно в тот же самый момент, из которого ты изначально вышел?

— Нет, время движется дальше, как в будущем, так и в прошлом.

— Но ты же мне рассказывал, что я бы оказалась в то же самое время в будущем, когда я оттуда исчезла.

— Это работает только с гондолой и новолунием. И, к сожалению, далеко не всегда.

— Что ты имеешь в виду?

— Бывает, что путешествующие просто напросто исчезают.

Меня охватила дрожь. Случилось ли это с семьей Тассельхоф? Я сглотнула и решила отложить этот вопрос.

— Другими словами ты не всегда пользуешься гондолой?

— Нет, очень редко.

— Так как ты тогда путешествуешь во времени?

— Есть порталы, через которые я прохожу.

— Где они?

— Тебе лучше не знать. В любом случае, у тебя ничего не получится.

— То есть я не смогла бы пройти через него?

— Именно.

— Откуда тебе это известно?

Он пожал плечами.

— Оно само по себе не может произойти. Только после специальной ... обработки.

— Что за специальная обработка? Принять пару таблеток? В мозг имплантируют чип для путешествия во времени? Или гуру должен загипнотизировать?

— Ничего подобного. Не спрашивай меня, у меня нет права тебе об этом рассказывать.

— Ты должен соблюдать конфиденциальность?

— Именно. Такую конфиденциальность, которая меня уже и без того постоянно невероятно раздражает. Лучше давай поговорим о чем-нибудь другом, Анна.

— Подожди. Еще пару крохотных вопросиков. А что насчет одноглазого Хосе?

Откуда он?

— Из Испании.

— А из какого времени?

— Этого я не знаю, так как он не сказал мне об этом.

— Ты думаешь...— Я набрала воздух.— Он из будущего? Из нашего будущего?

— Я допускаю это.

— Он главный в этих всех....операциях?

Ответ на этот вопрос остался у Себастиано в долгу. Он повернул в обходной канал и там, на берегу, стояли люди, которые могли нас услышать. Себастиано объяснил мне жестом, что запрет препятствует ему в дальнейших разъяснениях.

Он подогнал гондолу напротив пристани и пришвартовал ее к торчащему из воды столбу.

Мы сошли с гондолы и шли к впечатляющему архитектурному ансамблю, который состоял из одной церкви с дугообразно изогнутыми краями фасадов, рядом с которой находилась другая церковь с колокольной и другими кирпичными зданиями. Самая большая церковь выглядела довольно новой, несмотря на это ее вид был мне не особо знаком. Но потом я вспомнила, что мы посещали это сооружение во время пешеходной прогулки по городу с моими родителями. Здесь был раньше — то есть сейчас — женский бенедиктинский монастырь. Я даже сразу вспомнила его название.

— Церковь Сан-Заккария, — сказала я.

— Точно, — подтвердил Себастиано.— Самый благородный монашеский монастырь в Венеции.

—Я не хочу быть монашкой, — прояснила я.

Себастиано засмеялся.

— Я так и думал. Поэтому я договорился с настоятельницей монастыря, что ты там побудешь в качестве гостя.

— Она в курсе событий?

— Нет. — Он понизил голос, чтобы убедиться, что нас никто не подслушивает. — Здесь никто ничего не знает, и так должно остаться. Ты — моя племянница из Рима и приехала только для того, чтоб навестить меня.

— Я думала, я племянница Мариэтты, — сказала я.

Он поднял бровь.

— Мы все одна большая семья.

Бесконечное количество вопросов обрушилось на меня. Например, как он приобрел эту работу и в чем точно заключается его задание.

Но я должна была временно оставить эти вопросы, так как на стук Себастиано ворота монастыря тут же отворили. Неторопливая монашка в черной рясе спросила причину нашего прихода, на что Себастиано вежливо сообщил ей, что привел свою племянницу из Рима, о которой он уже говорил с преподобной матушкой.

Очевидно, монашка была об этом проинформирована. Она повела нас во внутренний двор, который был окружен крытой галереей. Там можно было увидеть много монашек, одних в черных одеяниях, других, к моему удивлению, в вполне обычной повседневной одежде. Многие из них были еще детьми, чуть старше 10 или 11 лет. На протяжении нашего пути по внутреннему дому на нас устремлялись любопытные взгляды, большинство из которых, конечно, предназначались

Себастиану.

Большинство монашек были без ума от Себастиано, как будто они были Беллой, а он — Эдвардом. По необъяснимым причинам я бы его охотно спрятала от них, но вместо этого я только смотрела во все стороны и делала так, как будто не замечала эти фанатические ужимки.

— Здесь у нас спальня, отдел для сна, — сказала монашка, в то время, как вела нас через коридор, от которого ответвлялся ряд дверей.

— Некоторые наши спальни забронированы специально для посетительниц, у нас в гостях часто бывают дамы из других местностей, — пояснила монашка, которая представилась нам как сестра Гиустина. Под конец она рассказала мне различные правила для моего пребывания здесь. Никаких ночных праздников, никаких мужских визитов, за исключением, конечно же, моего двоюродного брата, никаких домашних животных и никакой громкой музыки в келье.

— Мы не терпим ни громкого звучания лиры, ни собачьего лая.

Я уверила сестру Гиустину, что у меня нет ни собаки, ни лиры и что я не собираюсь по ночам, или когда-нибудь еще, что-либо праздновать. Она захотела узнать, где мои вещи, от чего мы с Себастиано обменялись растерянными взглядами. Он быстро пояснил, что они все еще на корабле, на котором я приехала, и он их позже поднесет.

Сестра Гиустина отвела меня в мою комнату, которую я должна была делить с еще одной посетительницей, вдовой неаполитанского купца.

— Бедная монна Доротея, — сказала сестра Гиустина. — Ее муж умер здесь в Венеции во время торговой поездки, на которую она его сопровождала. Сейчас она ожидает, что ее родственники приедут и заберут ее.

— Где монна Доротея? — спросила я.

— Она пошла на исповедь, и потом она хотела бы еще помолиться святому Марку в базилике, — сказала сестра Гиустина. — Но, самое позднее к ужину, она снова вернется.

— Здесь все же хорошо, не так ли? — спросил меня Себастиано.

Я осмотрела комнату. Она была просторной, почти в два раза больше, чем комнатка Клариссы. Обстановку можно было также увидеть. Рядом с двумя кроватями стоял еще и стол вместе с табуреткой, у стены — большой сундук для одежды. Над дверью висел вырезанный деревянный крест, а на противоположной стене зеркало. Перед ним стоял комод для косметики, на котором была разбросана всякая утварь, от расчески до флаконов с духами и коробочек, обработанных резьбой по дереву для украшения, и другие безделушки. Неизбежный ночной горшок находился за ширмой.

Хватило одного взгляда, чтобы определить, что моя новая соседка по комнате не особо любила порядок. Повсюду по комнате валялась одежда и где-то единичная обувь, и в тазике все еще стояла использованная вода.

И, кроме того, монна Доротея не исполняла правило относительно зверей, у нее была птица. Перед узким окном в клетке сидел кричащий пестрый попугай, который рассматривал мне, наклонив голову набок.

Себастиано сказал, что он должен идти, от чего меня охватила легкая паника.

— Когда ты снова придешь? — спросила я.

— Так скоро, как смогу. Самое позднее, завтра вечером.

— Где ты будешь до этого времени?

— Мне нужно позаботиться о текущих обязанностях.

Сестра Гиустина и еще несколько других монашек были на расстоянии, чтобы нас услышать, и от меня не ускользнуло, что они все наострили уши. И Себастиано, к сожалению, не смог мне сообщить ничего конкретного об этих текущих обязанностях.

Итак, я попробовала другими способами спросить его об этом.

— Другими словами, ты должен снова...уехать?

Он кивнул.

— К нам домой?

Он снова кивнул.

Я не могла сдержать слез. Он вернется снова в наше время, а я должна остаться здесь. Это так несправедливо! Почему он может это, а я нет?

— Скажи мне только одно, — прошептала я ему на ухо, делая вид, будто я обнимаю своего верного кузена на прощание. — Не могла бы я тоже получить эту...специальную обработку?

— Нет, — сказал Себастиано так же тихо. Его дыхание щекотало мой висок. — Ее можно получить только...дома.

— Мог бы ты, по крайней мере, сообщить моим родителям, что у меня все в порядке?

— Не получится. Я объясню тебе это в следующий раз.

Вдруг я заметила, что из наигранного прощального объятия получилось настоящее. Себастиано, на удивление, крепко прижал меня к себе. Его чистый мужской запах проник в мой нос и привел меня в замешательство, как уже не в первый раз. Меня смутило также то, какой маленькой я казалась, когда стояла прямо перед ним. Он был практически на голову выше меня. Мои глаза были как раз напротив его губ. Затем он отпустил меня и сделал шаг назад.

— Я принесу тебе багаж с лодки.

— Какой багаж?

— Мариэтта упаковала для тебя некоторые вещи.

Я не знала, должна ли я к этому хорошо отнестись, у нее был изысканный вкус, с этим ничего не поделаешь. Но, если Себастиано мог просто попросить ее упаковать еще несколько вещей для бедной, покинутой, маленькой Анны, значит, между ними есть, конечно, близость. От этого я, по какой-то непонятной причине, забеспокоилась.

— До скорого, — сказал Себастиано.

— До скорого, — ответила я.

Я хотела сказать что-нибудь еще, возможно, что-то смешное, чтобы не стоять там такой безнадежной и нуждающейся, но у меня пропали слова.

Затем за ним закрылись ворота, и я осталась одна.

Глава 12

Если точнее, одна среди монашек. Едва Себастиано ушел, ко мне со всех сторон начали приближаться жители монастыря, чтобы познакомиться со мной. А также, чтоб спросить, как зовут моего двоюродного брата, сколько ему лет, где он живет и когда он снова придет.

Меня обступили со всех и сторон и начали расспрашивать.

Таким образом, я познакомилась с Орсолой, Имелдой, Беатой и еще с несколькими девочками моего возраста. Многие уже долго жили в монастыре, большинство привели сюда уже в семилетнем возрасте.

Я вспомнила, что рассказывал моим родителям и мне городской гид о монашеских монастырях. Таким образом, они были что-то наподобие учреждений охраны для женщин из богатого дома. Выйти замуж имели право только старшие дочери. Это было из-за очень высокого приданного, которое ожидалось от невесты из богатых семей. Поэтому-то и должны были вторые, третьи и последующие дочери стать монашками и до конца своей жизни, молясь, киснуть за стенами монастыря.

Во время разговора с девочками я, конечно, узнала, что их жизнь в монастыре не была уж такой плохой. Например, никто их не осуждает, если они красятся в своих комнатах или надевают красивые платья; главное, чтобы никто не увидел этого извне.

Эту интересную новость я узнала во время совместной прогулки по крытой галерее с Орсолой, Беатой и Имелдой. Они выдали мне также некоторые пикантные детали: по ночам все-таки случаются вечеринки с музыкой и танцами, и вином, на днях также была одна. Время от времени на вечеринку приходят даже мужчины, и это действительно весело.

Шушукаясь, Беата сообщила мне, что она хочет опять сделать вечеринку предстоящим вечером, в комнате Доротея.

— Я там тоже живу, — озадачено сказала я.

— Конечно, — шепнула Орсола. — Вы обе не монашки, и поэтому почтенной матушке легче будет закрыть на это глаз.

— Или два, — хихикнула Беата.

Я едва успевала переварить эту информацию. По всей видимости, в этом веке было что-то еще хуже, чем быть монахиней.

— Ты думаешь, твой двоюродный брат Себастиано тоже сможет прийти? — спросила Имелда.

— К сожалению, он должен уехать по делам.

Девушки показали мне также другую часть монастыря. Они провели меня через рабочую территорию, где стайками работали служанки в кухне и прачечной, через столовую, которая называлась трапезной, и, наконец, через скрипториум, зал для переписи уставленного большим количеством книг как в библиотеке. Книги, как я узнала от Клариссы, были большой редкостью в этом времени, так как еще долгое время не было печатного станка и большинство производились благодаря трудоемкому ручному труду, чаще всего монахами, которые проходили специальное обучение по каллиграфии.

После того, как я все увидела, мы вышли из здания, чтобы осмотреть уборную, затем овощной сад и сад лекарственных трав, пока не появилась сестра Гиустина и не приказала нам скрыться в наших комнатах. Все монашки должны были надеть платья, все мирские гости и служанки - свои чепцы. Я сразу же узнала причину: какое-то официальное высокопоставленное лицо сообщило о визите. Они должны были трапезничать с настоятельницей и затем посетить вместе службу в церкви Сан-Заккариа*.

(*Церковь Сан-Заккариа или Сан-Дзаккария (итал. San Zaccaria) — католическая

церковь в Венеции, в районе Кастелло. Прим.Перев.)

— Кроме того, мы все должны произвести хорошее впечатление, — поделилась Орсола по дороге к монастырским спальням. — Иначе эти высокопоставленные господа могут подумать, что в монастыре царит недостаточно послушания и порядка. Тогда они издадут новый закон, чтобы нас совсем лишить забав.

Я узнала, что это происходило все чаще. Так, в частности, появился закон, который запрещал мужчинам навещать ночью в женский монастырь.

— Как будто кто-то его придерживался, — сказала Орсола.

Постепенно у меня сложилось впечатление, что в женском монастыре этого времени происходило все, что угодно. Пока снаружи был виден свет, в стенах монастыря явно доставало веселья.

Немного позже какая-то лодка привезла сундук к воротам монастыря. Две служанки притащили его в комнату монны Доротеи и, пыхтя, отставили в сторону, объясняя, что это был мой багаж.

Я не сильно удивилась, обнаружив стопки сложенной одежды от хорошей старой подруги Себастиано, включая маленькую сумочку с монетками. Не все были золотыми, как в прошлый раз, но все же. Даже то платье, от которого я сегодня после подъема отказалась, вместе с парой других очень красивых платьев и нижним бельем.

Я только что закончила сортировать все вещи, как какая-то женщина вломилась в келью. При ее виде попугай сразу же начал кричать.

— Монна Доротея, мое сокровище! — пронзительно прокричал он. — Монна Доротея, моя красавица!

— Я Доротея, — представилась мне женщина. — А ты, должно быть, Анна, моя новая соседка по комнате, — А попугаю она сказала: — Успокойся, Полидоро!

Я осматривала ее тайком. На убитую горем вдову она не была похожа. И вообще я не задумывалась прежде о том, какой молодой и привлекательной она была. Скорее я ожидала даму в средних летах, удрученную горем, печальную и бесцветную.

Доротее было самое большое двадцать. Закрывая глаза на то, что по цветовой гамме она отлично подходила своему попугаю. На ней было одето голубое платье, изумрудно-зелёного цвета чепец и красные туфли. Так же у нее были рыжие волосы. Как только она сняла чепец, по плечам рассыпались медные кудри.

— В случае если ты удивляешься, почему я не ношу черное, портниха еще не пошила мое траурное платье, — сказала Доротея. При слове черное ее лицо скривилось, похоже, носить черную одежду было хуже, чем кончина ее мужа. Между тем я выразила свое сожаление, на что она небрежно пожалала плечами. — Таддео был стариком, он годился мне в дедушки.

— О, Боже мой! — испугано сказала я. — Тебя кто-то заставил выйти за него замуж?

Она засмеялась.

— Ах, ты что. Он был сказочно богат. Старые мужчины с деньгами выглядят зачастую моложе, чем есть на самом деле. Во всяком случае, сначала. Но позже это уже больше не помогает. И в конце же ему нужен только дукат пеленок.

Пораженная я смотрела на нее, но похоже она легко пережила стресс, потому что сразу же бросилась с изумленными возгласами к моему открытому сундуку, чтобы посмотреть на мои платья. В свою очередь она вытащила свои вещи и доставала

платье за платьем из своего сундука, чтобы показать. Платья и аксессуары были действительно великолепны, постепенно я разобралась, что было в моде.

— Как тебе здесь? — спросила она, в то время как покрывала желтым шелковым платком плечи. — Я только что купила! — Она кружилась, пока ее юбки и платок не начали развеиваться вокруг.

— Монна Доротея, мое сокровище! — закричал Полидоро. — Монна Доротея, моя красавица!

— Платок правда очень красивый, — сказала я.

Доротея вздохнула.

— Ах, такая жалость, вероятно, я его больше никогда не смогу надеть, потому что требуется, чтобы я до конца жизни ходила в черном. Уже на днях меня заберут.

— Родственники?

Она кивнула.

— Моя старая-престарая золовка и старый шурин, которые меня заставят жить в старом-престаром доме моего старого и теперь уже умершего мужа.

— Я не хочу обратно в Неаполь! — завизжал неистово Полидоро. — Я не хочу обратно в Неаполь!

— Полидоро часто схватывает вещи, которые не предназначены для других ушей, — сказала она извиняясь.

Мне пришла в голову идея. Как только Доротея ушла ненадолго, ей нужно было в уборную, я встала перед клеткой.

— Привет, Полидоро, меня зовут Анна и я из будущего, — сказала я. Или скорее, я хотела сказать. Вместо этого вышло: — Приветствую тебя, Полидоро, меня зовут Анна, и я пришла из далека. — После этого я попробовала еще разок с айподом, который сразу же преобразился в зеркало.

Так сложно перехитрить этот запрет.

Ужин, который получали жительницы монастыря после общей молитвы в трапезной, был неожиданно хорош, такой же вкусный и богатый, как и завтрак у куртизанок. Здесь питались действительно хорошо.

Вероятно, эта роскошь была связана с тем, что монашки происходили из богатых семей. Их семьи должны были платить уйму денег за место в монастыре, поэтому для них было важно, чтобы девушкам там хорошо жилось.

Я себя спрашивала, почему не разместили Клариссу здесь, ей было бы легче, чем у Матильды. Кларисса... По-прежнему меня не покидало чувство, что я о ней далеко не все знаю. Во-первых, из-за неясных намеков Себастиано, во-вторых, из-за ее странных слов во время моего отъезда.

"Я разве недостаточно поплатилась?"

Что она имела в виду? Пару часов назад я могла бы спросить Себастиано, но у меня в голове вертелось так много других проблем, что я об этом совсем забыла.

Доротея вернулась из уборной и сказала, что было самое время готовиться к торжеству. Я без комментариев приняла это к сведению, будучи далеко не в настроении для всяких вечеринок. Я бы лучше спокойно посидела в каком-нибудь уголке и подумала бы обо всем. Или поспала и хорошо отдохнула. Хотя я и спала до обеда, я уже была уставшей. Ничего удивительного после всего того, с чем мне в последнее время пришлось иметь дело.

Но мне не хотелось быть занудой, это было бы неблагодарно с моей стороны. В

конце концов, Доротея отнеслась ко мне любезно и даже предложила свои красные туфли, попросив взамен мою нижнюю юбку с оборками. Я не была против, даже если и не могла ими воспользоваться, потому что они были на два размера меньше. Доротея убрала свои вещи, просто отправив весь беспорядок за ширму, включая клетку. Затем она села перед зеркалом и пустилась во все тяжкие. Она обвела глаза черной краской и нанесла обильно румяна, затем заколола волосы шпильками, что напоминало что-то вроде водопада, украсила все испанской мантильей и затем поинтересовалась, как она выглядела. Я уверила ее, что она была сногшибательна, на что она порадовалась, обмахиваясь обшитым бархатом веером.

— Сегодня я действительно прекрасна, — думала она, чем воодушевила Полидоро кричать, хотя он сидел за ширмой в клетке и не мог ее видеть. После того как он минимум десять раз прокричал: "Монна Доротея, моя красавица!" — я накинула желтый платок на клетку и тем самым заставила его замолчать. Доротее же напротив это дало возможность говорить еще больше. Она рассказала мне обо всех деталях ее мужа Таддео: его волосах в носу, его запахе изо рта, подагре и неиссякаемом позыве на мочеиспускание. Кроме того, она энергично подчеркнула, насколько неопытные люди иногда переоценивали стоимость денег, прежде всего в браке.

— Пусть моя судьба послужит тебе уроком, — рекомендовала она мне. — Лучше сочетайся браком с бедным, но прекрасным юношей, чем богатым, но древним пнем.

Я пообещала ей, что запомню ее совет, если когда-нибудь соберусь строить свадебные планы.

— Нет, только не думай, что я была бы непочтительная, — продолжала Доротея. — Я очень благодарна Таддео и буду всеми силами уважать его память. Все-таки он оставил мне все свое имущество. Вместе с ним я могу вести достойную жизнь как вдова и могу ни в чем себе не отказывать.

Как будто для подтверждения этой реплики, она вытащила из-под своей кровати винный кувшин. Она налила два бокала до краев и подала мне один. Сначала она чокнулась со мной, затем с самой собой в зеркале.

— За тебя, дорогой Таддео.

Хотя я сделала всего несколько глотков, сразу почувствовала, как крепкое вино сразу ударило в голову. Доротея выпила свой бокал в несколько глотков и, напевая что-то, начала расставлять свежие свечи по углам.

— Они придут, как только снаружи стемнеет, — поведала она мне клятвенно, пока в изобилии поливала себя духами.

Я чихнула, так как внезапный запах роз был оглушительным.

— Кто же? Другие монахини?

— Они конечно тоже. И мужчины. С которыми праздник будет действительно веселым.

— Как же они заходят внутрь?

— Они перебрасывают веревочную лестницу через стену в огороде под покровом ночи. Затем они пробираются в спальню.

— Вы не боитесь, что аббатиса* узнает об этом?

(*Аббатиса – настоятельница женского монастыря в католической церкви. Прим. ред.)

— Ах, время от времени они сама празднует с удовольствием. Только Гиустина несколько восприимчива, но это можно легко урегулировать в большинстве случаев.

Я сделала еще несколько глотков вина, вследствие чего я почувствовала себя готовой отправиться в постель. Как раз в тот момент, когда я думала о том, стоило бы мне, вероятно, ненадолго прилечь, Доротея подняла голову прислушиваясь:

— Мне кажется, я слышу шаги!

Одновременно с этим в дверь постучали, и прибыли первые гости, в данном случае Орсола и Беата. Хихикая, они вошли, приняли у Доротеи вино и начали обсуждать людей, о которых я еще ничего не слышала. Прошло мало времени, когда снова постучали.

Доротея подпрыгнула и быстро еще раз проверила в зеркале свой макияж.

Я тоже вскочила на ноги, и у меня начал зашкаливать пульс. Не потому что я так была так взволнованна из-за вечеринки, а потому, что совершенно внезапно у меня зачесался затылок. Казалось, как будто я была в повышенной боевой готовности.

Тогда я услышала тихие мужские голоса у двери и поняла, что к чему.

Дверь открылась, и вошли остальные гости. Разумеется, они не могли меня увидеть, так как я огромным прыжком скрылась позади ширмы. Наблюдая через щель в обивке, я узнала Имельду, которая вела трех мужчин. Двоих их тех парней я знала. Это были Альвизе и Джованни Малипьери, третий был явно хорошим другом этих двоих.

Все были в превосходном настроении. Джованни сразу же начать тискаться с Беатой, отвечая на это хихиканьем. Альвизе рванул, чтобы крепко обнять Доротею и прямо-таки едва не задушил ее горячими поцелуями. Ничего удивительного, что в ней не было ничего напоминающего о скорбящей вдове. Альвизе, по всей видимости, был ее любовником. Определенно, она часто ходила на молебны и исповеди, чтобы его повидать. Если только она не ходила за покупками.

Третий мужчина пил вино и балагурил с Имельдой. Обоим нужно было сначала поближе познакомиться, но сейчас это выглядело так, словно пустая формальность, которая продлилась бы максимум пару минут.

Орсола также выпила вина и осмотрелась кругом в поиске.

— А где же Анна? — спросила она. — Она же была только что здесь.

Она заглянула за ширму, и я мигом уселась на ночной горшок, который к счастью был пуст и чист.

Она сразу поняла положение дел.

— Вот как, — озадаченно сказала она, прежде чем снова вернуться в компанию и присоединиться к остальным в непринужденном разговоре. В первую очередь поносились различные венецианские дворянские роды.

Затем я услышала, как Альвизе что-то сказал, что меня насторожило.

— Конечно, мы пойдем на торжество к Тревисану. У нас с ним есть еще неотложные дела. — То, как Альвизе произнес слово "дела" и затем последовала злорадная насмешка, звучало совсем не по-деловому, а ... лукаво?

— Ах, скучные дела, — ворчала Доротея. — На торжествах должны танцевать, петь и веселиться! Я бы пожертвовала шестью дюймами длины моих волос, чтобы пойти туда вместе.

— Наши дела с Тревисаном не скучные. А скорее ... неминуемые. — В этот раз

смех Альвизе звучал четче остальных. По моей спине пробежала холодная дрожь, в то время как затылок продолжал сильно зудеть. Я с осторожностью подсматривала через щель, чтобы больше увидеть.

— Доротея, милая моя, если ты очень хочешь пойти со мной, я могу это устроить.

— сказал Альвизе. Он игриво словил ее убранные вверх локоны. — Даже не обрезая твои великолепные огненные волосы.

Она оттолкнула его руку.

— Не смейся надо мной!

— Вовсе нет, я не смеюсь. — Он улыбнулся. — Почему бы тебе просто не пойти со мной?

— Но что же скажут люди! — сомневаясь, ответила Доротея. — Я только что овдовела.

— Никто ничего не узнает. Надень маску, так все равно делают многие.

— Но это же не время карнавала, — возразила Орсола. — Там ношение масок не запрещено?

— Глупышка, — сказал Джованни. — Таких запретов никто не придерживается.

Кроме того, торжество происходит внутри, кто может этому помешать?

Доротея захлопала в ладоши.

— Ах, это было бы замечательно. Я не была на праздниках уже много лет. Только на тех, где были только старые-престарые старики, у которых вряд ли были свои собственные зубы.

— Ты в зубах не будешь нуждаться, — смеясь, пообещал Альвизе. Словно в подтверждение, он укусил Доротею за мочку уха, что вызвало у нее приглушенный визг.

Я сильно почесала затылок, но зуд еще больше усилился. Сейчас я поняла, откуда я знала имя Тревисан. Себастиано упоминал его в ночь моего прибытия, когда я пришла в себя после потери сознания.

Даже сегодня ночью на Тревисана должны напасть и если я это не предотвращу, кто тогда? Малипьеры скрываются за каждым углом с ядом и кинжалом.

Фантазии не было много места разгуляться. Альвизе хотел покуситься на Тревисана, преимущественно с помощью яда или кинжала. Другими словами, он планировал убить этого Тревисана и уже прямо завтра на том празднике.

Отлично, испуганно подумала я. Черт возьми, что же мне делать?

— Где собственно Анна? — спросила Доротея.

Орсола многозначительно откашлялась, и через щель я увидела, как она показала жестом прямо в моем направлении, который объяснял, что я в туалете. К сожалению, она вовсе ничего не поняла.

Альвизе, который сидел на кровати рядом с Доротеей, встал и попробовал заглянуть сверху за ширму.

— Эта Анна еще так невинна, что мужские взгляды загоняют ее в укрытие?

— Когда взгляды такие дерзкие, как твои, это просто необходимость, — объяснил его брат, от чего он и Альвесе закатились смехом. Какой-то момент я надеялась, что они обо мне просто забудут, но Альвизе не сделал мне такого одолжения. Он подошел ближе. Еще два шага и он мог бы меня увидеть. Еще один шаг, еще полшага.

— Ну и, — сказал он. — Что у нас здесь?

— Птичка. — Я протянула клетку так, чтобы моя голова и макушка за ней спрятались. — Ей здесь совсем не хорошо. Я вынесу ее на свежий воздух. Прежде чем меня кто-то мог успеть задержать, я уже проскользнула мимо Альвизе и протиснулась через толкотню в комнате к двери. Уже в проходе я закрыла за собой дверь ногой.

— Это было опасно близко, — сказала я Полидоро.

— Я не хочу назад в Неаполь, — прокаркал он сонно.

— Не волнуйся. Мы всего лишь идем ненадолго в сад.

Глава 13

По дороге в сад я оставила клетку в крытой галерее, где ее, конечно, нашел бы кто-нибудь, кто привык рано вставать, и вернул бы Доротеи.

— Постарайся не шуметь, — приказала я Полидоро.

Затем я вооружилась свежей сальной свечой и прокралась в огород. Там я довольно долго, спотыкаясь, шла вдоль стены. Мне бы больше подошел карманный фонарик вместо свечи; это длилось вечность, пока я, наконец, не нашла веревочную лестницу.

Я взобралась наверх и поняла, что лестница была закреплена крючками на стене. Прыгать вниз было слишком высоко, даже не беря в расчет, что позже мне нужно было бы как-то вернуться назад, поэтому я подняла лестницу, перевесила крюки и спустила ее с другой стороны. Если Альвиза и остаток ее свиты решили бы снова перелезть через стены до того, как я вернулась бы назад, он оказались бы в безвыходной ситуации, но это была не моя проблема.

Это было не просто, с обширным одеянием справиться со всем этим карабканьем и следить при этом за свечой в подсвечнике, но каким-то образом у меня получилось не сломать шею, не сжечь одежду и не привлечь к себе внимание.

Затем стало гораздо труднее. У меня совсем не было денег, а я не осмеливалась просто сесть в гондолу. Вероятно, я могла бы решиться и сказать, что оплачу в конце поездки. Но что я сделала бы, если мне не открыли бы двери, например, так как был выходной или все спали, или если бы никто не дал мне денег взаймы?

Поэтому я пошла пешком, что намного дольше, чем поездка на гондоле, так как мне нужно было к мосту Риалто, а потом через Сан Поло. При этом большинство тупиков и одинаково выглядящие ряды домов оказывались дополнительной преградой для меня. Я постоянно терялась, пока снова не выходила к Гранд-каналу, единственному надежному ориентиру, так как здесь было светлее, чем в переулках из-за горящих на берегу факелов.

Когда я наконец добралась до дома куртизанок, я была вся в поту несмотря на прохладный ночной воздух. На мой стук дверь сразу открыла служанка, которая помогала мне сегодня во время подъема и завтрака.

Я спросила о Себастиано и к моему несчастью узнала, что о его местонахождении ничего не известно. Он отправился в путешествие еще днем вместе с одноглазым, когда вернется, никто не знал.

Я спросила о Мариэтте, что еще мне оставалось? Вероятно, она знала больше.

— Вам лучше подождать внизу, пока я скажу о вас хозяйке, — ответила служанка.

— Наверху как раз... хм, празднуют.

Я не могла представить. Вероятно, это было под запретом для показа детям.

Нетерпеливо я ждала во внутреннем дворе, пока служанка пошла за Мариэттой. С верхнего этажа доносились музыка флейт и гул голосов, время от времени дополняемый громким смехом мужчин и хихиканьем женщин.

Мариэтта спустилась по лестнице, как королева эльфов. Закутанная в белый шелк и распущенными волосами она выглядела, как Арвин из Властелина колец.

— Святые небеса, — сказала она. — Что же ты здесь делаешь посреди ночи? Как ты перебралась через стену монастыря?

— А, там случайно висела лестница... Знаешь, когда вернется Себастиано?

— Этого никто не знает. Почему ты здесь?

— Мне нужно срочно поговорить с ним.

— Он разозлится, когда слышит, что ты сбежала из монастыря. Он думал, что ты была бы в безопасности и под защитой там.

— Ну да, еще как защищена, — сказала я. — Собственно те же парни бродят вокруг что там, что тут.

— О, да, — тронутно воскликнула Мариэтта. — Кого все же ты видела, кто был сегодня здесь? Подожди, мне нужно подумать. Братья Малипьеро. — Когда я кивнула, она рассержено щелкнула языком. — У этих двоих любовницы повсюду, как у куртизанок, так и монахинь. Я слышала, как Альвизе смеялся над одной молодой вдовой, которая живет в монастыре.

— Монна Доротея. Она — моя соседка по комнате. Он пришел сегодня навестить ее вместе со своим братом и еще одним человеком. Это должен был быть веселый праздник. Но прежде чем он начался, я исчезла.

Она с любопытством рассматривала меня.

— Ты потому сбежала? Потому что почувствовала себя не в своей тарелке?

— Нет. Этот Альвизе сказал кое-что, что Себастиано непременно должен узнать.

— Ну, как уже сказано, он, к сожалению, не здесь и я не имею ни малейшего понятия, когда он вернется, — она вопросительно смотрела на меня. — О чем речь? Лучше всего, если ты расскажешь все мне, а я передам это Себастиано, как только он прибудет.

Согласно положению вещей это было разумным предложением. В конце концов, она была хорошей, старой подругой Себастиано. С другой стороны... Возможно, она была не только его старая, добрая подруга, а также братьев Малипьеро. Как-никак, они были здесь постоянными клиентами.

Я разрывалась и не понимала, могла ли доверять ей. Наконец, победила осторожность.

— Я лучше расскажу ему сама.

Ее улыбка показалась слегка натянутой.

— Как хочешь. Как только он появится, я отправлю курьера. А теперь самое время вернуться в монастырь. Я охотно предложила бы тебе провести остаток ночи здесь, но будет неудобно, если ты не окажешься в монастыре завтра утром. Они бы отправили судебного исполнителя на твои поиски, как-никак тебя, бедное существо, доверили матери настоятельнице монастыря.

Раздраженно я приняла к сведению ее слова и почувствовала себя при этом олененком Бемби. Самым глупым было то, что я даже не могла исправить это. Моя мама, правда, не была мертва, но еще даже не родилась. Еще долгое время не родится.

В одном нужно было отдать должное Мариэтте: она была очень гостеприимна. По ее команде служанки принесли мне хлеб с ветчиной и бокал незаменимого разбавленного вина, и после того как я разделалась с закуской, Мариэтта позаботилась о том, чтобы меня доставили обратно: веселый слуга проводил меня на гондоле к монастырю. Когда он высаживал меня на причале, то подал мне даже новую свечу в стеклянном подсвечнике, так как моя к тому времени давно догорела. Вскоре после этого последовал опасный момент, так как, когда я приближалась к монастырю, из-за угла появился патруль, двое мускулистых мужчин вооруженных копьями и в шлемах. Я как раз успела исчезнуть под воротами и спрятать за своим телом маленький источник света, но, к моему облегчению, они маршем прошли мимо, не заметив меня.

Проворно я добежала до участка стены, где висела веревочная лестница. Мне стало так легко, когда я нашла ее, иначе пришлось бы воспользоваться планом Б. У него был один недостаток: его надо было еще придумать.

До утреннего звона оставалось не так много времени. На востоке уже появлялась светлая кромка на горизонте, мне нужно было поторопиться перебраться через стену. При карабканье я втянула голову и пыталась быть незаметной. Но мне казалось, как будто за мной наблюдают со всех сторон.

Наверху я подняла лестницу и перекинула ее на другую сторону в сад между двумя кустами ягод, прежде чем проделать быстрым шагом оставшийся путь к главному зданию.

Клетка с птицей исчезла. Предусмотрительно я прижала ухо к двери в келью Доротеи и внимательно прислушалась, но ничего не было слышно. Поэтому я могла войти, делая вывод, что вечеринка закончилась. После моего негромкого стука прошло немало времени, пока дверь раскрылась. Заспанная Доротея выглянула наружу. Ее лицо было замазано макияжем, она не постаралась умыть лицо после праздника.

— Вот и ты, — сказала она, пока пропускала меня. — Где ты была все время?

— Ах, я забыла кое-что важное в доме, где жила до этого.

— В каком доме ты жила раньше?

— Я не знаю, — соврала я. — Он находится где-то на Гранд-канале. Но не спрашивай меня, где именно. Я не отсюда и не так хорошо ориентируюсь.

— Правильно, ты же из Рома, — она снова легла в кровать. — И ты права. Нужны недели, чтобы начать ориентироваться здесь. Но все же. Если однажды привыкнуть, не захочешь отсюда уезжать никогда, — мечтательно проговорила она в потолок. — С Альвизе никогда не бывает скучно.

Я могла подписаться под этим, не раздумывая. Нужно было каждую секунду быть начеку рядом с ним.

Я сняла обувь и заползла в свою кровать.

— Ты уже давно с ним?

Ее смущение можно было прям потрогать руками, но ее голос звучал упрямо.

— Я была очень одинока и разбита. А он выглядит таким хорошим, что каждая женщина растает рядом с ним.

Это был однозначно вопрос взглядов. Умолчим о его ужасном смехе.

— Кроме того, он всегда такой веселый, — продолжала Доротея. — Он очень помог мне во время моего траура.

Я оставила этот сомнительный аргумент без комментариев, но об одном моменте я должна была непременно напомнить.

— Он часто приходит к тебе сюда? Я имею в виду... эм, на вечеринки? — если да, мне как можно быстрее нужно найти другое место, так как я не могла прятаться от парня каждый раз. Он видел меня у Мариэтты и определенно задал бы тупые вопросы, это было слишком опасно для меня. Когда я думала о ноже у него на поясе, то становилась очень нервной.

К моему облегчению Доротея ответила:

— Нет, чаще мы встречаемся у него. Сегодня было исключение. Так скоро мы не повторим это. Было досадно, что вечеринка так быстро закончилась. Нам пришлось подкупить сестру Гиустину моим вторым шелковым платком и всеми миндальными пирожными, чтобы она пропустила мужчин к калитке. Лестница исчезла.

Я посчитала, что лучше не упоминать, что я перевесила ее на другую сторону, чтобы обеспечить себе путь назад.

— Почему же вечеринка так быстро закончилась?

— Полидоро поднял ужасный шум в галерее. — Тон Доротеи был обвинительным.

— Зачем тебе было нужно выносить бедную птичку?

— Клетка была случайно под рукой, чтобы скрыть мое лицо. Я не люблю, когда незнакомые мужчины изблизи таращат глаза на меня.

— Так Альвизе не таращил, — уверила Доротея, звуча полупримирительно. — Спокойной ночи, — наконец сказала она еще примирительной. — Сладких снов. Это она могла мне и не говорить дважды. Я так устала, что не могла пошевелить и пальцем. Я почти сразу же уснула.

Меня разбудил утренний колокольный звон, располагавшейся поблизости монастырской церкви. Мне казалось, что я проспала максимум две минуты. На самом деле, где-то два часа, что не меняло суть дела, так как все равно я не могла встать.

— Я не хочу вставать, — прокаркал Полидоро за ширмой. Мне было по душе, что говорила эта птица.

Когда я заметила, что Доротея просто лежит, я последовала ее примеру. Пока никто не пришел, чтобы сбросить нас с кроватей, не было причины никуда спешить.

Я мгновенно уснула, но покой длился не долго. Очень скоро постучались и сестра Гиустина вошла.

— Утренний молебен сейчас начнется, — сказала она.

— Я приду в обед к вечерней мессе в базилику, — пробормотала Доротея.

Гиустина неодобрительно посмотрела.

— Вы мне это постоянно говорите, но мне кажется, что вы зачастую в другую сторону направляетесь.

— Что Вас беспокоит, — проворчала Доротея. — Я здесь гость и хорошо плачу.

Вам не достаточно красивого платка с прошлой ночи? — Она остановилась. —

Хорошо. Пряжка из перламутра. Тогда до конца недели я хочу, чтобы меня оставили в покое, и выходить так часто, как мне соблаговолит. Так же и по вечерам.

Сестра Гиустина без возражений взяла пряжку, но вместо того, чтобы уйти, спросила меня:

— А что ты, дитя мое? Ты не хочешь пойти на утренний молебен, как все благочестивые женщины в этом монастыре?

— Я себя плохо чувствую, — пробормотала я.

— В молитве тебе мгновенно полегчает. — выжидательно она стояла рядом с моей кроватью.

Я уже поняла этот принцип. Сонная я уселась на кровать и пошарила в сундуке, который стоял в ногах кровати. Наконец, я нашла сумочку с монетами и достала маленькую серебряную монету, которую сестра Гиустина загребла без слов. Затем она отступила и дала нам спать дальше.

Разумеется, с обеденным колокольным звоном ночной сон окончательно прошел.

Полидоро начал каркать, и Доротея заявила, что ей нужно торопиться, так как она еще хотела купить маску к вечернему торжеству у Тревисана. Как только я это услышала, я моментально проснулась. Торжество!

Вернется ли Себастиано вовремя, чтобы расстроить убийство, запланированное Альвизе?

Кто собственно этот Тревисан, он должно быть важный человек, иначе Себастиано не прилагал бы никаких усилий, чтобы его защитить.

Вскоре я представила всевозможные мерзости: Альвизе перехитрил Себастиано и заманил обратно в будущее, дальше произошел бой на ножах и в этот раз он взял верх. Себастиано, смертельно раненный, лежал в больнице, в то время как здесь беда развивалась своим чередом.

Мои фантазии становились все более неутешительными. Это продолжалось не долго, пока я не убедилась, что жизнь Тревисана не стоила и цента. Усилия Себастиано, чтобы его спасти, были напрасны.

— Скажи-ка, а кто этот Тревисан? — спросила я Доротею, когда мы возвращались с обеда в нашу келью.

— Массимо Тревисан - очень уважаемый член Совета Десяти. Многие в нем видят следующего прокуратора. Или возможно следующего дожа*. Однако Альвизе считает, что Тревисан стремится на должность старейшины. Так зовутся самые высокопоставленные и важные советники дожа, которых осталось совсем немного.

Альвизе говорит, что у них в руках настоящая власть. Сам дож, по сути дела, мало высказывается, его должность больше как представительная. Старейшины определяют настоящую судьбу республики, они собираются большим Советом правительства и говорят дожу, что ему следует делать. — Она пришла в восторг. — Массимо Тревисан не только очень богат, но и, должно быть, хорош собой. Его торжества очень любят, пол Венеции дерется, чтобы быть приглашенными на торжество. Я нахожу милым со стороны Альвизе взять меня с собой.

(*Дожд (итал. *doge*, от лат. *dux* — «вождь, предводитель») — титул главы государства в итальянских морских республиках — Венецианской, Генуэзской и Амальфийской. Прим.перев.)

Ага. Постепенно у меня появлялось лучшее представление. Речь шла о политической борьбе за власть. Альвизе хотел сделать так, чтобы кто-то другой завладел постом правления. Возможно, сам лично.

— Альвизе тоже в политике? — спросила я.

— Не он, а его отец. Который так же в Совете Десяти, и, насколько мне известно, хотел бы стать Старейшиной.

С этим все последние неясности исчезли.

— Мне нужно идти на исповедь и потом на мессу, — сказала Доротея.

— А куда ты идешь на самом деле? — спросила я.
— Конечно же, покупать маску.
— Я с тобой, — сказала я.
— Исповедоваться? — сомневаясь, спросила она.
— Нет, за маской.
— Зачем тебе нужна маска?
— Мне нравятся маски, и я всегда хотела себе одну.

Глава 14

По правде мне хватило и одной, которая виновна во всех моих несчастьях и которая теперь покоится в моей сумке в будущем на дне Гранд-канала. Вместе с моим iPod.

— Я знаю прекрасный магазин масок, — сказала я.

— Я тоже, — ответила Доротея. — Это совсем рядом, прямо за Базиликой.

Хорошо получилось, так как мне не нужно было убеждать ее в том, чтобы она пошла туда со мной. Втайне я надеялась, что встречу там, по крайней мере, Барта и смогу провести с ним экстренную беседу.

После обеда вместе с Доротеей мы выбрались, преследуемые мечтательным взглядом парня по имени Эрнесто, который служил стражем у ворот и пономарем в Сан Закаррия. Доротея объяснила мне, что это не нормально, если девушки благородного происхождения гуляли одни. Везде в городе орудовали карманники и другой дурной сброд, а иногда торговцы рыбой учиняли такое бесчинство, когда видели особенно красивых светловолосых девушек.

— Они похищают бедные творения на свои грязные корабли и продают их в гарем восточных ужасных правителей, — поведала мне Доротея. При этом она выглядела так серьезно, что едва ли можно было воспринять это сообщение за шутку. Я и без того была уже наслышана о большом количестве ужасающих историй об османах, с которыми Венеция время от времени вела войны.

Кларисса утверждала, что они сдирают кожу с живых венецианцев, или, что почти также ужасно, они кастрировали и заставляли прислуживать евнухами. Так как я так мало знала об этом времени, я едва ли могла оценить, как много из этих рассказов было правдой, и как много только легендой. Тем не менее, я боялась этих османов, и всегда, когда видела где-либо людей в тюрбанах, обходил их другими улицами.

В то время, как я была простой прислугой, в течение дня я полностью свободно передвигалась по городу и мне это уже порядком докучало, но более состоятельные дамы, как Доротея, имели право ходить по городу только тогда, когда покроются вуалью и будут сопровождаемые мужской охраной.

Так что я гуляла, закутанная в вуаль и бодро шагающая, болтающей вздор Доротей, пока Эрнесто шагал в трех шагах позади нас, уставившись при этом на свои обутые в сабо ноги. Если бы появился османский охотник за девушками, Эрнесто просто не заметил бы этого. Доротея еще больше усилила его отсутствие несколькими монетами.

— Он получает их за то, что он не смотрит, не слышит и не говорит, — объяснила она мне.

В то время как мы были уже на расстоянии одного переулка от магазина, мимо нас прошли три человека, при виде которых я пришла в ужас и не могла больше

дышать. Это не были османы, хотя от них ужас был бы, наверное, меньше.

Доротея остановилась.

— Анна, что случилось?

Я боролась с угрожающей потерей сознания и вытаращилась, чтобы лучше рассмотреть людей. Возможно, я ошиблась, и они просто выглядят так схоже с теми людьми, которых я знаю.

Но ошибка была практически исключена. Это были супруги Генрих Тассельхоф вместе с сыном Маттиасом.

Джулиана была одета в благородную одежду из парчи и так же, как у меня, ее лицо было прикрыто шелковым покрывалом, под которым ее черты едва были видны. Но я узнала их сразу, уже только потому, что она была в сопровождении своего угрюмого мужа. Он был также помпезно одет, как и его жена, а на его боку висел меч. Но он не внушил бы никому страх при его помощи. Я начала лучше разбираться в вещах с мечами, почти все мужчины, которые считали себя таковыми, носили с собой один меч в это время. Меч был как Blackberry прошлого. Мужчины нуждались в нем, чтобы почувствовать себя важными.

Позади Генриха я заметила неповторимую, полную фигуру Маттиаса. Он шаркал ногами следом за родителями и выглядел, как будто ему нравилось находиться на пятьсот лет назад в прошлом. Благородный исторический костюм скрывал его избыточный вес также плохо, как и его тряпки в будущем.

Я пристально смотрела на него, как на явление, и ждала, что бы он заметил меня.

Когда он находился на расстоянии всего двух шагов, я открыла рот, чтобы обратить его внимание на себя. "Маттиас, что ты здесь делаешь?" — хотела я закричать, но вышло только невнятное карканье.

Доротея нагнулась ко мне.

— Анна? Платье слишком узко? Или это из-за солнца?

Тассельхоф тем временем прошли мимо нас, даже не удостоив меня взглядом.

Конечно, на мне было покрывало, как они должны были узнать меня? Поспешно я стянула его с лица, но семья Тассельхоф уже завернула за угол. Непосредственно перед тем, как они пропали из вида, я слышала, как Джулиана сказала Генриху:

— С новым платьем и новой маской я произведу впечатление на празднике у Тревисана.

Наконец, я снова взяла себя в руки. Я вырвалась из рук Доротеи и побежала за Тасельхофами. Они стояли у следующего причала и собирались сесть в гондолу.

Спонтанно я положила руку на плечо Маттиаса.

— Маттиас! — крикнула я.

Это значит, я хотела это выкрикнуть. Но вырвалось "Маттео."

— Маттиас Тассельхоф, — попыталась я снова, но вместо этого сказала "Маттео Тассини."

— Да? — он посмотрел он удивленно. — Мы знакомы?

— Ну конечно! — я уверенно посмотрела на него. — Я — Анна! Мы покупали вместе маску! И сели в красную гондолу!

Он нахмурил лоб.

— Извини, девочка, но я не помню тебя, чтобы видел тебя раньше.

— Чего хочет от тебя девушка? — Джулиана Тассельхоф повернулась и сверлила меня взглядом. — Следи за своим бумажником, Маттео.

— Да, мама, — послушно сказал Маттео.

Я была возмущена. Что они скрывают? И почему Тассельхоф так поступали, как будто не узнали меня?

Одновременно с этим отчаяние одолело меня, так как я поняла, что они действительно не знали меня. Такое равнодушное незнание не смогла бы сыграть такая бесталанная, как Джулиана Тассельхоф. А Маттиас выглядел запутанным, как кто-то, кто никогда раньше не видел меня.

Генрих выглядел удивлённым, он не имел ни малейшего понятия, что здесь происходило.

— Вероятно, девушке не хватает солнца, — сказал он.

— Но мы все познакомились в ночлежке! — крикнула я. Собственно, я хотела сказать отель, но это не играло никакой роли, так как все трое посмотрели на меня, как будто я больше не была такой телесной.

Очевидно, они все вместе потеряли память.

Я боролась со словами, чтобы объяснить им, кем я была и откуда они меня знали, но Доротея следовала за мной и встала рядом со мной, так что барьер мешал мне в том, чтобы я сказала о путешествии во времени. Но даже если бы Доротеи не было, наверное, ничего бы не вышло. Тассельхоф не только вернулись во времени, но и превратились в людей из прошлого.

Они превратились в дворянскую семью из пятнадцатого столетия и вели себя так, как будто они всегда жили здесь. Высокомерно Джулиана позволила Генриху помочь ей сесть в гондолу, и Маттиас медленно последовал за ней. В то время, пока он неловко опускался на скамейку, он украдкой посмотрел на меня.

Преисполненная надежды я искала в его глазах признаки узнавания, но его лицо не выражало ничего, кроме замешательства.

Лодочник оттолкнул гондолу от ступеней причала и вытащил весло из воды.

Несколько позже лодка исчезла, включая Тассельхоф, за следующим изгибом канала.

— Ты знаешь этих людей? — Доротея нервно смотрела на меня со стороны.

— О, это была обычная путаница. Я думала, что уже встречалась с ними. В... Риме.

— Ранее я слышала, как они говорят, что тоже хотят отправиться на праздник, — сопела Доротея, преисполненная презрения. — Надутая баба. Мы должны уделить больше внимания покупке наших масок, чтобы выбрать другие модели.

Я все еще была опустошена этой неожиданной встречей и не могла поймать ни одну ясную мысль. Рассеяно я последовала за Доротеей к магазину масок и пришла в себя, когда вошла в магазин следом за ней, и оказалась там внезапно с глазу на глаз с Бартом.

— Ты здесь, — заикалась я от облегчения.

Барт не выглядел особенно радостным, скорее так, как будто только что откусил лимон.

— Еще кто-то, кого ты знаешь из Рима? — озабоченно спросила Доротея.

— Нет, мы действительно знакомы, — сказала я.

— Что ты хочешь здесь? — спросил Барт.

— О-о, звучит не очень дружелюбно, — комментировала Доротея. — Ты действительно уверена, что знаешь парня?

— Мне нужно поговорить с тобой, — настойчиво сказала я Барту.

— Ты должна была уже начать понимать, что я не могу продолжать тебе помогать.
— Когда они говорят такие вещи, женщина должна хорошо подумать, не стоит ли ей переключиться на кого-то другого, — объясняла Доротея.

Барт бросил на нее рассерженный взгляд, но она равнодушно отвернулась и начала обшаривать полку за полкой у стены в поиске масок и костюмов.

Позади нее что-то двигалось, фигура прошмыгнула мимо и я застыла. Речь шла о той же старой женщине, которая продала мне в будущем маску кошки. Безмолвно я смотрела, как она исчезла в задней комнате. Инстинктивно мне захотелось последовать за ней, но Барт поймал меня за руку и потащил меня через дверь магазина наружу.

— Старая женщина, — выпалила я, когда мы были в переулке. — Она та самая, которая... — мой голос остановился, так как я не знала, как сказать следующее, но Эрнесто стоял всего в нескольких шагах и тем самым устанавливал барьер. Я вытащила одну монету из кошелька и попросила его выйти за пределы слышимости, что он охотно сделал.

— Я знаю эту старую женщину, — прошептала я. — Из моего времени. Что она тут делает?

Барт пожал плечами. Густой кустарник на его лице снова вырос. Трудно было догадаться, что под этими волосатыми зарослями скрывался еще недавно чисто выбритый, хорошо выглядящий тип. От этого я пришла к выводу, что он еще не видел Клариссу. Если он для кого-то и приводил себя в порядок, то для нее. Я собралась снова зайти в магазин. Барт удержал меня за плечо.

— Что у тебя на уме?

— Найти старуху. Она мне определенно сможет все объяснить. И сказать, как вернуться назад.

— Ты должна уже знать, что тебе нужно выполнить одно задание.

Я скептически смотрела на него.

— Ты уже слышал, что мне не удалось вернуться? И про маску кошки?

Он неприятно кивнул.

— С кем ты говорил об этом? С Себастиано?

— Нет.

— Тогда с кем? С испанским гондольером Хосе как его там?

Барт покачал головой. Меня чрезмерно злило, что из него нужно было вытягивать каждое слово, особенно, потому что кроме Себастиано и Хосе не было больше вариантов, по крайней мере, таких, о которых бы я знала.

— Может, ты мне просто скажешь!

— Это была я, — прозвучал хриплый голос сверху. На втором этаже открылось окно, и старуха смотрела вниз. — Юноша прав, он тебе не может помочь. Он всего лишь посыльный, никакой не защитник или сторож.

Это было сказано изборожденным морщинами лицом.

— Подождите, — отчаянно закричала я. — Мне нужно срочно поговорить с Себастиано! Когда он снова придет?

— Не вопи, лучше действуй, — подчеркнула та сверху. — Возьми это и иди на праздник. — Сверху что-то полетело вниз, и я по инерции отпрыгнула в сторону, чтобы на меня это не упало. Но старушка ничего мне не сбросила, кроме какого-то предмета из окна. Я вытянула руки и поймала его, прежде, чем он мог коснуться

мостовой. Даже не смотря на этот предмет, я знала, о чем идет речь. Это была кошачья маска.

Окно снова закрылось, и Барт пояснил мне, что я могу кричать сколько душе угодно, но старушка больше не появится.

Я и не собиралась кричать, так как у меня в голове была полная неразбериха.

Безмолвно я уставилась на маску кошки и спрашивала саму себя, была ли это та же самая маска, которую я купила в будущем. Для меня она выглядела так же, как и та, с прекрасной жемчужной вышивкой у отверстия для рта и глаз и нежными усами из золотой проволоки. Тепло и мягко она лежала в моих руках, точно как в первый раз, и было такое чувство, как будто внутренний голос нашептывал мне, что я должна надеть ее и позволить себе удивиться тому, что после этого произойдет.

Затем внезапно я вернулась назад в реальность. О маске можно подумать и потом.

Слишком много вопросов надо задать! Все равно, что Барт только слуга или кто-нибудь еще. Я должна пробить его защиту, чтобы узнать, что же здесь происходит.

— Я хочу заключить с тобой договор, — сказала я. — Если ты мне расскажешь все, что ты знаешь, я попробую уговорить Клариссу встретиться с тобой.

Он ошеломленно посмотрел на меня. По всей вероятности он принимал в расчет все, что угодно, только не договор.

— Она действительно могла бы немного измениться, — сказала я. — А то, что она тебе нравится, это я уже заметила.

У Барта было злое лицо, но я заметила также покраснение на его щеках.

— Что ты от меня хочешь? — спросил он.

Его голос был довольно грубым, но я это просто проигнорировала.

— Старая женщина, как ее зовут?

— Едва ли тебе это пригодится, но пожалуйста. Я знаю ее как Монну Эспераса.

Это действительно много мне не дало, но я решила, что знать имя — намного лучше, чем вообще ничего не знать о человеке.

— Больше я ничего не могу рассказать тебе о ней, — продолжил Барт, прежде чем я успела спросить что-либо еще о старушке. — Я исполняю ее поручения. Или помогаю в магазине.

— Она... Занимается тем же, что и Себастиано?

Барт только пожал плечами. В конце концов, его неразговорчивость медленно возвращалась обратно.

— Что она имела в виду, когда говорила, что я должно действовать? — обдумывала я вслух. — И что мне надо делать на празднике? Я имею в виду, кроме того, что я должна туда пойти.

Снова пожатие плечами. Я покрутила в руках маску и затронула следующую важную тему.

— Когда я пришла в себя, ты забыл упомянуть некоторые мелочи. Например, что я прибыла сюда не одна.

В этот раз он как будто проснулся.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Да ладно тебе! — изнуренно сказала я. — Люди, которые сели со мной в гондолу, были прямо здесь и покупали маску. Собственно говоря, они должны были бы меня узнать, но они как будто подверглись "промыванию мозгов".

Он вздохнул.

— Никто ничего им не промывал. Но все, кто сюда прибывает, ведет себя так, как эти люди. Они не знают, где и кем они были прежде. Они одеваются, идут домой и живут так, как всегда.

— Минуточку, — недоверчиво сказала я. — Что ты имеешь в виду, идут домой? Родной дом, который у них есть здесь?

Барт кивнул.

— Со всем, что к этому относится. Дом, деньги, работа, иногда даже прислуга и даже семья. Это появляется тут, как из ничего и кажется, как будто всегда здесь было, так же как и люди. Никто не замечает изменения, даже я, кто знает об этом. Я вытаращилась на него. Или он — бесподобный лгун, или он говорил правду. Временно я решила ему доверять, так как он пока не воспроизводил на меня какого-то необычного впечатления. Тщательно подумав, я наконец выстроила логические связи. Когда я очнулась в прошлом, я услышала историю о разбойниках, которой он меня угостил, которую он знал наизусть, как будто он ее уже сотни раз рассказывал. К примеру, Тассельхофы, которые, по-видимому, пришли в себя раньше и затем не обременённые никакими воспоминаниями об будущем, ушли оттуда, прямо в новую жизнь, которая возникла из ничего и которая ожидала их.

— Кого Себастиано еще притащил, кроме меня и Тассинисов? — хотела я узнать. Конечно, я пыталась сказать Тассельхофов, но из этого ничего не вышло.

— В целом, дюжина максимум.

— И ты каждый раз стоишь с готовым запасом одежды? И с историей о разбойниках? И ты всех спрашиваешь, где они живут и как их зовут, прежде, чем им будет позволено пойти домой?

— Это своеобразная мера предосторожности, чтобы нам знать о ком идет речь и какие роли по возможности еще играют.

— Конечно, иначе вы потеряете контроль над ситуацией.

— Нет, никакого повода для смеха. Эта работа более высокой силы, все имеет свой смысл и имеет свою цель, даже, когда мы ее не знаем.

— Ты думаешь, эти люди якобы переехали в прошлую жизнь и в этом есть что-то хорошее?

— Это известно только Богу одному.

Я заметила, что не продвигаюсь дальше, и сменила тему.

— Где живут Тассельхоф? — спросила я.

— Ты для них — незнакомка, — предупредил Барт. — Любая попытка напомнить о себе, только вызовет еще больше негатива.

— Не переживай, я сдержусь. Я только хочу знать это, так как меня интересует их судьба.

— Они живут в доме на Кампо де Мори, но скоро они переезжают в новый палаццо на Гранд-канале, недалеко от Риалто. Это не секрет, так как они рассказывают об этом всем вокруг. Строительные работы уже начались.

Что-то внутри меня звякнуло, когда я услышала об этом, но могла думать только о том, как невыносимо и по снобистски вела себя Джулиана Тассельхоф. Как будто она уже тогда в будущем знала, чтобы будет гордой владелицей Палаццо в лучшем районе Венеции в прошлом. Была. Ах, проклятие, в этой неразберихе нельзя было даже разглядеть правильный темп.

— Ты тоже пойдешь на праздник? — спросила я.

Он сердито кивнул.

— Монна Эсперанса хочет, чтобы я пошел.

— Возможно, тебе стоит перед праздником побриться, — посоветовала я. — Потому что я, собственно, хочу спросить Клариссу, придет ли она тоже на праздник.

— Зачем?

Я засмеялась.

— Это был наш уговор, забыл что ли? Конечно, я не гарантирую, что она действительно придет, до праздника осталось мало времени. Но я сейчас пойду прямо к ней и спрошу ее, в настроении ли она, пойти туда со мной.

Этим, по-видимому, я расположила его к себе, так как он, в самом деле, улыбнулся в ответ. Только слегка и только уголками рта, но так как он всегда вел себя, как последний нытик, это было значительным продвижением.

Доротея вышла из магазина, размахивая полумаской.

— Я нашла ее! — высокомерно объяснила она Барту. — Ты вообще смыслишь что-нибудь в покупках, слуга?

Улыбка исчезла.

— Если это необходимо, — угрюмо ответил Барт.

Послушно он направился за Доротеей назад в магазин, чтобы продать ей выбранную маску.

Я осталась в переулке и посмотрела вверх на фасад здания. Возможно, старая Эсперанса все еще смотрела на меня сверху. Но ее невозможно было увидеть, да и окно было закрыто.

Глава 15

Доротея была в приподнятом настроении, потому что нашла очень красивую маску. Она пояснила, что не хочет портить свое хорошее настроение, возвращаясь обратно в монастырь. Вместо этого она хотела заглянуть к одной хорошей знакомой, которая случайно жила поблизости.

— Очень кстати, — сказала я. — Тогда я могу тоже пока что навестить хорошую знакомую.

Ее хорошая знакомая была, вероятно, никем другим, как Альвизе, в то время как моя была Кларисса. Я хотела, чтобы она непременно была рядом на торжестве. Не только, чтобы сделать ей и Барту одолжение, а потому что это мне давало моральную и другую защиту. Четыре глаза видят больше, чем два. На глаза Доротеи я не могла рассчитывать, к тому же которые имели тенденцию задерживаться на каждом зеркале. Несмотря на то, что ее любовнику я не доверяла ни на йоту.

Как только я увидела знакомые кирпичные дома в кривых узких переулках, я почувствовала что-то родное, домашнее. Я ждала с нетерпением снова увидеть Клариссу и при случае поздороваться с Матильдой и Якопо. Я бы не отказалась и от порции пшенной каши, только ради того чтобы посидеть с ними за одним столом.

В торговой лавке за прилавком стояла как обычно во властной позе Матильда. Она уронила мешочки с травами, когда меня увидела. Ее рот открылся от удивления, но речь не пропала.

— Какая из вас светская дама вышла, а? — крикнула она.

Две покупательницы, которые стояли в лавке, с любопытством меня разглядывали. Я их часто встречала, когда ходила за водой, поэтому они также заметили, что я намного лучше была одета, чем на прошлой неделе.

— Если ты сюда приползешь, потому что ты снова хочешь получить место временной работы, тебе скажут одно: только человек большой мудрости и доброты стал бы вообще об этом думать.

— Так я собственно хотела..

— И если бы я была этим человеком, я бы могла принять решение, возможно, еще раз смиловаться и снова тебя взять. При условии, что ты очень сожалеешь о своем непростительном исчезновении. — Она указала на метлу в углу. — Нужно срочно подмести, ты можешь тотчас приступить.

Из кухни пахло чем-то подгоревшим и послышалось побрякивание, как будто что-то упало на пол. В следующую минуту пришла в лавку Кларисса в фартуке в пятна, румяными щеками и растрепанными волосами.

— Анна! — закричала она. Не обращая внимания на присутствующих женщин, она упала мне в объятия и обняла меня. Я крепко обняла ее и поняла, как сильно я по ней соскучилась, хотя я отлучилась отсюда всего лишь на два дня.

— Ты снова здесь! — пробормотала она в мои волосы.

— На самом деле я никуда и не пропадала, — тихо ответила я.

Она немного оттолкнула меня обеими руками и посмотрела мне в глаза. Затем потащила меня к кухонной двери.

— Пойдем туда, там мы можем поговорить.

— Здесь нужно подмести! — крикнула следом Матильда, но это не звучало слишком гневно.

Ну, кухне за столом сидел Якопо и вырезал новую фигурку святого. Как только он меня увидел, у него на лице появилась улыбка до ушей.

— Ну и ну, маленькое солнышко! Какое сияние в нашей лачуге!

Я любовалась резными изделиями, статуэткой святой Маргариты, в то время как Кларисса сняла с огня чадающую кастрюлю и поставила на буфет.

— Все равно сгорело, — сказала она.

— Что должно было выйти?

— Одно блюдо, которое мы еще никогда не пробовали, — лаконично ответила она, прежде чем она толкнула заднюю дверь. — Рыба в пряных травах. Я допустила ошибку, предполагая, что мы могли бы приготовить что-нибудь другое, кроме пасты или манной каши или комковатого овощного рагу.

Я вспомнила изысканную еду, которой я наслаждалась у Мариэтты, и у меня сразу стало нечисто на совести.

— Знаешь, самому не удастся сразу готовить, этому нужно учиться. — Это была прописная истина, которую я узнала от моей бабушки. — И если никто не мог показать, тогда и нельзя было научиться.

Кларисса вздохнула.

— Как же ты права. Матильда хорошо разбирается в траволечении, но у плиты она никуда не годится. Следовательно, это относится и ко мне. Время от времени я пытаюсь, но ничего толкового из этого не выходит. Я действительно не гурман и к этому должна была привыкнуть за последние пять лет. Но время от времени невольно вспоминается об изысканной кухне.

Обеспокоенно я оглядела ее худую фигуру. Мне показалось, словно за эти пару дней, пока меня не было, она потеряла в весе, хотя и не должна была ничуть прибавить. Со времени моего ухода она снова должна была работать за двоих, вероятно в этом-то и дело.

Пришло время для нее получить возможность хорошо развлечься. И налопаться до отвала деликатесов на празднике у этого Тревисана. Доротея мне уже рассказала о том, что подается на праздниках у богатых патрициев. Если бы только половина того соответствовала правде, гостям понадобились бы часы, что бы рассмотреть всю еду.

Мы усадились на две пустые бочки лицом к солнцу. Тишина послеобеденного времени заполнила внутренний двор, ничего не было слышно кроме гудения мух, которые, как обычно при хорошей погоде, кружили над уборной. Воняло помойной ямой, но это было сносно, потому что свежий запах лекарственных трав из мастерской перебивал вонь.

Кларисса, наконец, нарушила тишину.

— Что пошло не так при твоём возвращении?

— Себастиано и я сели в красную гондолу. Этот старый гребец, Хосе, тоже там был. Затем был свет и треск, такие же, как и при первом путешествии, и я сразу потеряла сознание, как и в первый раз. Но ничего не вышло. Когда я пришла в себя, я лежала в том же самом переулке, как и при последнем полнолунии, и Себастиано сидел рядом со мной.

— Куда он тебя потом завел?

Я чувствовала, что краснею.

— В дом куртизанок. — Спешно добавив: — Всего на одну ночь, все было очень серьезно, у меня была комната только для меня одной.

— Это был дом Мариэтты?

Я кивнула головой в изумлении.

— Ты ее знаешь?

— Мы пересекались. — Она звучала, как будто больше не хотела об этом говорить.

— Что произошло дальше?

— Себастиано вчера отвел меня в монастырь Сан Закария.

— Сан Закария! — Кларисса недоверчиво рассмеялась. — Только все лучшее для тебя?

— Мне очень жаль, если ты ...

— Ах, ладно, — смирившись, перебила она меня. — Я просто завидую, вот и все. Я внимательно посмотрела на нее.

— Кларисса, ты мне ничего не хочешь наконец-таки рассказать, что происходит? Она напряглась.

— К чему ты клонишь?

— Ты что-то еще от меня скрываешь!

— Не знаю, о чем ты.

— Я знаю, что значит, к примеру: разве я недостаточно поплатилась? Достаточно за что?

Она сжала губы, затем глаза наполнились слезами, и она опустила голову.

— Если ты узнаешь всю правду, ты возненавидишь меня.

— Конечно же, нет! Просто попытайся и все мне расскажи.

Она упрямо покачала головой и уставилась в пол.

— Кларисса, тебе станет легче, рассказав об этом! Помогает, когда можешь выговорить отягчающие сердце вещи.

Она вздохнула.

— Хорошо. Ты все равно не успокоишься, пока не узнаешь. Я совершила тяжелую ошибку, за которую я должна теперь платить, застряв здесь и гну спину, как самая простая служанка. Убегать от этого изгнания было бесполезно, так как тогда они бы не отправили меня обратно в мое время.

Я испугалась этих мрачных слов, но почти ничего поняла. Все звучало загадочно, но я была полна решения, пролить свет на эту темноту.

— Кто "они"?

— Ну, Старцы.

— Какие Старцы?

— Те, которые все контролируют и отдают приказы.

— Кто эти Старцы? — Я остановилась и сразу же разобралась. — Подожди. Их случайно не зовут Монна Эсперанса и Хосе какой-то там?

— Хосе Маринеро де ла Эмбаркасьон, гондольер. Да, эти двое Старцев. Их слово - закон, их приказы должны быть исполнены, иначе тебя страшно накажут.

Я подумала о маске, которая торчала из кармана моего пиджака. Возьми ее и иди на праздник.

— Есть еще другие Старцы? — осведомилась я.

Она пожала плечами, как будто сама по-настоящему не знала.

— Тогда какой приказ ты нарушила? — поинтересовалась я.

— Ах, собственно, это было просто глупое упущение. — Она снова вздохнула, так глубоко, словно несла ношу всего мира на своих плечах. — Для этого мне нужно вернуться немного назад. Когда я прибыла в это время, я должна была первым делом, точно как и ты, при следующем новолунии вернуться обратно. Ничего не вышло, как и у тебя. Затем выяснилось, что я должна выполнить какое-то задание.

— Задание? — обеспокоенно переспросила я.

Она кивнула.

— Потом мне объяснили, что мне было предопределено предотвратить какое-то событие, которое имело бы негативное влияние на будущее.

Мне это казалось очень знакомым.

— Тебе объяснили? Кто же?

— Человек, который тогда достал меня из канала и затянул в красную гондолу.

— Я его знаю?

— Нет, он уже давно исчез.

— Вероятно, у тебя была маска с собой, когда ты упала в воду? — взволнованно спросила я.

Кларисса сморщила лоб и задумалась.

— Теперь, когда ты меня спрашиваешь... Точно. У меня действительно была маска в моей дамской сумочке, так как она не подошла к моему головному убору с клеткой для птицы.

— Это была маска кошки? — воскликнула я.

— Да, поэтому я ее не надела. Кошка и птица, ты уже знаешь. Это просто не вяжется. Откуда ты знаешь, что это была за маска?

— Я объясню тебе попозже. Где она теперь? Она от той старушки?

— Совершенно верно, — изумленно ответила Кларисса.

— Ты, по сути дела, когда-нибудь видела эту Монну Эсперансу?

— Нет, я только слышала их имена. До настоящего момента я только видела испанского гондольера. Почему ты меня все это спрашиваешь?

— Да просто. И какое событие ты должна была предотвратить?

— Да, чтоб я знала! — ответила Кларисса. — Мне никто не сказал. Я была возмущена.

— Но как тебя можно наказать за что-то, о чем ты вообще ничего не знала?!

Подавленная она пожала плечами.

— Не спрашивай меня. Я только знаю, что должна была идти на какой-то важный праздник, но я этого не сделала, так как у меня была мигрень.

— Ох, — сказала я. Мои мысли перевернулись, так как тогдашняя ситуация Кларисса очень походила на мою. Не хватало только мне получить мигрень и тогда я буду наказана на всю свою жизнь и буду вынуждена остаться в этом времени без души и дезодоранта.

— Так значит, на том празднике должно было что-то произойти, что ты должна была предотвратить? — спросила я.

Она пожала плечами.

— Без понятия, может там, а может - нет. Мне никто об этом ничего не говорил. Мне только сообщили, что это была большая ошибка, что я туда не пошла. Вне всякого сомнения, нужно было непременно попасть на праздник, чего бы это мне не стоило.

Я предотвращу то событие, о котором идет речь, и затем, наконец, смогу вернуться домой. Хорошо, что я не склонна к головным болям!

Я затаила дыхание.

— Я на самом деле рада, что мы об этом поговорили.

— Почему?

— Потому что именно сегодня вечером я должна быть на торжестве. И я хотела тебя попросить пойти со мной.

Кларисса сказала, что ничего не выйдет. Даже если она сама хотела бы пойти, это было бы невозможно, так как ей нечего надеть.

— Это вовсе не проблема, — ответила я. — У меня есть целый сундук платьев, там найдется и одно для тебя. Возможно, они немного велики, но можно просто потуже зашнуровать верхнюю часть.

— Матильда не позволит.

— Отчего же? Ты гнешь спину с утра до ночи каждый день. Почему тебе нельзя один раз немного повеселиться? Наконец, ты туда идешь не одна. Я буду в качестве твоей компаньонки.

— Ты девушка и тебе лишь 17, это не считается.

— Бартоломео идет с нами, о мужской защите также уже позаботились.

— Ах, — сказала Кларисса.

— И Монна Доротей также с нами. — Мне не составило труда подобрать необходимые аргументы. — Она почтенная овдовевшая дама, проживающая в Сан Закарии со мной в одной комнатке.

То же самое я рассказала Матильде, как только я ее спросила, можно ли Клариссе

со мной и Монной Доротеей пойти на праздник к месье Тревисану.

Матильда сразу же заявила, что об этом не может быть и речи, на что я ей предложила, что я до своего окончательного отъезда буду ежедневно приходиться убирать с девяти утра до вечера.

— Куда же ты едешь и когда? — поинтересовалась она.

— В ... Рим. Между делом я узнала, что у меня там есть двоюродная сестра. И отъезжаю я через двенадцать дней. — В любом случае я надеялась, что это произойдет, потому что это было новолуние.

Матильда выглядела не убежденной.

— Уже пять лет я несу ответственность за это дерзкое, никчемное создание. Никто не может меня упрекнуть, что я не принимаю всерьез мои обязанности, будучи хозяйкой. О торжествах богачей ничего хорошего не услышишь. Там царит необузданная жажда развлечений и безнравственность. Это не место для приличных юных дам.

Позади раздался хриплый кашель.

— Пусть идет. — Сказал Якопо. Он встал из-за стола и вошел хромя в лавку. — Она молода и должна время от времени развлекаться. Постоянно сидя с нами, заскучаешь до смерти. Она заслужила немного повеселиться.

Матильда ошеломленно повернулась к нему.

— Ты услышал, о чем мы говорили? Что же случилось с твоими ушами?

— В некоторые дни я слышу лучше, чем обычно, — утвердил Якопо. — Это все ветер. Когда я сегодня был на площади, он дул особенно сильно.

Матильда еще немного побурчала, потом, к нашему облегчению, дала свое согласие, чтоб Кларисса пошла на праздник, но, разумеется, с условием, что уже к полночи она должна быть дома.

У Якопо тоже был свод нотаций относительно манеры поведения для Клариссы, которые он ей сообщил на кухне с глазу на глаз, в то время как я тщательно выметала помещение магазина под пристальным наблюдением Матильды.

Сразу после этого мы вырвались-таки в церковь Сан Заккариа, где мы должны были еще переодеться. Я ожидала, что Кларисса должна была быть в большом восторге, но вместо этого она была больше скептически настроена, чем в радостном настроении. После всего, что она о себе рассказывала, раньше она была настоящей королевой вечеринок, она должна быть радостной, снова выйти в люди и конечно веселиться. Но она как-то странно ушла в себя и выглядела так, будто лучше бы всего она никуда не пошла.

По дороге в монастырь я пыталась узнать, знает ли она путешествующих во времени, которые, как и Тассельхофы, очутились здесь безо всяких воспоминаний о будущем, но многого об этом она не знала. Она только слышала, что время от времени прибывают люди из другого времени, но из них она никого не знала, за исключением меня.

— Все это становится с каждым разом таинственнее, — сказала я. — Как только Себастиано появится в следующий раз, я настою на том, чтобы он мне все объяснил. И в случае, если Хосе и Монна Эсперанса мне снова повстречаются, я их также расспрошу. Я считаю, что это неправильно, что человека тащат в незнакомое время и затем оставляют в полной неизвестности касательно важных вещей. Это невыносимо мариноваться здесь пять лет без явных причин!

Я ожидала, что Кларисса поддержит мое возмущение, но она только смотрела перед собой безо всяких мыслей.

У ворот монастыря нас встретила сестра Гиустина и тут же высказала негодование по поводу того, что я привела незарегистрированного гостя, на что понадобилась еще одна монета из моего кошелька, чтобы Клариссу пропустили.

— Только никакой громкой музыки и никаких мужчин в комнате, — крикнула она нам вдогонку.

В нашей с Доротеей комнате стоял оглушающий крик попугая.

— Моя красавица, моя красавица! — трещал Полидоро. Он качался туда-сюда на своем шесте и осматривал Доротее, которая сидела на табуретке у зеркала и наносила на себя толстый слой военной окраски.

— А, а вот и ты, — сказала она через плечо. — Ты привела с собой гостя!

— Это моя подруга Кларисса, — объяснила я. — Она тоже пойдет на праздник. И я, собственно говоря, тоже.

— О, это замечательно! — Доротея не могла оторваться от зеркала. — В таком случае я не останусь одна, когда Альвизе придется говорить о своих скучных делах.

— Альвизе? — спросила Кларисса.

— Альвизе Малипьеро, — пояснила Доротея. — Мой знакомый.

На какой-то момент мне показалось, что Кларисса испугалась, но потом Доротея отвлекла меня тем, что вскочила и открыла настежь наши сундуки с одеждой. Она настаивала, чтобы Кларисса и я примерили всевозможные вещи, причем ей было все равно, кому они принадлежали. Я случайно заметила, что она одолжила пару моих шелковых чулок и при более близком рассмотрении я узнала, что она также нацепила ленту для волос, которая еще утром лежала в моем сундуке. Взамен она великодушно одолжила Клариссе свои красные туфли и брошь из слоновой кости и настаивала на том, чтобы я накинула ее новый желтый шелковый платок.

Последующий час мы потратили на то, чтобы сделать себя красивыми к празднику.

Кларисса надела красное шелковое платье, которое запаковала мне в сундук

Мариэтта, а я - голубое, которое накануне так сильно понравилось мне. Глядя в зеркало, я заметила, что оно было такого же цвета, как и мои глаза.

Полидоро не скупился на громкие комплименты, пока, в конце концов, не пришла Орсола из соседней комнаты и не пожаловалась на крик, чтобы Доротея набросила на клетку полотно. В свою очередь, Орсола согласилась одолжить Клариссе маску.

Пока мы наряжались и одновременно причесывались и красились косметикой

Доротее, у нас поднялось настроение. Мы рассказывали всевозможные веселые

истории о наших первых попытках использования косметики, в то время как

интергаллактический переводчик изменял такие слова, как тушь, подводка и

румяна на черную краску, свинцовые белила и красную краску для щек, что меня

заставляло хихикать и помогало больше не думать о волнении. Ни о Малипьеро и

так же ни о том, что я должна предотвратить важное событие, не зная какое.

В конце концов, до этого было еще далеко. Раздался звон к вечерней молитве,

который означал, что нам потихоньку нужно было отправляться в путь. Прежде чем

мы двинулись в путь, Кларисса достала из своей сумочки маленький стеклянный

флакон и слегка смочила внутреннюю сторону запястья парфюмированным маслом.

Открылся дурманящий аромат.

— Божественно! — нюхнула Доротея. — Что это?

—Это мое собственное творение, — сказала Кларисса. — Смесь запаха олеандры и тубероз с ароматом гвоздики. Возможно, ты сможешь взять с собой немного запаса, когда отправишься назад в Неаполь.

Из-под покрывала, которым Доротея накрыла клетку, протестующе затрещал Полидоро.

—Я не хочу назад в Неаполь.

—Спи дальше, мой верный друг, — сказала Доротея. — Мы все еще в Венеции и, до того, как мы покинем этот город, еще многое может случиться.

Мои опасения, что нас не впустят, тут же растворились в воздухе. Когда мы сошли с наемной гондолы у громадного палаццо Патриция Тревисана, нас тут же встретили нарядные слуги, которым Доротея заносчиво объяснила, что она Костесса Доротея и здесь находится по приглашению Альвизе Малипьеро и две девушки в ее сопровождении — ее придворные дамы.

Служители проглотили наживку без возражений и проводили нас к боковому входу здания. Там стояли следующие служители, которые провели нас по лестнице наверх на второй этаж, в бельэтаж, великолепный верхний этаж с большим залом. Только в данном случае зал был не просто большим, а гигантским. Вообще здесь все на порядок больше, чем в палаццо Мариэтты. Галерея, которая вела от лестницы к галерее, была мощнее, выше, с тяжелым арочным сводом, в котором было слышно, как его шаги эхом отзывались от зеркально-чистого пола.

Затем моим глазам открывается вид на большой зал, и единственное, о чем я смогла подумать: "Вау!"

На первый взгляд он производил впечатление неизмеримого великолепия. На стенах горели бесчисленное количество свечей в сверкающих, хрустальных канделябрах. Их свет отражался в тысяче зеркал, которые в увесистых, золотых рамах выглядели так, как будто были сделаны для королевского замка. Сравнение не было преувеличением. Мой отец рассказывал мне, какими зажиточными были некоторые древние венецианские семьи Патриции, буквально так же богаты, как короли.

Гул голосов резонировал нам навстречу, но в помещении было меньше людей, чем я ожидала. Собственно говоря, мы были одни из первых посетителей, как я заметила, немного осмотревшись. Тут и там толпились маленькие группы людей и разговаривали, можно было уже сейчас предвидеть настроение вечеринки, но окончательный пик был еще далеко. В противоположном углу галереи настраивали инструменты музыканты. Я узнала флейту и что-то вроде спинета, а также штурковина, которая выглядела, как печальная скрипка, но там также были два или три других, которые я еще никогда не видела.

— Мы слишком рано, — прошипела мне Кларисса. Вместе со мной и Доротеей она остановилась у портика и недоверчиво огляделась.

— Однако нам повезло, что мы смогли войти, — прошептала я в ответ. — Доротея отлично придумала выдать нас за своих придворных дам.

— Только при дворе есть придворные дамы, — сказала Кларисса. — В Венеции такого нет.

— Ну, все же. Во всяком случае, они ей поверили.

— Они не поверили ни единому ее слову, а приняли ее за ту, кем она является.

— Вдова? — удивленно спросила я.

— Она выглядит, как вдова? А мы выглядим, как две достойные уважения придворные дамы?

Она указала на зеркало, которое висело на стене в нескольких шагах от нас. В нем нас можно было рассмотреть наилучшим образом. Я посмотрела на нас, и мне пришлось сглотнуть. Кларисса была права. Доротея вовсе не была похожа на вдову, и точно не на ту, что скорбит. Недавно овдовевшая дама не носила ослепительно серебряную полумаску, платье карамельного цвета с вырезом, из которого выскакивала грудь. И что касалось прически, она явно не была характерной для вдовы. Многочисленные локоны Доротеи были заколоты вверх в форме башни, в которой даже мог поселиться Полидору.

Что касалось меня и Клариссы, мы выглядели немного приличнее, что, однако, зависело от того, что мы не использовали много косметики и были не так заметно причесаны. Кларисса вплела шелковые ленты во что-то вроде венца из косы и выпустила несколько локонов, что придавало ее нежному лицу прелестное выражение. У меня были блестящие, распущенные, зачесанные назад волосы, которые были заколоты двумя пряжками на висках, прическа, с которой я могла бы пойти и в школу.

Единственное, что я не выглядела в этом платье, как школьница. В монастыре я не этого заметила, так как зеркало Доротеи было маленьким. В этом королевском зеркале моя фигура красовалась во весь рост. Лучше всего было видно ту часть, по которой было легко понять, о чем говорила Кларисса. Мой вырез был невероятно глубоким, хотя в монастыре он мне казался вполне приемлемым. Но тогда я смотрела на себя сверху вниз на чудесное сверкание синего шелка, а не на оголенную кожу.

Рассмотрев себя в большом зеркале, расположенном в двух метрах, я получила неожиданно совершенно другое визуальное впечатление. Платье, или даже я в платье выглядела по праву запретно, с туго перевязанной верхней частью и выскакивающей грудью. Где же этот чертов желтый платок? Ах, да, все верно, я его отдала лакею, который принимал накидки и жакеты гостей.

Я скорее выпустила парочку прядей на обнаженную часть, в надежде, что будет меньше бросаться в глаза.

Кроме того, я утешала себя тем, что меня здесь никто не знал, и, наконец, я пришла издалека.

И я была в маске! В маске кошки я чувствовала себя хорошо. На самом деле, мне показалось, как будто это была та же, которую я купила в будущем, потому что она сидела так идеально на моем лице, словно была моей второй кожей.

В зеркале я видела таинственной, захватывающей незнакомкой из исторического костюмированного фильма. Я действительно сразу же почувствовала себя как в кино. В которое меня приняли, даже не спросив меня. Теперь я играла роль, хотела ли я того или нет. К сожалению, я не знала фильма и поэтому не знала, закончится он хорошо или плохо. Я не могла спросить режиссера об этом, так как у меня не было никакого предчувствия, кто он. И Себастиано, который был, пожалуй, своего рода ассистентом режиссера, исчез в другом времени.

Ощущение противоречия наполнило меня. Стоять здесь в этом огромном зале, за пятьсот лет от моего времени, окруженной людьми, которые давно рассыпались в прах, когда я появилась на свет, было мучительным чувством.

Внезапно я так сильно заскукала по дому, что слезы появились в глазах. Мне не хватало моих родителей! Нашего дома, моих друзей, даже школы! Если бы я не попала в прошлое, мои каникулы уже бы закончились. Что я готова была бы отдать, чтобы сейчас сидеть в школе! Между тем, даже на уроке математики!

— Он идет там! — восторженное заявление Доротеи вырвало меня из моих мыслей.

Нотки страха подхватили меня, когда я последовала за ее взглядом, и в проходе у лестницы появился Альвизе. Он был начищен, как будто хотел выиграть приз за костюм года эпохи Возрождения. Золотистый камзол поверх белоснежной рубашки, зелено-блестящие, тесно облегающие, шелковые лосины и узко сидящие кожаные ботинки. В его широкой шляпе качались перья фазанов, одно из которых висело слишком близко к его лицу так, что в сравнении с другими обстоятельствами это казалось странным. Но мне не хватало мужества в данный момент, чтобы улыбнуться, так как мой затылок безумно чесался.

Альвизе сопровождал его брат Джованни, который был одет похоже, однако не бросался так назойливо в глаза. Рядом с ними шел мужчина, которого я еще никогда не видела. Разумеется, он выглядел таким похожим на Альвизе и Джованни, что речь могла идти только об их отце. Кроме того, черты лица Альвизе вырезаны такими же угловатыми, несколько грубыми линиями и выдающимися черными бровями. Даже коварный взгляд был похож. Разумеется, он был не так необычно одет. От головы до ног он носил одежду черного цвета. Только широкая цепь с гербом на его груди блестела благородным серебром.

Итак, это был упомянутый советник десяти, который стремился к более высокому посту, а его сыновья, прежде всего Альвизе, должны были ему помочь в том, чтобы достать его ему. В том, что они убирали с дороги нашего сегодняшнего хозяина, того Мессера Тревисана, который скоро также появился бы здесь.

— Альвизе, вот и ты! — Доротея поспешила навстречу Альвизе и остановилась перед ним с радостной улыбкой. Внимательно она посмотрела сначала на него, затем на его отца. — Не хочешь ли ты представить меня?

— Разумеется. Отец, это монна Доротея, прелестная вдова, которая теперь пребывает в монастыре Сан Заккария. Доротея, это мой отец, Пьетро Малипьеро. С моим братом, Джованни, ты уже знакома.

Еще бы, подумала я. Который был с тобой на вечеринке в монастыре. Я с опаской рассматривала мужчин, в то время как Доротея сняла маску и начала весело болтать, сначала о хорошеньком платье, затем о красивой цепочке с гербом месье Малипьеро и, в конце концов, о прекрасном палаццо нашего гостеприимного хозяина Тревисана.

— В Неаполе у меня так же прекрасный дом, — сказала она. — И прежде всего, прислуга.

Я была поражена, когда они повернулись ко мне и Клариссе.

— Здесь, в Венеции, у меня так же эти две горничные. — Она милостиво нам улыбнулась. Я встала, как пригвожденная, в то время как Кларисса сердито фыркнула рядом со мной.

— Миленькие горничные, — сказал Альвизе. Он остановил свой взгляд на мне и Клариссе. Я радовалась, что на мне была маска. В его глазах было свечение, которое мне не понравилось.

— Почему их не было на нашем маленьком празднике в комнатке? — спросил он.
— Да были они там. По меньшей мере, Анна, она была за ширмой. Это девушка в маске кошки.

Глаза Альвизе сузились, пока он на меня пристально смотрел.

— Интересно, — ответил он.

Его брат Джованни потянул его за руку.

— Пойдем, разыщем Тревисана.

— Ты прав. Разыщем Тревисана и поприветствуем.

У меня в ушах звучало, словно он с "поприветствуем" имел в виду "убьем". И, разумеется, зуд в затылке усилился, прежде всего, когда Альвизе так близко мимо меня прошел, что острие его зачехленного меча задело мое платье. Он взглянул на меня через плечо и улыбнулся, словно акула перед укусом.

Кларисса дотронулась до моей руки.

— Я пойду, поищу уборную, — сказала она.

Я только рассеянно кивнула и едва поняла, как она уже испарилась через портик.

В то время, как Альвизе и Джованни пересекали зал, я слышала краем уха разговор между Доротеей и Мессером Малипьеро.

— Вы выглядите слишком молодо для Совета Десяти, — сказала Доротея.

— Мне почти пятьдесят.

— Ну, тогда Вы еще очень молодой! — заверила Доротея. Ее ничуть не смущало то, что был такого возраста, что годился ей в отцы. Но со старыми мужчинами, прежде всего богатыми, у нее был опыт

— Я прибыла в Венецию с моим мужем шесть месяцев назад, — сообщила она, хотя ее никто не спрашивал. — Он хотел здесь осуществить сделку по торговле шерстью. К сожалению, он скончался вскоре после нашего приезда. С того времени я временно поселилась в монастыре и ожидаю прибытия родственников, которые заберут меня назад в Неаполь. К моему имуществу. Хотя я не совсем уверена, что вообще хочу туда переезжать. Венеция может столько много предложить! — она бросила снизу на Малипьеро спекулятивный взгляд. Не было заметно, что он произвел впечатление на нее.

Между тем Альвесе и Джованни покинули зал через боковую дверь. Я решила следовать за ними. Лучше не попадаться им на глаза. Я должна лишь заботиться о том, чтобы они не привели в действие свои планы убийства.

Комната, в которую они ушли, была переполнена мужчинами, вероятно, от того, что она являлась источником пищи. Покои были чем-то средним между спальней и столовой. С одной стороны комнаты доминировала огромная кровать с балдахином, с другой - по меньшей мере, в два раза больше размером, обеденный стол, за которым могло точно расположиться сорок человек. При осмотре палаццо в мое время я припомнила, что такая многофункциональность в прошлом не являлась чем-то необычным. Отдельной столовой не было, просто туда приносились столы, куда они хорошо вписывались, и там же могла уже быть спальня. В принципе это было действительно удобно, прежде всего, для декадентского дворянства, которое могло упростить, таким образом, тягостный путь. Между сном и пищей был всего лишь один маленький шаг. И если уже с утра были гости, можно было оставаться в постели, а сбоку накрывался стол.

Через заднюю дверь постоянно сновала прислуга и ставила на стол полные тарелки

и подносы. Пахло жареным и крепким вином. Кроме того, в воздухе витал запах экзотических приправ, для этого времени показатель богатства. Тот, кто в пятнадцатом столетии владел парой пакетиков перца, считался самодостаточным. Душистый перец, корица и шафран были на вес золота. То, что люди в будущем могли купить за пару евро в любом супермаркете, в прошлом требовало длительного путешествия по морю, чтобы доставить их сюда из стран Среднего и Ближнего Востока, а потому они и были бесценны. Сосиску в соусе карри еще не придумали, но если бы она и была, ее вряд ли кто-то мог бы себе позволить.

В соседнем зале начал играть оркестр, музыкальные инструменты, которые я никогда раньше не слышала, звучали непривычно для моих ушей.

Первые гости рассаживались за стол и нагромождали еду на тарелки. Все больше людей переходили из портика в зал. Постепенно вечеринка набирала обороты, так как служащие едва успевали разливать вино. Даже мне вручили в руки полный стакан. Осторожно пригубив, я остановилась в дверном проеме и наблюдала за Малипьеро.

Альвисо и Джованни присоединились к высокому, широкоплечему мужчине около сорока лет, который был похож на Харрисона Форда в архаическом костюме. Его глаза предприимчиво блестели, а его улыбка была симпатичной.

Братья Малипьеро стали спиной ко мне. Из-за музыки я не могла слышать, о чем они говорят. Альвизе жестикулировал во время разговора, не обращая внимания, что вино выплескивается из его стакана.

Невольно я сделала пару шагов по направлению к ним и услышала конец последнего предложения.

—...пойти с нами вниз, Тревисан? Я тебе говорю, это не займет много времени.

Ага. Значит, это Тревисан. Мужчина, на которого посягали Малипиеры.

—Вы серьезно думаете, что я пойду смотреть на Вашу новую лодку, прежде, чем поприветствую своих гостей? — спросил, улыбаясь, Тревисан.

—Ну, здесь дело не только в новой лодке, а в подарке, который в ней находится.

Подарок для Вас от нашей семьи, если я имею право это добавить. Мой отец сгорает в нетерпении показать Вам его. И мой брат, и я в том числе.

Тревисан приподнял бровь.

—А не могли бы вы взять его с собой сюда, наверх?

—Невозможно. Вы должны пойти с нами вниз в водяной зал. Лодка находится прямо там.

—Вы прямо возбудили во мне любопытство. Вы - настоящий мастер по уговариванию.— Тревисан положил руку на плечо Альвизе.— Ну, хорошо, я пойду с вами и посмотрю. Но ради того только, чтобы я мог должным образом поблагодарить за это вашего отца.

Обеспокоенно я смотрела, как он спокойно исчез в черном выходе с двумя братьями.

Кларисса вынырнула около меня.

— У них там даже хлопчатобумажные полотенца, чтоб вытираться. И лодочка с лавандовой водой. Ты должна это непременно увидеть.

—Ага,— сказала я рассеянно на полпути к черному выходу.

—Эй, уборная в другом направлении!— закричала она мне вслед.

—Я найду! - крикнула я через плечо в ответ.

По пути я поставила свой стакан на стол. К тому же чуть было не устроила несчастный случай со слугой, который нес тяжелую миску с мясом. Он успел еще отклониться от меня, обрызгав при этом камзол гостя соусом, который подпрыгнул из-за стола и заорал на бедного слугу. Я сразу же вмешалась и четко объяснила, что это все моя вина, на что мужчина сразу стал дружелюбнее.

— Что это у нас за милая кошечка? Хочешь отчистить соус с моей рубашки?

— Никаких проблем, я только быстро принесу тряпку, — и я уже прошмыгнула в заднюю дверь. Я снова находилась на лестничной площадке, которая была заметно уже и потолки были ниже, чем у той, через которую я пришла. Два раза мне приходилось прижиматься к стене, чтобы пропустить слуг, которые несли пополнения из кухни наверх. Наконец, я добралась до прохода, который вел в водную галерею мимо рабочих комнат.

В каменном подвале пахло гнилью, а музыка сверху звучала так, как будто находилась за несколько миль. В проходе было практически темно. Единственная убогая сальная свеча горела на стене, так что было видно только на пару шагов вперед. Из водного зала были слышны мужские голоса. Импульсивно я прижалась к узкому проходу и наострила уши.

— Ну, и где же подарок? — услышала я звонкий голос Тревисана.

— Здесь впереди, прямо перед воротами, — сказал Альвизе. — Вы должны подойти немного ближе к воде.

Я практически могла услышать его мысли.

Достаточно близко, чтобы я мог ударить тебя сзади ножом и сбросить тебя в канал. Мой затылок невыносимо зачесался, но я не поддалась порыву почесать его.

Вместо этого я понеслась сломя голову, запутываясь в раздуваемой ветром юбке, в водяной зал.

— Где здесь уборная? — выпалила я.

Трое мужчин обернулись и уставились на меня. Тревисан стоял близко к краю воды открытой галереи. Еще один шаг и Альвизе мог бы легко столкнуть его вниз. После чего он бы прикончил его шпагой.

— Ты моя хорошая, — засмеялся Тревисан. — Уборная в большом лестничном доме. Спроси у одного из лакеев, он тебе покажет.

Я собрала в кулак все свое мужество и подошла ближе.

— Собственно говоря, это может немного подождать. Прямо здесь, где я есть, я могу Вас поприветствовать. Добрый вечер, Мессер Тревисан, я благодарю Вас за приглашение.

Все это я выдавила, смущенно заикаясь, хотя это достигло своей цели. Как долго я буду здесь находиться, так долго Альвизе не сможет привести свой план в действие.

— Добрый вечер, — смущенно сказал Тревисан. Он сделал едва заметный поклон. — К сожалению, я не знаю...

— О, у меня одета маска, поэтому, конечно, Вы не можете меня вспомнить, — притворно засмеялась я и начала обмахивать себя мнимым веером.

— Это случайно не горничная Доротеи? — спросил Джованни.

— Это все маскировка, — как можно заносчивее сказала я.

— Она действительно не похожа на горничную, — улыбаясь, сказал Тревисан.

— Нет, она этого не делает, — протяжно сказал Альвизе. В его глазах снова было это жуткое сияние. Это пугало меня, так как зуд в моем затылке не прекращался.

Опасность еще не миновала.

Тревисан всматривался в ворота у воды.

— Ну, скажите мне, наконец, где ваш подарок, чтобы я поблагодарил вас и вернулся назад к моим гостям.

Альвизе взглянул на меня прищуренными глазами.

— Странно, — сказал он. — Я поручил нашему гондольеру подъехать на лодке прямо к водным воротам, чтобы не осматривать долго. Глупец, видимо, снова напился.

Тревисан вежливо кивнул, но, можно было заметить, что его терпение иссякло. Он повернулся, чтоб уйти.

— Подарок вы можете вручить мне и позже, уважаемые господа. Не играет роли, возрадуюсь я ему сейчас, или на час позже. — Проходя мимо, он одарил меня улыбкой. — А Вам я желаю приятного вечера, маленькая кошечка! — И исчез в проходе.

Я хотела тут же последовать за ним, но я была не достаточно быстрой. Альвизе преградил мне путь.

— Да нет же, моя кошечка. Ты еще здесь не закончила. — Его выражение лица исказилось ненавистью. Мерцающий свет настенных фонарей превратил его в демона, хотя я не была уверена, исходило ли это изнутри от его мерзкого характера.

— Жди в проходе и следи, чтоб никто не шел, — приказал он своему брату.

Джованни кивнул и исчез.

Зуд на моем затылке превратился в пламя. Альвизе стал передо мной и уставился в мое лицо.

— Маленькая Анна, — сказал он мягким как шелк голосом. — О чем ты думаешь, когда идешь против меня?

— Э... Ни о чем, — запинаясь я.

— Большинство женщин не умеют думать, — согласился он со мной. — Для этого они просто не способны. Но когда они вредят мне своим отсутствующим умом, мне это тоже не нравится.

Я попыталась отпрыгнуть в сторону и в тоже время обежать его сзади, но он только лениво протянул руку и схватил меня за волосы. Грубо вцепился он своим кулаком, наполненным моими локонами, и таким образом крепко меня держал. Это было так больно, что слезы покатились из моих глаз.

Он резко дернул меня к себе, так близко, что я могла чувствовать его тело на своем. Я учуяла, что он выпил вина и что он для мытья использует дорогое мыло. И его одежда приятно пахла, редкость для этого времени без душа и горячей воды, ароматная чистота - непозволительная роскошь для большинства людей. Но вся эта чистоплотность не могла помочь Альвизе скрыть его черную, как ворон, душу. Вдруг он отпустил мои волосы и молниеносно обхватил мою шею обеими руками. Его большие пальцы зажали мне гортань, его пальцы крепко сцепились на моем затылке.

Я потеряла весьма ценные секунды, пока до меня дошел чудовищный факт, что он хочет меня убить. Когда я поняла это, у меня уже темнело в глазах. На курсах самообороны в нашей школе нас не обучали, что так быстро падаешь в обморок, когда тебя душат. И что это так больно. Для этих случаев нас только постоянно

тренировали, как быстро и эффективно освободиться от душащей хватки. К счастью, я недолго думала о выученной технике. Не смотря на мою стремительную возрастающую потерю сознания, мое тело воспроизвело все, что знало.

В отчаянной попытке, я протиснула руки между нашими телами наверх и с размаха ударила Альвизе по предплечью, после чего его хватка ослабела. Тем временем я протянула мои локти обратно вниз, чем я его вынудила окончательно убрать руки с моей шеи. С трудом вздохнув, я снова могла дышать. Затем удар в колено, отпрактикованный сто раз.

У него подогнулись колени, и он яростно выругался. В завершение действия мои кулаки должны были бы молотить по его лицу, как молоток, чтобы, наконец, он упал. Но это немного не сработало, он опередил меня на пол толчка. В любом случае, это было бы недостаточно, чтобы вывести его из строя. Я позорно не справилась, именно в том месте, о котором нас предупреждала наша учитель физкультуры.

Его слова снова зазвучали у меня над ухом:

— Большинство девушек и женщин сомневаются бить со всей силы. Даже тогда, когда от этого зависит их жизнь, чтобы отключить своего агрессора. Они слишком бояться причинить ему боль. Кроме того, они не приучены решать конфликты с помощью силы. И не успели оглянуться, как они уже мертвы. Поэтому лучше, чтобы вы превзошли вашу привитую тактичность и жестко действовали!

Только вот я стояла и не могла жестоко нанести удар. Пока это осознание дошло до моего мозга, Альвизе уже вскочил на ноги. Его лицо исказилось в гримасе мести, когда он достал свой короткий меч.

—Что там происходит,— спросил от направления выхода Джованни.

—Я почти закончил с этой грязной бабой,— сказал Альвизе.

Я попыталась вспомнить, что мы выучили в случае нападения с мечом или здесь применялись правила нападения с ножом, но в моей голове была зияющая пустота. Все было кончено, моя смерть лишь вопрос мгновения.

—Скажи миру "До свидания",— издевался Альвизе.

Он замахнулся мечом, и я закрыла глаза, так как не хотела, чтобы его лицо было последним, что я увижу в своей жизни.

Часть третья

Глава 16

Венеция, 1499 год.

— Это должно быть здесь,— услышала я женский голос сверху у канала.— Посмотрите, ворота над водой открыты, и там внутри есть люди, мы можем спросить у них.

Смертельный удар мечом не произошел. Я снова распахнула глаза и увидела, как Альвизе раздраженно опустил оружие.

Голоса становились громче.

— Добрые люди, мы правильно добрались до дома уважаемого Мессера Тревисана? Мы приглашены на его праздник.

Никогда бы не подумала, что буду так радоваться появлению Джулианы Тассельхоф. Ах, нет, рада не то слово. Я хотела бы ликовать с громким воодушевлением.

Поспешно я отступила на несколько шагов от Альвизе.

— Да, вы не ошиблись! — крикнула я. Это прозвучало, как хриплое карканье, следствие удушения, но во время следующих слов я, по крайней мере, вернула свой голос назад. — Семья Тассини, верно? Спускайтесь сюда, в водный зал, я провожу вас в портик и могу представить вас хозяину!

Все это время я не выпускала Альвизе из поля зрения, но он уже хорошо понял, что ночь длинных мечей закончена. Не говоря ни слова, он и его брат вернулись в проход. Шаги обоих удалялись в радостном темпе.

Мое сердце билось, как сумасшедшее, из-за адреналина, который выработало мое тело. Мне пришлось сделать пару глубоких вдохов, пока я снова хотя бы на половину смогла думать ясно. С ватными коленями я пошла к ступеням, которые вели от галереи к воде. Перед воротами на волнах качалась гондола Тасельхофов, они же Тассини. Джулиана и ее супруг Генрих, оба расфуфыренные как на

официальный прием, были, очевидно, удивлены, увидев меня здесь.

— Это не та ли сбита с толку молодая штучка, которую мы встретили сегодня после обеда? — спросила Джулиана своего мужа. — Я узнала ее, несмотря на маску.

— Ты права Джулия. Это она. Что она здесь забыла?

Маттиас поднялся с задней лавочки и помог вместе с гондольером выйти на берег его матери.

— Вы не должны о ней говорить, как будто ее тут нет.

В этом он определенно прав, но я была так бесконечно воодушевленная и благодарна, что Джулиана и Генрих могли еще что-нибудь рассказать. Они спасли мне жизнь, за это я благодарна им.

Одним движением я подняла маску наверх на волосы, потому что мне казалось не вежливым то, что мое лицо спрятано под ней.

— То, что я была сбита с толку, я подтверждаю, но во всем виновата жара, — сказала я, все еще дрожа. — Едва вы уплыли, я поняла, что это была путаница.

— Как еще раз было твое имя? — спросил Маттиас, робко улыбаясь.

Я сделала глубокий вдох.

— Анна. А ты — Маттео Тассини, верно?

— Ты запомнила! — он смотрел на меня сияющими глазами.

— Это все из-за того, что мне показалось, как будто я уже вечность тебя знаю.

Это полностью смутило его.

— О, — выдавил он из себя, покраснев. — Это... меня радует.

Я подавила свою нечистую совесть и повисла на нем, как на старом дружке. Сейчас он и его родители были единственной страховкой жизни, которая у меня была. Пока я оставалась с ними, я не должна была бояться, что меня прикончат за следующим углом.

Кроме того, я все еще была слаба от шока из-за пережитого, поэтому я была рада, что могла довольно долго крепко держаться за руку Маттиаса.

— Эта маска кошки, почему-то мне кажется, как будто я уже видел ее когда-то, — сказал Маттиас задумчиво, идя по лестнице.

— Правда? Когда же? — удивилась я.

— Должно быть это было давно, иначе я смог бы вспомнить об этом.

Я подумала о дурацкой блокировке и попыталась не всерьез поделиться с ним, что по правде это было всего пару недель назад. По крайней мере, с моей точки зрения.

— Вероятно, многие люди бегают вокруг в масках кошек, — предположила я.

Кажется, он задумался.

— Собственно, мне также показалось, что я уже видел тебя однажды.

— Ты же и видел. Сегодня после обеда.

— Нет, раньше, — он ненадолго остановился и удостоверился, что его родители ушли достаточно далеко и не слышали нас. — Когда мы сели в лодку, я внезапно почувствовал, что уже встречал тебя однажды. Я сказал также об этом моим родителям, но они ничего не хотели об этом слышать.

Это удивило и обрадовало меня. Вероятно, полное забытие работала не во всех случаях. Это подталкивало меня объяснить ему все, но когда я открыла рот, как и ожидалось, я не произнесла ни звука. Разочарованно мне пришлось признать, что, по крайней мере, запрет работал дальше совершенно безупречно.

— Ты такая молчаливая, — предположил он.

— Ах, это ошибочное мнение, — я сменила тему. — Я как раз хотела тебя спросить, чем занимается твоя семья. Я имею в виду, по работе.

— Отец занимается собиранием античных вещей, это очень доходное занятие.

Я была удивлена, что Генрих Тассельхоф изучил похожую профессию на ту, которая у него была в его прежней жизни. Несколько вещей остаются у людей, которых переносят в прошлое против желания, и так сохраняются. Например, имена. Из Джулианы в Джулию, из Генриха — Энрико и из Маттиаса — Маттео.

— Мама много занимается астрологией, — продолжал Маттиас. — Ее предсказания часто невероятно точны. Она даже смогла предсказать Догаресса.

Это также было удивительно. Здесь должно быть тоже зацепились остатки прежней жизни. В будущем Джулиана гордилась тем, как хорошо она ориентировалась в истории Венеции. Она могла перехватывать эти неосознанные воспоминания здесь, в прошлом, чтобы составлять гороскопы людям. При этом она скорее получала свои предсказания не от звезд, и из глубины ее подсознания.

Можно ли было подвергнуть Тассельхофов гипнозу, чтобы они вспомнили обо всем? В моем времени я слышала о том, что гипнотизеры вводили людей в транс и заставляли их таким образом вспомнить об их прошлой жизни. Некоторые якобы проживали несколько жизней. Чисто теоретически это должно было сработать и в обратном направлении. Почему кто-то не должен был вспоминать в прошлом о его будущей жизни? Тем более что на самом деле она была одна, это даже не мистика, а жесткая реальность.

Конечно, для этого нужен профи, который понимает что-то в гипнозе. Я сама не разбираюсь в этом совершенно, не считая того, что я узнала из телевизора: теперь ты погружаешься в глубокий сон, но все равно продолжаешь слышать мой голос...

— ... как раз начали строительство нашего нового дома, — сказал он, ворвавшись в мои мысли. — Он будет гораздо больше, чем наш старый и у него будет великолепный фасад.

— Звучит волнующе, — сказала я вежливо, но рассеянно. В конце сеанс гипноза в фильмах чаще всего заканчивался словами: «Теперь я досчитаю от десяти в обратном порядке, на ноль ты проснешься и почувствуешь себя легким и свободным»...

— Отец нанял выдающегося Мауро Кодусси на работу архитектором. А настенную живопись по отделке фасада отец поручил лучшим художникам. В следующем году в это время палаццо Тассини должен быть готов.

Мы поднялись по лестнице и добрались до портика. Родители Маттиаса затерялись среди других гостей. Нервно я вытянула шею, опасаясь увидеть шатающегося вокруг Альвизе. Я должна была понимать, что он был еще здесь. Возможно, он ждал второго шанса, чтобы заманить Тревисана в засаду. Или меня.

— Мама считает, что это будет самый прекрасный дом во всем городе, — сказал Маттиас.

— Это замечательно, — растерянно произнесла я. До сих пор я нигде не заметила Альвизе, также как его брата и отца.

— Мне нравится смотреть на строительные работы, — рассказывал Маттиас. — Сначала местность должна быть ограждена плотиной, чтобы сдерживать воду. Затем тысячи дубовых свай забиваются в основание лагуны, чтобы тем самым обеспечить

фундамент. Возможно, ты захотела бы взглянуть. Я с удовольствием могу все тебе показать.

— Что я должна осмотреть? — внимательно я осматривала окружение. Большой зал был между тем набит под завязку, едва ли были пустые места. Музыканты играли мелодию, которая побуждала танцевать. Во всяком случае, в одной части зала несколько гостей веселым образом подпрыгивали.

— Строительные работы палаццо Тассини.

Ответ Маттиаса должно быть привел в движение пару шестеренок в моем мозгу и как ни странно, я подумала об исландских гейзерах. Затем у меня перехватило дыхание. В толпе появилось знакомое лицо.

Себастиано вернулся.

Глава 17

Я была настолько бескрайне открыта, что мой живот сжался.

— Извини меня, — сказала я Маттиасу. — Мне срочно нужно поприветствовать кое-кого, кого знаю.

— Но...

— Я определенно схожу посмотреть на строительные работы в вашем новом доме,

— крикнула я через плечо, по дороге к Себастиано.

Когда я увидела, кто стоит рядом с ним, я еще быстрее поспешила к нему.

Белоснежная, прекрасная Мариэтта держала его под руку, как если бы они подходили друг к другу.

На ней было блестящее, синее платье, в котором она выглядела как топ-модель.

Как только я дошла до них, я была странно смущена. Я не могла вымолвить ни слова. Вероятно от того, что я едва переводила дух из-за того, что так спешила. Или потому что оба так прекрасно выглядели. Особенно Себастиано. На нем был одет бутылочно-зеленого цвета камзол без вышивки, но пошив так подчеркивал фигуру, что я спрашивала себя, были ли у него всегда такие широкие плечи.

— Одинокая сирота, — сказала Мариэтта. Она выглядела изумленной увидеть меня здесь. — Ее отпустили из монастыря без сопровождения? Или она оттуда убежала?

— Она осмотрела меня сверху донизу. — Не глубоковат ли вырез в этом платье для ребенка, как ты? Наверное, мне не стоило паковать в сундук его с другими вещами, как считаешь, Себастиано?

Снова обо мне говорили, как будто меня не было. Что еще хуже, она была на полголовы выше меня и буквально смотрела свысока. От того, что мое платье было с ее плеча, лучше не стало. Рядом с высокой куртизанкой я казалась золушкой.

Я откашлялась и попыталась придать себе невозмутимый вид.

— Она не одна пришла на праздник.

— Кто? — озадаченно спросила Мариэтта.

— Одинокая сирота. Она в сопровождении здесь.

Ее выражение лица немного примирило меня с невозможной ситуацией. Также с ухмылкой Себастиано.

Но его веселье тотчас испарилось. Он неодобрительно посмотрел на мой вырез.

— В платье слишком глубокий вырез.

Я противостояла натиску, чтобы положить руку на декольте, я дерзко подняла подбородок. Платье не было столь смелым, как у Мариэтты. Равные права для всех!

Глаза Себастиано сузились, он внимательнее посмотрел.

— Какого черта... — Два шага и он был уже рядом со мной. Мариэтта потеряла равновесие, потому что он так неожиданно отступил от нее.

Себастиано остановился вплотную ко мне, взял меня осторожно за подбородок и приподнял его. Его взгляд скользил по моей шее. Невероятная ярость была в его глазах, когда он опустил мой подбородок и затем схватил меня за руку. Не проронив ни слова, он потянул меня за собой через толпу.

— Так или иначе, я хотела с тобой поговорить, — сказала я вслед, спотыкаясь и стараясь никого не толкнуть.

У одной колонны я увидела Клариссу и Барта. Барт мне очень понравился, он был свежевыбрит и модно одет. И нельзя было не заметить, как он смотрел влюбленными глазами на Клариссу. Что с другой стороны казалось так же взаимным, по меньшей мере, она улыбалась, что редко с ней случалось. Для меня это был хороший знак. Почему бы у этих двоих что-нибудь и не вышло? Кларисса более чем заслужила такую перемену. Я гордилась собой, что убедила ее пойти со мной.

— Посмотри, там Бартоломео и Кларисса, — сказала я Себастиано. Проходя мимо, я им подмигнула, но они меня не увидели, потому что были заняты разговором. У меня не было возможности с ними поговорить, потому что Себастиано тянул меня за собой.

— Я и сама бы с тобой пошла, — сказала я. — Ты можешь меня спокойно отпустить.

Он не ответил. Улыбаясь сквозь сжатые губы, он потянул меня через портик, в конце которого он толкнул меня в нишу стены. Он взял меня за плечи и притянул к себе.

— Это дело рук Альвизе? — поинтересовался он.

Я кивнула.

— Когда?

— Примерно десять минут назад.

— Черт! — выругался он. Я бы даже сказала, что услышала тихий скрежет зубов. Не понятно почему, но мое настроение сразу же улучшилось.

— Я ударила его в колено, — проинформировала я его. — В то же самое, в которое ты ударил, когда он на тебя набросился с ножом. Конечно же, я должна была ударить его по лицу, но появились Тассельхофы и Альвизе смылся.

Часть с мечом я упустила, это не было актуально.

Счастливая я добавила:

— Себастиано, мне кажется, что я справилась! Я предотвратила дурное событие и теперь при следующем новолунии могу возвращаться домой. — Триумфально я продолжала: — Я спасла Тревисана! Альвизе и его брат хотели заманить его в водный зал, якобы, хотели показать ему подарок. Я за ними последовала и пришла как раз вовремя. Они точно хотели его убить!

Себастиано задумчиво посмотрел на меня.

— Ты очень смелая, ты это знаешь?

— Я ужасно боялась, — возразила я. — Конечно, они повторяют это когда-нибудь снова. Его нужно предупредить. Когда он будет в курсе, он сможет прижать Малипьеров к стенке.

Себастиано покачал головой.

— Это запрещенное знание, потому что оно из будущего. Нет ни единого шанса сказать ему об этом. Мы можем только попытаться его защитить. — Он сдвинул брови. — И тебя тоже. Теперь Альвизе знает, на чьей ты стороне.

— Я буду его избегать. Почему ты, собственно, не вернулся раньше?

— Иногда дела идут не так, как бы хотелось. — Его голос звучал устало, и я неожиданно заметила, как он был бледен. Мне сразу же показалось, что он не стоял крепко на ногах. Он не был выпившим, я бы уловила запах. Понятно, что он был изнуренный, но только это не могло объяснить такую слабость.

— Что с тобой? — испуганно спросила я.

— Ничего. Я лишь устал как собака.

Изрядно выпивший гость проходил, шатаясь, и наскочил на Себастиано. Он вздрогнул и сдержанно воскликнул.

Пьяный, не извинившись, пошел, спотыкаясь, дальше

Себастиано, теперь еще бледнее, прижал руку к правому боку. Когда он отнял палец, я увидела темные пятна на камзоле.

— Ты ранен! — объятая ужасом сказала я.

— Дурацкая повязка слезла.

— Тебе нужно срочно к врачу!

— Никаких врачей. Здесь раны лучше всего залечиваются, если никого не подпускать к ним.

— Я имею в виду, настоящего врача!

— К сожалению, должен отказаться.

— Значит ли это, что ты не можешь вернуться обратно?

— Прямо сейчас нет.

— Что ты имеешь в виду?

— Я объясню попозже. Давай уйдем отсюда.

На лестнице было понятно, насколько ему было плохо. Каждый шаг причинял ему боль, он не мог сдерживать стоны, хотя пытался. Я была обеспокоена его серьезным ранением. Не потому, что это могло помешать мне вернуться обратно в будущее, я просто боялась за него.

— Куда мы направляемся? — спросила я.

— Я должен отдохнуть, и ты должна спрятаться. Обратно в монастырь тебе нельзя. Бартоломео мне рассказал, что эта Доротейка как назло обзавелась любовником в лице Альвизе. Вблизи ее тебе небезопасно. Хосе подыскал комнату, там мы должны быть в безопасности какое-то время.

— Ты был в отъезде с Хосе? Он не мог о тебе лучше позаботиться? Как ты вообще оказался раненым? Это был несчастный случай?

Себастиано застонал.

— Столько много вопросов. Можем об этом попозже поговорить?

Я лопалась от нетерпения, но он все равно не смог бы многого рассказать, потому что внизу дома была огромная толпа людей. Слуга подал Себастиано накидку, а мне - платок. На улице мы сели в гондолу, и Себастиано назвал лодочнику цель.

Тяжело держась, он опустил на скамейку, заметно стараясь не показывать боли.

Мой страх увеличивался, так как я знала, как быстро можно было умереть от безобидного повреждения. Даже самая маленькая открытая рана могла быть

смертельной. Не было ни прививок от столбняка, ни стерильных компрессов. Только в течение двух недель, которые я провела в магазине трав Матильды, туда приходили две девушки, у которых в семье как раз кто-то умер от заражения крови. Ничто и никто не мог им помочь.

Безмолвно я сидела рядом с Себастиано, в то время как гондольер сильными ударами весла вел лодку через канал. По обе стороны на берегу возвышались палаццо, чьи темные контуры возвышались на фоне ночного неба и были освещены факелами на набережной или свечами из окон. Это была картина сказочной красоты. Темная, сверкающая вода Гранд-канала, загадочные декорации вокруг нас, все это могло быть чудесной, романтической кулисой для фильма о любви. Но о романтике сейчас не время думать о романтике, положение было слишком серьезным.

Тем не менее, я подумала о том, как я отреагировала на близость Себастиано. Он сидел так близко ко мне, что его плечи касались моих, и я могла чувствовать тепло его тела. Это было необыкновенное чувство, которое проходило и проходило сквозь меня. И чтобы заполучить больше, я еще сильнее надавила на него.

Я поняла, что я делаю только тогда, когда слышала его стоны.

Я поспешно отодвинулась.

— Прости!

— Ничего страшного.

На протяжении оставшейся езды я молчала, пребывая в смущении.

Дом, перед которым, наконец, пришвартовалась гондола, принадлежал, по словам Себастиано, вдове какого-то изготовителя веревок. Дом был крошечно маленький и находился на обходном канале в части города под названием Кастелло, прямо вблизи Арсенала*. Себастиано заплатил гондольеру и помог мне высадиться.

(*Арсенал — историческая корабельная верфь в Венеции. Прим.перев.)

— Ты моя супруга, — сказал Себастиано, в то время как поворачивал имеющийся ключ в скрипящем замке.

— Кто я? — озадаченно спросила я.

— Моя супруга. В случае если спросит домовладелица. Но не беспокойся, ты не должна делить со мной ложе, я сплю на полу.

Внутри дома было темно, как в пещере.

— Подожди здесь, — сказал Себастиано. Он тихонько выругался, спотыкаясь в темноте. Затем я слышала как он с чем-то, шелестя, возился. Через какое-то время вспыхнуло маленькое пламя, и Себастиано был снова замечен, у него в руках была сальная свеча.

Он подмигнул мне.

— Здесь подниматься вверх.

Как и в доме Матильды, наверх поднимались по скрипящей узкой лестнице, которая, скорее всего, была похожа на стремянку, а не лестницу. Мы едва сделали пару шагов, как открылась дверь на нижнем этаже и появилась седая женщина.

— Это Вы, месье Себастиано?

— Да, это я, монна Фаустина, — ответил Себастиано.

— А кого Вы с собой привели? — Монна Фаустина пристально смотрела на меня, предвещая беду. Таким взглядом на меня часто смотрела Матильда. Это был "надеюсь-она не-много-жрет" взгляд.

— Я его супруга, но я ем вне дома, — ответила я.

Монна Фаустина, не говоря ни слова, зашла обратно в комнатку и захлопнула дверь. Я последовала за Себастиано наверх, и мы очутились на чем-то вроде чердака. Он выглядел не особо уютным. Лестница выходила в центр комнаты и, если не обратить внимания, можно удариться головой о стропила. Кровать состояла из дряхлого деревянного каркаса и соломенного матраса, помимо этого там стояла парочка сундуков. Это была вся мебель.

— Здесь есть мыши? — опасливо заглянула я в пыльные углы комнаты.

— До сих пор никого не видел. Вообще-то, я был тут только один раз, чтобы разобрать вещи и переодеться, — Себастиано встал на колени перед одним из сундуков и открыл его. При свете сальной свечи можно было заметить, каким патологически бледным он был. — Здесь где-то должно быть что-то вроде бинта, — думал он вслух. — Чистая ткань, Мариэтта упаковала что-то, — качаясь, он перенес вес на пятки и почти уронил свечу.

Я подскочила к нему и забрала ее из его рук.

— Позволь мне это сделать. А ты иди в кровать, — не обращая внимания на его протесты, я помогла ему встать и настояла на том, чтобы он сразу лег. Со стоном он опустился на соломенный матрас, а затем попытался нерасторопно расстегнуть камзол. Я поставила свечу рядом с кроватью и убрала его руки.

— Не двигайся, — сказала я. — Я позабочусь об этом.

Я открыла заклепки на камзоле и расстегнула рубашку. Несмотря на скудное освещение, все равно было видно большое количество крови. Часть уже высохла, другая была еще свежей и блестела, она пропитала временную полотняную полосу на его теле, которая слетела, когда его толкнул пьяный. Я помогла Себастиано сесть, чтобы я могла стянуть камзол и рубашку. При этом и без того ослабленная повязка спустилась ниже ребер с правой стороны. Я втянула воздух между зубами, когда увидела рану. Наверное, нужно было зашить ее, но это были слишком высокие требования для моих способностей. Хорошей повязки должно было хватить, большего я не могла ничего сделать. Нерасторопно я протянула руки, чтобы поправить полотняную повязку, однако затем остановилась.

— Здесь есть самогон?

— Хочешь выпить для храбрости?

Это было типично. Этот парень лежал передо мной полумертвый, и все, что ему пришло в голову, была шутка, которая даже не была особенно смешной. Но все же я не смогла подавить хихиканье.

— Я хочу обработать им руки. Ты же знаешь. Бациллы. Гангрена. Заражение крови.

— Тебе не надо этого делать, — сказал Себастиано тихо. Его веки были полуоткрыты, взгляд хмурым. — Просто возьми свежую полотняную повязку из сундука, остаток я сам доделаю.

— Даже не рассматривается, этим займусь я. Я правда хорошо разбираюсь в этом, — это была полная ложь. По правде сказать, на курсах для получения сертификата по оказанию первой помощи я выучила только, как перевязывать воображаемые раны. Настоящие повреждения я еще никогда не видела. Во всяком не такие, которые так кровоточили.

— К сожалению ... нет водки, — пробормотал Себастиано. — У монны Фаустины есть какая-то. Но ... она выделит ее только за наличные деньги. — Его голос звучал

все слабее.

Объятая ужасом, я увидела, как закрылись его глаза.

— Держись! — Крикнула я. — Ты не можешь сейчас умереть!

— Я всего лишь ... устал. — Его слова едва можно было понять. — Два дня ... без сна...

Он был совершенно без сил, слава Богу! Я выдохнула. Но его нужно было заново перевязать. Я не хотела быть виноватой, если грязь попадет в рану и занесет инфекцию.

Я решительно вынула его кошелек из-за пояса и вытащила оттуда несколько монет. С деньгами и факелом я спустилась вниз, где словила монну Фаустину подслушивающую под лестницей. Как только она меня увидела, то шмыгнула к плите и начала там возиться.

— Я вдруг только что ужасно проголодалась, — сказала она.

— И мне вдруг сильно захотелось пить. — Я протянула деньги. — У Вас есть водка? Только крепкая. Хорошо бы и немного меда.

Она сгрэбла монетки с моей ладони, не пересчитывая. Из глиняного горшочка она положила в чашку ложку меда, затем, ворча, извлекла кувшин, из которого пахло крепким напитком.

— Только все не пить, — крикнула она вдогонку, когда я уже спешила наверх. Себастиано погрузился в глубокий сон. Я продезинфицировала водкой руки и очистила кожу вокруг раны кусочком льняного полотна, который я обильно сбрызнула алкоголем. Себастиано чуть застонал, но не проснулся. К моему облегчению рана больше не кровоточила. Я наклонилась, держа свечу, чтобы ближе ее рассмотреть. Края раны были ровными и прямыми, как будто его кто-то поймал с ножом. Альвизе? Был ли он здесь снова замешан? Парень, казалось, был повсюду! При обработке раны мне помог не только курс оказания первой помощи, но и то, что я узнала от Клариссы. К примеру, что мед содействовал заживлению ран. Я намазала немного на полотняный лоскут, хорошо промокнула водкой и приложила компресс к ране. Затем я приступила к перевязке. Это было трудновато, так как для этого мне снова пришлось усадить Себастиано. После добрых уговоров мне удалось усадить его в полусидящее состояние, несмотря на то, что он требовал, чтобы я, наконец, позволила ему поспать.

Так как мне приходилось несколько раз обмотать повязку вокруг его тела, мне приходилось приближаться к нему слишком близко. Я пыталась полностью сконцентрироваться на повреждении и повязке и не замечать того, какая гладкая и румяная у него кожи, а также какой мускулистой была верхняя половина его тела.

— Теперь я завяжу оба конца, — сказала я, только чтобы напомнить себе о том, что все было строго в медицинских целях.

— Ты такая смелая, — пробормотал он.

— Я? Бессмыслица. Я — самая настоящая трусиха. Ты должен был бы видеть, как Альвизе с мечом... — я остановилась, так как хотела же умолчать о мече.

Но Себастиано не совсем расслышал.

— Что? — прошептал он, уже почти заснув.

— Это было не так уж и дико, — соврала я. — Тассини прибыли вовремя.

Собственно я хотела сказать Тассельхоф, но из-за этого тупого запрета слово изменилось. Итак, монна Фаустина снова шпионила и подслушивала. Это также

мешало мне в том, чтобы я могла задать все те вопросы Себастиано, которые волновали меня.

Но он все равно не мог много говорить. Он выдавил из себя несколько слов и едва ли понятных, из которых я поняла, что он убил бы Альвизе в следующий раз. Затем он снова уснул.

Я нерешительно рассматривала дощатый пол. Он выглядел очень жестким. И пыльным. Но что еще мне оставалось? В каком-то календаре я прочитала: согнутый локоть как подушка - в этом заключается счастье. Чье же это было изречение? Конфуция? В любом случае чье-то, кто ориентировался в нужде и должен был это знать.

С помощью платка Доротей и накидки Себастиано я устроила себе временный лагерь на скрипучих брусках. Я укрылась накидкой. Мягкая ткань все еще была пропитана запахом Себастиано, это трудноопределимая и тревожная смесь из мужества и приключений. Это помогло мне не думать, что моя шея все еще болела. Черт побери, этого Альвизе!

Время от времени я прислушивалась к ровному дыханию Себастиано.

"Завтра будет новый день", — подумала я.

Все равно прошло много времени, когда я, наконец, смогла уснуть.

Глава 18

Мне снился странный сон, в котором мне было четыре года. Я видела свои маленькие ручки и пухленькие ножки, пока сидела в траве и дула на одуванчики. Моя мама набрала полную охапку разноцветных цветов и сплела из них венок, который надела мне на голову.

— Ты — принцесса, а это твоя корона, — сказала она, улыбаясь.

Полная усердия, мне хотелось сделать как можно больше корон для принцессы. Тогда у меня был бы запас, и было бы неважно, если я потеряла бы одну из них. Но цветы не хотели переплетаться. Стебли ломались в моих руках и противились моим попыткам сплести их. Нежные цветы мялись в неловких пальцах. Я начала плакать, скорее из-за ярости, чем от разочарования, но и после этого цветы не становились венком.

Сквозь пелену слез на глазах я увидела, как две фигуры подошли ко мне. Сначала я думала, что это старые женщина и мужчина. У женщины были седые волосы и покрытое складками лицо, а у мужчины на глазу была черная повязка, такая же, как у пиратов в моем ящике Playmobil.

Оба остановились передо мной. Озадаченно и немного пристыжено я перестала плакать, и вместо этого смотрела на них вверх.

— Я думаю, это она, — сказал старик.

— Я не знаю, — произнесла женщина. — Она не кажется особенно смелой. Разве ты не видишь, как она ревет?

Я не хотела, чтобы обо мне так думали. Поспешно я насухо вытерла глаза руками. Это, к сожалению, оказалось ошибкой, так как мои пальцы были измазаны соком растений. Один из цветков, по всей видимости, был чем-то вроде лукового растения, так как мои глаза горели, как огонь. Теперь слезы бежали еще сильнее, и я больше ничего не могла видеть.

Мужчина и женщина засмеялись. Испуганно и смущенно я прекратила тереть глаза.

Внезапно мне стало страшно. Я обдумывала, как лучше всего определить, как встать по возможности более незаметно и быстро побежать к родителям. Они не могли быть далеко, я как раз слышала, как мама сказала:

— Здесь отличное место для пикника, — обратилась она к папе. Как раз тогда я вспомнила, что мне строго настрого было запрещено разговаривать с незнакомцами. Незнакомцами были все люди, которых не знаешь, а этих старых женщину и мужчину я никогда не видела.

Осторожно я попыталась отодвинуться от них немного, пока я ползла на попе назад. К моему удивлению, старая женщина сделала шаг в мою сторону и нагнулась ко мне.

— Не бойся, — сказала она.

Между тем она вызывала совершенно противоположное во мне чувство.

— Мне нельзя говорить с тобой, — сказала я действительно испуганно.

— Анна? — крикнула моя мама.

— Мама! — шумела я так громко, как могла. Облегчение наполнило меня. Старая женщина ничего не могла мне сделать. Моя мама забрала бы меня и защитила от нее.

Старая женщина протянула руку и коснулась моего затылка. Ее палец был странно костлявым и горячим, и я с криком вздрогнула.

Постанывая, я приподнялась и осмотрелась вокруг. Я почти была уверена, что увижу их обоих стоящих рядом, но, разумеется, никого не было. Мне было не четыре, а семнадцать и лежала я на твердом полу чердака монны Фаустины. В нескольких шагах от меня спал Себастиано, я немного прислушалась и услышала доносившееся с кровати ровное дыхание.

Что за сумасшедший сон!

Но тогда мои мысли вернулись в прошлое, искали, копали и нашли. Это был не сон. Это произошло на самом деле!

Я сразу же вспомнила, как будто это произошло только что. Старик был Хосе, старушка - госпожа Эсперанса. Сейчас я так же поняла, почему они оба казались мне такими знакомыми. Я с ними уже однажды встретилась, будучи маленьким ребенком, и все напрочь забыла.

Я закрыла глаза и переместилась в мыслях в тот день, когда это случилось.

Я сидела в высокой траве, светило солнце и щебетали птицы. На моих ногах лежали смятые цветы. Мои пальцы были зеленого цвета, как трава вокруг.

Место на затылке, до которого дотронулась пожилая женщина, горело как же сильно, как и мои глаза. Но, тем не менее, не было больно, место просто было горячим, и пока я раздумывала должна ли я начать плакать из-за этого, жар уже ослабел, и чувствовался лишь слабый зуд.

— Теперь у тебя есть дар, — сказала пожилая женщина.

— Используй с умом, — добавил одноглазый старик.

— Анна, где же ты? — услышала я, как меня звала мама.

Старики удалились и исчезли среди деревьев, в то время как я осталась безмолвно сидеть и не понимала, что со мной только что произошло.

Через пару мгновений появилась мама и подняла меня. Я обвила руками ее шею и прижалась к ней. Теперь я все же начала реветь, но в этот раз не от ярости, а от того, что была напугана и одновременно почувствовала облегчение.

— Там была какая-то старая ве-ведьма, — всхлипывала я. — А еще там был Playmobil*-пират!

(*Playmobil — это игровые наборы с элементами конструктора. Прим.перев.)

— Милая, у тебя слишком большая фантазия. — Мама потрогала мою голову. — Боже, у тебя температура!

И таким образом, в этот день не вышло ни пикника, ни последующих венков из цветов. Мои родители отправили меня прямиком в кровать. Врач диагностировал трехдневную лихорадку и назначил покой. И я была убеждена, что все выдумала. Затем не составило проблемы просто все забыть. Мне же было всего четыре. Неторопливо я снова открыла глаза и посмотрела в темноту чердака. Так все-таки это было! За мои периодические ощущения беспокойства я была обязана давней встрече с этими двумя странными Старцами. Они каким-то образом мной ... манипулировали. Похожая ситуация, как у людей, которые утверждали, что их похитили инопланетяне и имплантировали чип. Невольно я потрогала затылок, но там была только гладкая теплая кожа, никакого инородного тела. Он так же не зудел, по крайней мере, сейчас.

Хотя немного болел, но это из-за синяков, которые я получила от Альвизе, когда он меня душил. Так же болело всё тело, словно меня пропустили через гладильный пресс, из-за того, что я ворочалась на моем спальном месте, на твердом полу. Постанывая, я выкарабкалась из-под накидки Себастиано и огляделась.

Сквозь заколоченное свиным пузырем чердачное окно пробивался слабый свет. Но его было достаточно, чтобы понять: ночного горшка нет и в помине.

До утреннего звона колоколов оставалось совсем немного. Будет лучше, если я прямо сейчас схожу в туалет. Мостки скрипели у меня под ногами, так же как и задняя дверь, когда я ее открыла. Но ничто не могло выманить Монну Фаустину из ее покоев. Должно быть, она отсыпалась после ночного подслушивания.

На улице было прохладно. Земля была мокрая, видимо, ночью шел дождь. Дрожа, я все-таки заставила себя выйти наружу. Как и у магазина трав, здесь за домом был небольшой двор с прилегающей уборной. Эта уборная была, если это вообще возможно, еще отвратительней, чем у Матильды. Самая что ни на есть комната страха. Задержав дыхание и читая короткие молитвы о том, чтобы все это быстрее прекратилось, я второпях сделала свое "маленькое дело".

Придя на кухню, я стащила стакан воды и взяла его с собой наверх. Себастиано услышал меня и проснулся. Повернувшись на бок и оперившись на локоть, он вскрикнул от боли.

— Ты уже проснулась.

— Мне приснился кошмар, — Я протянула ему стакан. — Выпей воды, у тебя наверняка жажда.

Я подождала, пока он допил, затем сама сделала несколько глотков.

— Все еще сильно болит? — осведомилась я.

— Почти что нет, — ответил он, но напряженная поза уличала его во лжи.

— Принести нам что-нибудь на завтрак?

— Мне не надо, спасибо.

Что касается меня, то я бы не отказалась чего-нибудь перекусить, но слишком голодной я не была, поэтому решила подождать, пока проснется Монна Фаустина.

— Что будем дальше делать? — поинтересовалась я.

— После обеда мне нужно во Дворец Дожей.

У него был довольно усталый голос, и он не выглядел особо предприимчивым.

— Тебе лучше несколько дней соблюдать постельный режим, — порекомендовала я ему.

— Нет времени. Я должен помешать важному совещанию Малипьеров с советом Десяти.

— Ты имеешь в виду, что они снова попытаются убить Тревиасана там?

— Нет, не на публике. Но это день принятия решения. Важного решения. Они добьются, чтобы Тревисана отклонили большинством голосов. Что в результате приведет к тому, что они перехватят власть себе.

Изнуренно Себастиано откинул голову назад.

— А что насчет меня? — мне не хотелось говорить визгливо, но мой голос звучал, как у расстроенной девушки. — Могла бы я еще что-нибудь сделать? Я имею в виду, предотвратить еще какое-либо события, или что-нибудь подобное?

— Выглядит так, как будто твое задание выполнено. Просто подожди до следующего новолуния.

— Кошмар, который я видел, был собственно совсем не кошмаром, — выпалила я.

— Эти двое Старцев, Хосе и Эсперанса, они всегда казались мне знакомыми, и теперь знаю почему. Я уже встречалась с ними, когда была маленькой. Эта Эсперанса касалась меня. Она прикоснулась к моему затылку пальцем, а затем сказала, что у меня теперь есть дар. Когда спала прошлой ночью, я снова все вспомнила.

— Какой же это дар?

— Зуд.

Он ухмыльнулся.

— Ты же не серьезно.

— Это своего рода интуитивный зуд, так как он начинается, когда приближается настоящая опасность.

Это заставило его задуматься.

— Хм, это могло бы быть нам полезным, пока ты еще здесь.

Я уселась рядом с кроватью, скрестив ноги, потому что мне казалось глупым все время стоять там с вытянутой головой и смотреть свысока на Себастиано.

— Я могу тебе в чем-нибудь помочь? — спросила я. — Я имею в виду, в случае, к примеру, ты захочешь знать, где уборная ...

— Спасибо, но я отдаю предпочтение каналу, так как уборная слишком далеко. Мужчинам с этим немного проще.

Я откашлялась.

— Тогда давай, наконец, поговорим о путешествии во времени. У меня несметное количество вопросов. И монна Фаустина все еще спит, поэтому она не сможет нас услышать.

— Тогда спрашивай.

— Как ты получил эту работу?

— С помощью Хосе. Он работает у нас в университете в качестве кого-то, вроде надсмотрщика архива. Таким образом, он в некоторой степени в курсе последних событий истории. Мы разговорились, и он спросил, хочу ли я взглянуть на парочку исторических находок, которые только что прибыли в хранилище археологического

архива. Конечно же, я согласился.

Меня сразу же охватили самые невероятные предположения.

— Было ли это так же, как у меня? Он дотронулся до тебя своим костлявым холодным пальцем, и ты от этого стал путешествовать во времени?

— Ты имеешь в виду как у людей, которые были похищены инопланетянами и им имплантировали в мозг чип?

— Именно! — выпалила я. — Ты тоже того же мнения, что это могли быть пришельцы?

Себастиано слабо улыбнулся и пожал плечами.

— В конечном счете, с полной уверенностью это утверждать нельзя. В любом случае, Хосе и Эсперанса не из нашего времени, и так же не из того, что до, что допускает только вывод, что они из будущего. И притом из отдаленного.

— Или из какой-то отдаленной галактики, — не отступала я.

— Как бы то ни было. В любом случае, Хосе - страж. Так же, как и Эсперанса.

— Страж?

— В нашем союзе три группы: стражи, заступники и посыльные.

— Бартоломео - посыльный, — сказала я, радуясь, что смогла поделиться своими познаниями. — Посыльные не могут путешествовать во времени, как заступники и стражи. Ты же страж?

Когда он кивнул, я спросила:

— А чем именно занимаются стражи?

— Они дают необходимые указания. Кроме того, они, скажем, координируют все и сопровождают переходы.

— Что ты имеешь в виду под "сопровожают"?

— Они всегда присутствуют при каждом переходе. Без стража у заступника не выйдет перейти через портал.

Я сморщила лоб.

— Ты уже думал о том, что ты окажешься в безвыходном положении, если с этим Хосе или старой Эсперансой вдруг что-то случится?

— Это риск, на который я должен идти, после того как я однажды пустился в это приключение, — добавил он.

— Ты мне ничего не рассказал о специальной обработке, с помощью которой ты стал путешествовать во времени.

— Я посмотрел в зеркало.

— Что за зеркало? — озадаченно поинтересовалась я.

— Абсолютно неприметная старая вещица. Стояла среди всего хлама в историческом архиве факультета. Хосе стянул чехол и позволил мне в него заглянуть. И то, что я там увидел, невысказанно шокировало меня.

— О, Боже, только не говори мне, что Хосе превратил тебя в пришельца! — испуганно попросила я.

— Он не превратил меня в пришельца, — охотно ответил Себастиано. Он снова ухмыльнулся, затем стал серьезным. — Но я видел что-то в зеркале, что мне вовсе не понравилось. А именно то, что станет с Венецией, если не препятствовать определенным событиям.

— Ты имеешь в виду в прошлом, то есть в этом времени? Речь идет об Альвизе, не так ли?

Себастиано кивнул.

— Он уберет Тревисана, как единственного серьезного политического противника. Затем с помощью своего отца добьется поста государя республики. После он каким-то образом захватит власть, которая позволит принимать серьезные решения без участия Совета. Баланс дипломатических отношений, с помощью которых Венеция в следующем столетии выстояла бы в предстоящих военных конфликтах, сойдет на нет. Альвизе стремится добиться для Венеции ведущей роли в процессе колонизации новых континентов, ведущего положения на международной арене, которое приобретут испанцы и англичане. Меньше чем через сто лет из-за этого разразится кровопролитная война, в которой вся Венеция будет разрушена до основания коалицией англичан и французов. Город будет полностью уничтожен. Несколько лет спустя, здесь не будет ничего, кроме необитаемых островов, полных меч-травы и руин.

Затаив дыхание, я следила за его речью, но теперь покачала головой, сбита с толку.

— Этого не произойдет, тогда бы города не было в наше время. Я сама видела, что все стояло на месте. Никто не сжигал Венецию, даже Наполеон!

— Таково положение вещей на данный момент. Но если я в следующий раз вернусь в наше время, то измененное будущее уже может наступить. Будущее, в котором Венеция разрушена. Больше никто не будет задумываться о прежнем ходе истории. Его бы просто не было, также как и города.

— Ты имеешь в виду, воспоминания всех людей в мире изменятся? Примерно так же, как у Тассельхофов?

— Конечно. Таков принцип.

— Но мы помним! Почему наши воспоминания не адаптируются?

— Если бы мы забыли первоначальный ход истории, то не смогли бы вмешаться, чтобы сберечь его, — объяснил Себастиано. — Поэтому мы сохраняем все в памяти, чтобы сделать то, что должны.

— Это связано с тем, что эти Старцы с нами что-то... специально сделали что-то особенное?

— Предполагаю, что да.

Я медленно кивнула, так как все это звучало понятно. Абсолютно дико и ненормально, но логично.

Но одно мне было неясно.

— К какому сорту отношусь я? Страж, заступник или посыльный? В принципе никто из них, или? Вы говорите с такими, как я?

— Я ничего об этом не знаю. Может быть своего рода Джокер. Я спрошу об этом Хосе.

— А Альвизе? К какому подразделению принадлежит он?

Себастиано открыл рот, но не произнес ни звука. Снизу донесся звук шаркающих ног. Монна Фаустина выпалась и снова подслушивала.

— Мне кажется, завтрак бы мне сейчас не помешал, — сказала я. — У тебя есть еще немного мелочи?

Глава 19

После кусочка хлеба и еще одной кружки воды я почти насытилась, но смышленее не стала. То короткое время, что монна Фаустина была в уборной и не могла

подслушать, я не могла больше расспрашивать Себастиано.

Зеркало, по словам Себастиано, показало только очередность изображений с отдельными событиями, к сожалению, дата там не указывалась. Нужно было уловить самому, когда наступят опасные события, и тогда их предотвратить. В этом случае убийство Тревисана. Или упомянутое выше совещание во Дворце Дожей, на котором Альвизе хотел переманить на свою сторону влиятельных людей и подготовить захват власти.

Альвизе, по-видимому, был еще тот случай. Себастиано не мог много о нем рассказать, потому что сразу же, как становилось увлекательно, монна Фаустина возвращалась обратно в дом и занимала свой пост для подслушивания под лестницей. Но я так же узнала, что Альвизе изначально, как и Тассельхофы, перенесся в прошлое. Это произошло пять лет назад.

Себастиано знал понаслышке о том, что не он сам, а его предшественник, парень по имени Джиянкарло, перенес Альвизе на красной гондоле в прошлое. Таким образом, Альвизе нашел свою новую семью, а именно: брата Джованни и отца Петро Малипьеро. Но в отличие от других "перенесенных", у него полностью восстановилась память, и он сразу же принялся вынашивать страшные планы. Почему к нему вернулась память и как ему, вдобавок, удалось туда-обратно путешествовать во времени, Себастиано должен был еще мне рассказать. Как только Монна Фаустина в следующий раз пойдет в уборную или когда мы отсюда уйдем.

Во всяком случае, на этом отвратительном маленьком чердаке мы не могли оставаться. Здесь в течение первой половины дня под низкими стропилами становилось невыносимо жарко. Себастиано после нашего разговора снова уснул, но беспокойно ворочался и стонал каждый раз, когда затрагивал пораненный бок. Временами он кашлял. На лбу выступил пот, и его рубашка вскоре промокла от пота. Он бормотал неразборчивые отрывки фраз, но не просыпался. В конце концов, я решила, что он уже достаточно проспал. Я осторожно потрясла его за плечо.

— Себастиано? Уже скоро полдень. Разве мы не должны что-то ... предпринять?

Вместо ответа он только простонал, что он мог поспать еще пару часов.

Обеспокоенная, я потрогала рукой его лоб - и испугалась, так как под пальцами чувствовался жар. Я не имела понятия об уходе за больными, но то, что у него был жар, заметил бы и самый глупый.

— У тебя жар, — сказала я ко всему.

— Дай мне просто немного поспать, хорошо?

Моя обеспокоенность переросла в панику. Жар мог означать что угодно. К примеру, что рана воспалилась и смерть была поблизости.

Ему нужно срочно к врачу! Конечно, к настоящему, не к тем шарлатанам, которые назывались врачами в этом столетии и главным образом отличались тем, что пускали другим людям кровь.

Мне не оставалось выбора. Я была вынуждена его оставить одного и привести помощь.

Монна Фаустина недоверчиво посмотрела, когда я ей объяснила, что моему супругу необходимо еще поспать и никто не должен его беспокоить.

— У него было напряженное путешествие, — сказала я, что было чистой правдой.

Затем я отправилась в путь. Из тех денег, которые я взяла в кошельке Себастиано, я наняла гондолу. Гондольер осмотрел меня сверху донизу, и когда его взгляд остановился на моем вырезе, я поняла, что все еще одета в бальное платье со вчерашнего вечера и, кроме того, я разгуливала без накидки на лицо. При этом желтый платок Доротеи все еще был у меня с собой. Я крепко завязала его вокруг плеч.

Гондольер причалил у Дворца Дожа, я дала ему несколько монет и попросила его подождать.

На Пиаццо Сан Марко господствовало оживление. Люди толпились плотными группами вокруг обеих высоких колонн у маленькой площади. С дрожью я посмотрела, что же привлекло их внимание. Между колоннами был представлен прикованный мужчина, его грубо толкнули на землю и дернули голову к правому блоку. То, что его должны были обезглавить, я поняла только тогда, когда увидела палача с огромным мечем-права. Находящиеся вокруг люди кричали и смеялись, как будто предстоящая казнь была первоклассным спектаклем. Большинство даже принесли еду и напитки, чтобы скоротать время.

Потрясенная, я отвернулась и начала проталкиваться сквозь толпу. Я прошмыгнула вдоль Дворца Дожей, затем вокруг базилики и через узкий переулок в направлении магазина масок.

Я упорно стучала в дверь, но никто не открывал. Я бы могла сюда вообще не идти. Когда я вернулась к набережной, казнь уже прошла и люди начали рассеиваться. Несколько человек грузили на тележку прах умершего преступника, но я это увидела лишь краем глаза, так как старалась смотреть в другую сторону. Пахло кровью и смертью, отчего мне свело желудок, и съеденный на завтрак хлеб подступил к горлу.

Гондольер привез меня к дому Мариэтты, но и здесь я терпела неудачу. Хосе там не было, и куртизанка также отсутствовала. Я объяснила служанке, которая открыла мне ворота, куда нужно прийти одноглазому Старцу, как только он появится.

— Ему сразу же нужно прийти, так как речь идет о жизни и смерти Себастиано, — умоляла я. Мне нужно было придумать, что-то еще более убедительное, чтобы никому не пришла в голову идея, что я преувеличивала. — У него ужасный жар. Потрясенная, служанка кивнула и пообещала передать все госпоже или испанцу. Я торопливо забралась в гондолу, чтобы добраться до ближайшего к магазинчику трав причала. Я и здесь дала гондольеру деньги и попросила его подождать.

Остаток пути я прошла пешком. Идя по улицам, я заметила, что люди бросали на меня любопытные взгляды из-за моего внешнего вида.

У Матильды глаза вылезли на лоб, когда я вошла в лавку.

— Ты опоздала, — сказала она. — Мы договаривались, что ты начинаешь работу в девять утра.

Словно громом поражённая я вспомнила, что обещала Матильде каждый день приходить помогать. Как же я могла забыть!

Ну, меня чуть не убили. Это было довольно хорошее оправдание моей забывчивости. Мне нужно было позаботиться об одном путешественнике во времени, у которого была высокая температура, и от чьего здоровья зависело, попаду ли я обратно домой. Тот, кто мог думать о подметании и уборке, обладал стальными нервами, у меня же таковых не наблюдалось.

— И вообще, как ты одета? — неодобрительно заметила Матильда. — Ты и в прям хочешь работать в этом обмундировании?

— Вообще-то я хотела взять лекарство от температуры, — правдиво ответила я, дальше уже приврав, — Моя соседка по комнате в монастыре заболела, — еще скорее добавив, — И я все это время за ней присматривала и поэтому забыла переодеться.

— А что будет с работой?

— Я приду, как только смогу, как только дам ей лекарство. — Это снова было вранье или, по меньшей мере, не совсем правда. Я не могла здесь работать, зная, что Себастиано не был здоров. Ему нужна была моя помощь больше, чем Матильде или Клариссе.

Кларисса появилась в лавке, а того светящегося облика, который у нее был накануне, и след простыл. Волосы были как обычно заплетены в косу и поверх простого коричневого платья был надет засаленный халат, который она всегда носила, работая в мастерской.

Мне показалось, будто она вовсе не была рада меня видеть.

Я, извиняясь, откашлялась.

— Я знаю, слишком поздно, но... кое-что произошло. Я могу с тобой поговорить?

Недовольно она пожала плечами.

— Иди за мной.

Я прошмыгнула мимо Матильды и старалась не обращать внимания на ее громкие поругания, когда шла за Клариссой. На кухне сидел старик Якопо, как обычно, занятый резьбой по дереву.

— Посмотрите-ка, — сказал он, дружелюбно улыбаясь, увидев меня. — Маленькое солнышко! Да в каком красивом наряде!

— У меня не было времени переодеться.

— Небось была бурная ночь, — подмигнул он.

— Ну не то чтобы, скорее всего ... досадная. Мне пришлось заботиться о своей соседке по комнате.

— Будем надеяться, что она вскоре поправится, — посочувствовал он.

— Я пришла за лекарством от температуры.

— Кларисса тебе что-нибудь завернет, — ответил Якопо.

Кларисса приняла это к сведению, возмущенно кивнув.

— Оно непременно поможет твоей соседке, — продолжил Якопо. — Кларисса, чего же ты ждешь?

Кларисса и пальцем не пошевелила, чтобы выполнить его просьбу.

— Кларисса, — сказал он огорченно, но с ноткой раздражения в голосе. — Такую я тебя не знаю! Разве ты не хочешь помочь Анне?

Кларисса лишь пожала плечами, словно раздумывая, потом отвернулась и сказала:

— Пойдем со мной.

Она распахнула заднюю дверь, и я последовала за ней через внутренний дворик в подсобку, где хранились лекарственные травы. Как обычно, толстые мухи жужжали около уборной и напомнили о том, что мне предстояло, если я не сделаю все возможное, чтобы заслужить возвращение обратно в двадцать первый век.

— Ты на меня злишься? — смутившись, спросила я, потому что выражение лица Клариссы не смягчилось.

— Отчего мне на тебя злиться? — насмешливо спросила она.

— Ну, Я так быстро ушла с праздника вчера ... Но Барт был же с тобой. Вы хоть хорошо провели время? Он тебя проводил до дома?

Она ничего не ответила, а пошла в сарай и принялась за работу у стола. Ничего не понимая, я последовала за ней.

— Я что-то сделала тебе?

— Лучше молчи! — прервала она меня. — Тогда мне, по крайней мере, не придется выносить твои тупые разговоры!

Я еще никогда не видела ее такой враждебной, поэтому посчитала, что будет лучше помолчать

Высоко подняв плечи, она взялась за дело, насыпав смесь из трав на лист бумаги, который затем аккуратно свернула и сунула мне в руку.

— Это нужно залить горячей водой, — сказала она безразлично. — Он должен выпить все за один раз. На вкус очень приятно, если добавить сахар или мед.

— Кларисса, что же с тобой случилось? — выпалила я. — Чем я тебя обидела? Скажи же мне, чтобы я могла извиниться!

— Ты и извиниться? Ты, идеальная, все знающая, всемогущая, всепонимающая Анна из будущего? — Кларисса зло засмеялась. — Что же ты могла бы сделать неправильно! Ты совершенно не такая, как я! Ты никогда бы не сделала такие ошибки, как я! Ты не должна будешь жить с виной, что из-за тебя умер хороший человек!

— Что за вина? И какой человек?

— Молчи, — она отвернулась от меня. Ее плечи вздрогнули, она начала плакать. Робко я протянула к ней руку, но она грубо отпихнула ее и прошипела мне, что я, наконец, должна исчезнуть.

В шоке я пошла к выходу.

На кухне Якопо посмотрел на меня и улыбнулся.

— Ты получила лекарство?

Я безмолвно кивнула и прошла мимо него с опущенной головой в помещение для посетителей и оттуда в переулок.

Матильда сердито крикнула мне в след, что я не должна прийти обратно слишком поздно, в магазине было огромное количество дел.

Я была слишком сильно выбита из колеи, чтобы ответить. В смятении я побежал назад к причалу.

Ворча, монна Фаустина поставила воду на огонь, когда я попросила ее об этом. Ну, и как обычно, она потребовала деньги за это, хотя бы потому, что она должна была добавить сахар или мед в отвар. Конечно, я дала их ей.

Себастиано был уже не так слаб, как перед моим отъездом; он был даже в сознании, но температура не снизилась, как мне казалось. "Надеюсь, что средство поможет!"

Я меняла повязку Себастиано и сразу поняла, что рана воспалилась. Не нужно было быть врачом, чтобы увидеть, что она покраснела, кожа натянулась, а это не говорило ни о чем хорошем.

— Выглядит ужасно, — сказала я испуганно. — Тебе непременно нужно к врачу.

— Я знаю, — он остановился, так как начал кашлять. Звучало это не очень хорошо.

— Но здесь нет никаких врачей. Во всяком случае, никого, к кому бы я пошел добровольно.

Я рассказала, что пыталась найти обоих Стражей.

— Я была в магазине масок, к сожалению безрезультатно. Эсперансы не было. В доме куртизанок я также попыталась счастье, но никто не знал, где находится Хосе. Поэтому я оставила сообщение, что Хосе сразу надо прийти сюда, как только он вернется. Где он постоянно шляется.

О разговоре с Клариссой я умолчала, несмотря на то, что горела от нетерпения узнать, в какой смерти она меня упрекала. Себастиано не выглядел так, как будто был готов к длинным объяснениям. Бледный и с закрытыми глазами, он лежал на спине. По нему было видно, что он снова испытывал боль.

— Почему ты делаешь все это для меня? — пробормотал он.

— Ну, я же твоя жена. Уже забыл?

Улыбка затронула уголок его рта.

— Знаешь, какое качество мне особенно нравится в тебе?

— Определенно не мой большой рот. Поэтому сделаю ставку на мои длинные золотистые волосы.

Он тихо засмеялся, и сразу же его лицо искривилось от боли.

— Проклятье, ты должна это прекратить, — приказал он мне.

— С чем?

— Шутить. Когда я смеюсь, она дьявольски болит!

— Хм, я, собственно, думала, что смех - лучшее лекарство. Но с дыркой в животе это, вероятно не так весело. Я знаю, каково это, когда вырезают слепую кишку. Мне тогда было семь, но я все точно помню. В первую очередь, как это больно, когда смеешься. Но я не могла по-другому. Папа пришел в больницу и рассказывал мне тупые шутки.

— Тогда у тебя эта жилка от него.

— Может быть. Во всяком случае, он понимает мой юмор, даже если другие не смеются, — я подумала о физических недостатках и о машинках для гольфа, и почувствовала комок в горле. Сможем ли папа и я снова вместе посмеяться над шутками?

— Я тоже понимаю, — сказал Себастиано.

— Кого? Моего папу?

— Твой юмор. И это тоже, впрочем, одно из качеств, которое я имел в виду.

Которые мне особенно нравятся в тебе.

Он повернулся ко мне лицом и посмотрел на меня. Я слегка вздрогнула, когда он неожиданно протянул руку и дернул за один из локонов.

— Твои длинные золотистые волосы, в принципе, тоже не дурны.

— Так значит, мы выяснили это, — сказала я хрипло.

— Да, хорошо, что мы поговорили об этом, — его тон был неопределенным, но во взгляде читался вопрос. Мне стало жарко.

Я с трудом откашлялась.

— Ты еще хотел рассказать мне, как ты получил эту дырку в животе.

С тихой насмешкой он приподнял бровь.

— Я собирался?

— В любом случае, — ответила я решительно.

— Ты сама определенно можешь догадаться.

— Альвизе, — сказала я.

Себастиано смиренно кивнул.

— Когда я высадился в будущем, он уже был там и ждал меня. Со своим кинжалом.

— Как вообще этот парень, собственно, путешествует туда-обратно во времени?

— У него должен быть помощник, но мы не знаем, кто он. Кроме того, должен был быть портал, которым он пользуется, но мы еще не выяснили, где он находится. Но одно, по крайней мере, ясно: он хочет убрать меня с дороги, всеми правдами и неправдами.

"И меня тоже", — с дрожью подумала я. Я почти поверила, что снова чувствую дикую хватку Альвизе.

— Пока мне везло, но в следующий раз он может прицелиться лучше, — говорил Себастиано. — Он дьявольски быстрый с ножом.

— Ты не можешь так говорить, — возразила я. — Ты должен позитивно думать! Возможно, в следующий раз ты поймашь его! Ты тоже быстр. Я сама видела! — вспомнила я. — Лекарство! Оно уже определенно готово. Подожди, я быстро принесу его!

Я пошла вниз, но монну Фаустину нигде не было видно. При этом задняя дверь была открыта, а из уборной доносился звук сильного поноса. Когда я услышала это, мой живот начал урчать, и мне захотелось постучать в дверь массивной уборной и попросить монну Фаустину, чтобы она поторопилась. В этом столетии я определенно испытывала слишком много стресса!

После того как я сделала несколько глубоких вдохов, мои внутренности снова расслабились. Я научилась в некоторой степени возвращать их под контроль, пока представляла, что приняла таблетку сильного Имодиума. Воображаемая таблетка действовала практически так же хорошо, как настоящая, если ее достаточно быстро принять. Иногда мне приходилось мысленно принять вторую, и даже это не всегда помогало. Но на этот раз сработало. Я получила невероятное облегчение от этого, так как если бы дела пошли так и дальше, мне больше никогда не пришлось бы использовать жуткую уборную монны Фаустины.

Рядом с плитой стоял дымящийся кувшин, из которого пахло чаем из лекарственных трав с медом — значит, отвар уже готов. Я как раз хотела пойти с ним наверх, когда Себастиано спустился вниз по лестнице. Он кое-как причесался. Кроме того, он надел камзол и нес его ботинки в руке. Другой рукой он опирался на стену. Лицо было бледным и в поту.

Быстро я отставила кувшин и поспешила к нему.

— Что ты задумал?

— Я же сказал, что мне нужно во Дворец Дожа. Это момент икс. Только что прозвонили к нону. Она сейчас встретится для обсуждения.

— Кто?

— Малипьеры, Тревисан и другие члены Совета Десяти. — В этом разговоре железнодорожные стрелки будущего будут переведены. Неправильного будущего.

— И как ты хочешь этому помешать?

— Сорвать совещание.

— Но я думала, речь идет только о том, чтобы спасти жизнь Тревисану!

— Это было одна часть. Но также нужно воспрепятствовать тому, чтобы Малипьеры смогли перетянуть Совет Десяти на свою сторону.

Неуверенными руками он застегнул деревянные пуговицы на своем камзоле, затем

сел на лестницу, чтобы надеть ботинки. Я присела и помогла ему, потому что ему определенно было тяжело наклоняться вперед.

Озабоченно я осмотрела его.

— Ты не можешь бегать в таком состоянии по всему городу, Себастиано!

Он снова закашлял и, когда закончил, сказал:

— Я могу, и я должен.

— А если в это время сюда придет Хосе?

— Он знает, где меня найти.

— Но ты еще не выпил травяной отвар от температуры!

— Нет времени. Я сделаю позже, обещаю.

— Я иду с тобой, — сказала я, несмотря на то, что из-за безумного страха перед Альвизе мне пришлось проглотить еще одну воображаемую таблетку от поноса.

— Я не могу просить тебя об этом, Анна, — с трудом он поднялся с лестницы. — Я справлюсь и один.

— Если это должна была быть шатка, то она не смешная. Подожди минутку, — я забрала наверху желтый платок, затем вместе с ним покинула дом.

Глава 20

Послеобеденная жара позднего лета повисла над городом, время от времени подувал легкий бриз с моря и приносил с собой запах соли и рыбы. На Рива дельи Скьявони качалось по волнам множество пришвартованных кораблей. Высокие мачты пронзали голубое небо и местами вздымались развивающиеся на ветру паруса. Большинство старых кораблей были красивы и в то же самое время вызывали чувство тревоги, так как они четко показывали, что это было прошлое. Себастиано шел со мной рука об руку, он прямо держал осанку, но его шаги были очень осторожными и каждый раз он останавливался, чтобы откашляться. Казалось, на подходе был бронхит. Капли пота на его лбу и перекошенное лицо свидетельствовали о том, как он старался держать себя в руках, чтобы никто не заметил, что его беспокоила боль в боку. Он не сопротивлялся, когда я взяла его под руку, чтобы аккуратно поддерживать. По той же причине, как я, между прочим, догадалась (или скорее: Я надеялась на это!), он шел накануне под руку с Мариэттой.

— Ты такая молчаливая, — сказал он, в то время как мы шли вдоль пристани в направлении Дворца Дожей.

— Ах, я просто задумалась.

— Об Альвизе?

— О нем тоже.

— А еще о чем?

Я переступила через мертвую рыбешку, выпавшую из бочки, которую нес за плечом проходящий мимо моряк.

Короче говоря, я колебалась, следует ли мне рассказывать Себастиано настоящую причину моей задумчивости и, в конце концов, я просто взяла и рассказала.

— Когда я сегодня ходила к Клариссе за лекарством от жара, она странно намекала о том, что она виновата в смерти какого-то хорошего человека.

Лицо Себастиано помрачнело.

— Так она, наконец, откровенно заговорила?

— Нет, не то чтобы. Я же сказала, это были только намеки. Что она имела в виду?

— Прежде чем я принялся за эту работу, был другой, кто ее выполнял, как я уже упоминал.

Я вспомнила.

— Джианкарло, да?

Себастиано кивнул.

— Очень хороший парень, старше меня на два курса. Я поступил только в университет, когда с ним познакомился. Мы несколько раз играли вместе в футбол и время от времени пили пиво. Он рассказал мне о хорошо оплачиваемой работе на каникулах и что ему может быть понадобится коллега. Я сказал, хорошо, расскажи мне об этой работе, и тогда он познакомил меня с Хосе.

— Что случилось с Джианкарло?

— Он умер через пару недель, и это была вина Клариссы.

Я сглотнула.

— Что случилось?

— Он работал как раз в районе этого времени - в конце восемнадцатого века, что и было временем Клариссы. Он привез ее сюда, и между ними что-то завязалось. Он сходил с ума по ней, но для нее на первом месте было вернуться домой.

Джианкарло пытался отправить ее обратно каждые две недели при новолунии, но ничего не выходило. Как и у тебя, у нее была маска кошки, и ей также было необходимо выполнить задание. Эспернса, наконец, послала ее на какой-то праздник, но Кларисса была не в настроении туда идти.

— Она не пошла, потому что у нее была мигрень, — возмущенно запротестовала я.

— Если это она так утверждала, тогда это ложь, — ответил Себастиано утомленно, но убедительно. Неохотно, но я ему поверила, потому что Кларисса мне уже не раз лгала.

— Она не хотела идти, потому что незадолго она поссорилась с Джианкарло.

Дурацкая ссора без причины, все из-за того, что она приревновала.

— К кому?

— К Мариэтте.

— К Мариэтте? — озадаченно повторила я.

Себастиано кивнул.

— Кларисса тогда жила у нее в доме. Ни в качестве ... ну ты знаешь, а вполне благопристойно в комнате на мансардном этаже. Она могла бы жить и в монастыре, но ей там было очень скучно.

— Вероятно, она тогда не знала, что монашки тоже устраивают вечеринки, — пробормотала я.

— Что ты сказала?

— Ничего. Так она и Джианкарло поссорились и что дальше?

— Она отказалась выполнять поручение Эсперансы...

— Подожди-ка. Кларисса знает старушку Эсперанса?

— Конечно.

И здесь мне Кларисса наврала!

— Она туда не пошла, — продолжал Себастиано. — Она просто не желала признать, что речь шла о жизни и смерти, хотя Джианкарло сказал ей об этом. Там он был один без прикрытия. Его и того человека - важного дипломата, который бы вел судьбоносные мирные переговоры в будущей войне, которого Джианкарло

хотел защитить, заманили в ловушку и убили. Из-за его смерти война будет делиться на два года дольше и принесет множество жертв.

Я до боли кусала губы. Кларисса действительно взяла на себя большую вину, но она же не хотела, чтобы подобное произошло!

— После этого она умоляла меня и Хосе отправить ее обратно. Мы несколько раз пробовали, но ничего не вышло. И дальше бы ничего не вышло, поэтому она должна была смириться, но до сих пор этого не произошло. Эсперанса объяснила, что Кларисса должна повременить, пока придет подходящее время, и она получит второй шанс, в случае, если такой вообще появится.

Пораженная я пристально смотрела перед собой. Кларисса ждала уже пять лет! Какая нечеловечески тяжелая участь из-за какой-то дурацкой ссоры! В довершение всего, которая вспыхнула по хорошо мне известной причине! Какая женщина не приревнует к всегда великолепно выглядящей Мариэтте!

— Я, конечно же, понимаю, что все было ужасно, — сказала я. — Но почему обязательно угнетать такой рабской работой у Матильды?

— В то время она сама себе ее нашла, — ответил Себастиано.

Недоверчиво я посмотрела на него.

— Честно?

Он кивнул.

Этим наш разговор закончился, так как мы дошли до Дворца Дожей.

Перед воротами стояли охранники с метровыми пиками, и некоторое время я нервничала, задаваясь вопросом, пропустят ли они нас вообще. Но снова Себастиано смог удивить меня. С несокрушимой уверенностью волшебным образом он достал из сумки на поясе кусок бумаги и протянул его вечернему стражнику.

Тот протянул его другому, вероятно, потому что он мог лучше читать. После обстоятельного изучения содержимого страж передал бумагу обратно Себастиано и приказал своему коллеге пропустить благородного господина и его жену Гемалин.

— Это стоит в той бумажонке? — спросила я шепотом, когда мы проходили через ворота в форме арки. — То, что я — твоя жена Гемалин?

Себастиано состроил загадочное выражение лица.

— Нужно быть готовым к любым моментам. Кроме того, я же что-то вроде тайного агента. В таких случаях всегда прилагается подходящая жена.

Я почувствовала себя проклятой, когда он сказал это. Что-то вроде девушки Джеймса Бонда.

— Жаль, что у тебя нет разрешения на убийство, — говорила я. — Тогда Альвизе доставлял мне гораздо меньше беспокойства.

— Иногда я уже серьезно задумывался над этим. Но это был бы плохой стиль. Где тогда разница между Добром и Злом?

Я признала это, хотя это пробудило во мне противоречивые чувства. Если он не будет осторожным, его благородные убеждения убьют его в один прекрасный день.

— Но защищаться же можно, — сказала я. — В следующий раз ты должен просто вовремя вмешаться, если ты понимаешь, о чем я.

— Посмотрим, что можно будет сделать.

Именно на этом наше подтрунивание закончилось, так как нас остановили следующие два стражника на подступе к большому парадному крыльцу во

внутреннем дворе дворца Дожа, которым Себастиано в очередной раз должен был показать пропуск.

Тем временем я с любопытством осматривалась вокруг. Две большие статуи, которые в мое время стояли по обе стороны балюстрады, еще не существовали, и двор также показался мне больше или менее застроенным, чем в мое время. Себастиано было тяжело подняться по лестнице. При каждом шаге он тихо стонал, и очередной приступ кашля вынудил его остановиться.

Я старалась встать поближе к нему и поддерживала его.

— Ты уверен, что хочешь через это пройти?

Вместо ответа он сжал зубы и делал шаг за шагом, пока мы не достигли второго этажа. Там мы вновь остановились, чтобы он мог передохнуть.

Я посмотрела по сторонам, но люди, которые шли по балюстраде, едва ли замечали нас. Я увидела несколько представителей власти, закутанных в униформу различных цветов и со шляпами на головах, которые еще больше подчеркивали их достойное происхождение. Другие, напротив, были одеты просто и кланялись, когда человек в рясе проходил мимо, вероятно, это были рабочие ведомства.

Дворец Дожа, как я знала еще из нашей экскурсии, был в это время правительственным и административным центром, с бесчисленным количеством власти и целой кучей чиновников и политиков. Дож также жил здесь, его покои находились на третьем этаже.

Взволнованно я задумалась, смогу ли, вероятно, встретиться с ним лицом к лицу. С настоящим живым Дожем!

— Если ты намереваешься увидеть Дожа, он сейчас не здесь, а в своей вилле на материке.

— Я всегда подозревала, что ты можешь читать мысли, — сказала я.

— Мне бы хотелось, уметь это, — Себастиано жалобно улыбнулся. — Тогда бы я знал, когда в следующий раз Альвизе провернет свои махинации.

— Ну да, но ты же знаешь, что он идет сегодня на заседание, которое тебе нужно сорвать, — сказала я, утешая. — Это уже достаточно ценная информация.

— Она была бы еще более ценной, если бы у меня был для этого хороший план.

Растерянно я посмотрела на него.

— Скажи только, что у тебя его нет! Что мы тогда здесь делаем?

— Мы идем сейчас к этому проклятому залу заседаний, — проворчал Себастиано. Он сделал глубокий вдох и начал двигаться.

— А потом? Подождешь вдохновения, когда мы туда придем? — я бежала рядом с ним, затем перед ним, так что мне приходилось идти вперед спиной, чтобы можно было удобнее смотреть на него. Из-за его раны он не мог слишком быстро шагать, поэтому это облегчало мне задачу, оставаться всегда на шаг впереди и настойчиво смотреть в его глаза. — Послушай, Себастиано, это все так или иначе безумная затея! Давай просто уйдем и подождем у монны Фаустины, пока не появится Хосе. Он должен отвести тебя, наконец, к приличному врачу! Определенно, это будет лучше, чем бегать без плана вокруг места.

— Я не сказал, что у меня вообще нет плана, — возразил Себастиано. —

Признаюсь, он мог бы быть получше, но это определенно плохой, — наполовину нетерпеливо, наполовину от боли он скривил лицо. — Если ты прекратишь скакать вокруг меня, как дьяволенок из коробки, я объясню тебе все.

С нечистой совестью я смотрела, как он мучился, потому что рана болела. Я снова быстро схватила его за руку, чтобы помочь ему при ходьбе. Он хотел, как он только что рассказал мне шепотом, вызвать пожарную тревогу. Так как последний всепожирающий огонь во дворце Дожа был совсем недавно и так как венецианцы едва ли боялись чего-то больше, чем огня, поэтому он решил, что большинство присутствующих политиков сразу побежали бы наружу. Что положило бы внезапный конец, прежде чем хоть одно заявление будет рассмотрено. Некоторые, вероятно, вернулись бы позже, но не все. Вместе с этим намерения Малипьеров провалились бы.

Даже если Себастиано был недоволен своим планом, я же считала его действительно хорошим. Пожарная тревога имела свое преимущество в том, что мы могли незаметно скрыться во всеобщем замешательстве и суете, которые определенно нужно было ждать.

Мы достигли лестницы, которая вела на третий этаж.

Себастиано поднимался по ступеням со стонами и постоянно кашляя, при этом опираясь на меня сильнее, чем раньше, очевидно, ослабев от боли. И мои переживания тоже значительно увеличивались. А также страх перед Альвизе снова возрос. Что, если он считал, что неразбериха после ошибочной пожарной sireны хорошая возможность для того, чтобы атаковать ножом своих врагов? Такой незащитный, каким был сейчас Себастиано, он немного смог бы противопоставить нападению.

Мы попали в украшенный великолепной настенной живописью вестибюль, в котором находилось несколько громоздких дверей. Перед одной из них стояли двое, тоскливо выглядящих, служителей зала, которые удивленно переглянулись, когда Себастиано спросил их о том, здесь ли начинается заседание Совета Десяти.

— Но заседание давно началось, уважаемый господин, — сказал один из двух.

— Оно должно сейчас уже закончиться, — продолжил другой.

Он был прав. Уже в следующий момент крылья большой двери распахнулись, и члены муниципалитета вышли группами из зала. Они интенсивно беседовали, и, кажется, были дела шли хорошо.

Среди них появился кто-то, кого я знала, и он был гораздо в худшем настроении, чем остальные. Это был Тревисан. Он выглядел разочарованным и озабоченным. Никого не было рядом с ним. Казалось, он осознанно хотел держаться на расстоянии от остальных членов муниципалитета, или они от него.

Проходя мимо нас, он поднял глаза. Удивление появилось на его лице, и он коротко улыбнулся.

— Что тут у нас. Маленькая кошечка. И молодой месье Себастиано. Приветствую!

— Месье Тревисан, — Себастиано поклонился. Он заметно собрался с силами, но растерянность была написана на его лице. — Сегодняшнее заседание Совета Десяти уже закончилось? Я думал, оно только должно было начаться! Не вы ли вчера сказали мне о том, что оно должно начаться в районе трех часов?

Тревисан наморщил лоб.

— Я такое говорил? О да, верно. Я сам думал, они должны начать после обеда. Это время упоминал мой служащий. Сегодня утром он пришел ко мне и объяснил, что это ошибка. Заседание было назначено одиннадцать. Оно как раз закончилось, — он угнетенно покачал головой. — И прошло не в мою пользу. Важных членов

Совета Десяти не так легко убедить, но в данном случае Малипьеры легко сыграли в эту игру. У Пьеро были прекрасные аргументы, а его речь была в нависшей мере убедительна, я должен признать. Затем он дал слово своему сыну Альвизе, который снова развеял последние сомнения всех присутствующих.

— Только не Ваши, — выпалила я.

Тревисан пожал плечами.

— Как я могу одобрить отправку нового флота в исследовательскую экспедицию, если у нас нет средств на укрепление морской торговли и для обороны от враждебных стран? Но меня победили большинством голосов. Венеция сразу займется строительством кораблей, приспособленных для плавания в открытом море, чтобы открыть неизвестную страну по ту сторону океана. Я пытался достучаться до их разума, но никто не хотел меня слушать. Вероятно, я могу еще попытаться в Сави и созвать особое заседание, как только Дож вернется. Я выложусь по полной, — пожав плечами он добавил: — Действительно, речь Альвизе Малипьеро была призрачна и увлекательна. Он сказал так: "Захватить новый мир, прежде чем это сделают другие." — покачивая головой, закончил он. — Эти Малипьеро донельзя харизматичны. Прежде всего, молодой Альвизе. А, вон они идут. Победитель во всех направлениях.

На его грустном выражении лица появилась отдаленная нотка восхищения, когда Малипьеро появились посередине группы членов муниципалитета в дверях зала заседания. Признание и воодушевление мужчин можно было почти потрогать руками. Каждый хотел поговорить с Малипьеро, поступать по плечу, выказать похвалу, задать вопросы. Все внимание было обращено к ним.

Даже наше. Я не могла перестать пристально смотреть на Альвизе, и когда коротко взглянула на Себастиано, я заметила, что с ним происходило тоже самое.

Альвизе притягивал к себе взгляды, как магниты, пока гордо выходил в вестибюль вместе со своими отцом и братом, окруженный одобрительно улыбающимися политиками, которые едва ли могли дожидаться осуществления своих планов, потому что они верили каждому его слову.

Сам Альвизе также верил в это, как я смогла понять. Он хотел сделать из Венеции господствующую над всем миром колониальную державу с таким рвением, что сделал бы для этого все и даже пойти по трупам, если придется. Знает ли он, что его честолюбивые планы, в конечном счете, приведут к полному уничтожению города.

Но я сама в голове ответила на свой вопрос. Конечно, он знал. Будучи путешественником во времени, он заглядывал в зеркало. То, что он все равно бесцеремонно шел к своей цели, предполагало только одно: ему было абсолютно безразлично, что произошло бы через сотни лет. Его интересовало только то, что будет происходить только в течение его собственной жизни, а в это время он был бы влиятельным человеком. Возможно, даже самым влиятельным в мире.

В шаге от лестницы он остановился и еще раз повернулся к нам. Несмотря на то, что мы остались на заднем плане, он смотрел на нас.

На долю секунды наши взгляды встретились. Его глаза были как темный лед. Беззвучно, губами он произнес слово, которое я поняла без труда, словно он его очень громко выкрикнул.

Скоро!

Глава 21

— Тревисану определенно удастся вернуть все на свои места, — сказала я в утешение, пока я спускалась по лестнице вместе с Себастиано. Тревисан простился с нами после короткой беседы, так как его ждали безотлагательные дела. — Как-никак, он еще жив, это самое главное условие, чтобы справиться со всем!

Себастиано ничего не ответил на мое, полное надежды, замечание. Он настолько ослаб, что практически не мог без моей помощи переставлять ноги. Когда он понял, что пришел слишком поздно, это, так сказать, дало ему возможность отдохнуть. До этого он все время держался на своих ногах с помощью железной силы воли, но сейчас он израсходовал всю свою энергию.

Я положила его руку себе на плечи, чтобы можно было лучше поддержать, но как только мы, наконец, вышли через арку на набережную, я едва могла держать его в вертикальном положении, так как при каждом приступе кашля он сгибался. Его лицо было серым и изможденным, а тело с моей стороны было горячим, как печь.

— Мне кажется, у тебя высокая температура, — сказала я обеспокоенно. — И этот кашель все еще больше усугубляет.

Казалось, ему это совсем не мешало. Что-то другое его беспокоило больше.

— На обратном пути нам нужно быть внимательными, чтобы за нами не следили, — шепнул он слабым голосом.

— Может быть, нам не понадобится решать эту проблему. Я даже не знаю, сможешь ли ты в таком состоянии вообще вернуться назад.

— Гондола, — пробормотал он. — А потом следить за преследующими.

Я помогла Себастиано сесть в ближайшую, имеющуюся в распоряжении, гондолу и в то время, как он обессилено рухнул на лавку, я приказала гондольеру ехать на Каннарегио, то есть, в направлении, противоположном нашей цели. Прошло не так много времени, когда я заметила, кто плыл за нами: брат Альвизе, Джованни Малипьеро, собственной персоны следовал за нами по пятам. Он сидел в гондоле, которая плыла позади нескольких других гондол, хорошо узнаваемый в своем подсолнечно-желтом камзоле.

Сейчас мне надо было еще подумать, как нам от него ускользнуть.

Я ломала себе голову, что я знала о возможных методах отрыва, прежде всего из различных фильмов с дикими погонями, но, к сожалению, здесь нельзя было на следующем углу поддать газа, чтобы круто повернуть руль, и, поставив на ребро машину, продолжить езду.

— Что бы Вы сделали, если бы хотели уйти от преследования? — спросила я гондольера.

Он прищурил один глаз.

— Вы имеете в виду тех желтых франтов в нескольких метрах от нас?

— Да, — озадаченно ответила я.

— Ревнивый соперник?

Я кивнула и затем смело заявила:

— Он ранил кинжалом моего супруга.

— Ах, теперь я понимаю, откуда у него такая слабость. — Он сочувственно взглянул на Себастиано, прежде чем мне сказать: — Вам можно помочь.

Положитесь на меня.

Через некоторое время он резко свистнул и махнул сплавщику, чья лодка плыла рядом с нашей.

Человек сразу же передвинул свой плот позади нашей гондолы и загородил таким образом путь преследователям. Сплавщик действовал так, как будто было совершенно очевидно, что в этом месте он хотел пересечь канал.

Следом донеслись до нас проклятия Джованни, пока мы не повернули в узкий соединительный канал и не вошли в ближайшее возможное ответвление. Маневр удался, мы оторвались.

— Куда Вам действительно надо? — спросил гондольер.

Я сообщила ему и от всей души поблагодарила его за его активную поддержку.

Он дружелюбно засмеялся.

— Такой красивой паре я помогаю с удовольствием.

Его слова все еще звучали в моих ушах, когда я помогала Себастиано идти к дому вдовы Фаустины. На пути к воротам он так сильно навалился на меня, что я чуть не рухнула под его весом. Кашляя, он прислонился к стене, в то время как я доставала ключи из мешочка и открывала дверь. В глубине души я надеялась, что монна Фаустина не подстерегает нас именно сейчас, так как нам не хватало еще ее любопытства. Но, когда бы мы вошли в гостиную на первом этаже, ее нигде не было видно.

С невероятным усилием мне все же удалось затащить Себастиано наверх, где он без лишних слов упал на кровать и потерял сознание. Не дыша от испуга и от перенесенного напряжения, я опустилась около него на колени и нащупала его пульс. В одно мгновение я была убеждена, что он умер, внезапно умер от слабости и от температуры, но потом он, храпя, вдохнул воздух.

Еще долгое время я сидела около него на корточках и тяжело дышала, до тех пор, пока мое бешеное биение сердца пришло в норму. Потом я спустилась вниз, чтобы забрать котелок с травяным отваром.

К моему удивлению я нашла кувшин, но не бульон. Очевидно, монна Фаустина вылила его. Или... С зарождающимся недоверием я обнюхала несколько деревянных кружек и в одной из них нашла остатки лекарства.

Эта старая кляча! Она просто все выпила! Я выскажу ей свое мнение, как только она вернется!

Я снова заняла пост у кровати Себастиано. Он снова заснул. Возможно, ему просто нужен был покой, чтобы выздороветь. В любом случае это лучше для здоровья, чем бегать по городу и играть в команду копов.

Еще лучше для здоровья было бы, попросить помощь и уход врача.

Время от времени он просыпался и слабым голосом сообщал, что хочет пить, после чего я вливала ему воду в рот. Один раз он попросил то, что заставило меня задуматься. Полностью исключено, чтобы он пошел в уборную в таком состоянии.

Второй раз он не сможет подняться по крутой лестнице, даже с моей помощью.

Я поспешила вниз и зашагала прямо в комнату монны Фаустины, потому что я предположила, что ночной горшок находился там, где его ставят большинство людей в этом времени, под кроватью.

Вонючий, затхлый воздух ударил мне в нос, когда я вошла в комнату. Ставни были закрыты, но через расселины просачивался дневной свет, чтобы рассмотреть очертания кровати.

Я как раз захотела нагнуться за ночным горшком, когда заметила фигуру на кровати. Испуганно я отпрянула назад.

— Монна Фаустина! — пропищала я. — Ах, вы дома!

Вместо ответа послышался тихий храп.

— Монна Фаустина? — спросила я чуть громче.

Снова никакого ответа. Ее сон был очень глубоким. Очевидно, у нее была не совсем хорошая ночь.

Я приняла решение, что все было бы в порядке, если я одолжу у нее ночной горшок. Кроме того, она просто выпила лечебный отвар, даже не спросив разрешения.

Хотя Себастиано был слаб, как маленький ребенок и едва ли мог принять сидячее положение без помощи, он настоял на том, чтобы я оставила его одного на время, пока он будет писать. Что в данном случае означало, что мне пришлось бы подождать внизу, пока он закончит.

От всех этих карабканий по лестнице туда-сюда я безнадежно вспотела и растрепалась. Мои зубы казались грязными, волосы жирными и свисали паклями, а под мышками появились пятна пота, большие и мокрые как карьерное озеро. Единственной светлой полосой на горизонте было то, что в конце следующей недели я могла снова вернуться домой. Я предотвратила плохое событие и тем самым заработала обратный билет.

Вздыхнув, я одолжила у монны Фаустины еще и гребень, мыло и миску для умывания, а затем следующие пятнадцать минут я пыталась, по крайней мере, привести в порядок лицо и волосы настолько, чтобы снова могла почувствовать себя человеком.

Только потом я поняла, что забыла проверить гребень, перед тем как использовать на наличие вшей. Теперь мне оставалось надеяться только на то, что их там не было. Это опасение было довольно обоснованным. Так как я знала, что в это время людей регулярно атаковали вши. Дела Матильды по продаже средств от вшей шли блестяще.

Я снова разложила вещи для ухода монны Фаустины на место в шкаф в коморке. Она все еще храпела и совершенно не замечала моего присутствия. Это полностью меня устраивало, так как она не могла нервировать нас некоторое время.

Я как раз хотела снова подняться наверх, когда во входную дверь постучали. Мой пульс сразу увеличился до ста восьмидесяти. Осторожно я выглянула в маленькое окно рядом с дверью, но через грубые оконные стекла смогла разглядеть только контур человеческой фигуры в переулке, но не определила, кому она принадлежала.

— Кто-нибудь дома? — крикнули снаружи.

Я сразу узнала голос. Это была Мариэтта!

Я поспешила к двери и открыла ее.

— Анна, бедный ребенок! — поприветствовала меня Мариэтта. Она убрала паранджу и посмотрела на меня вниз, с высоты своего роста метр восемьдесят, так заботливо, что я почувствовала себя как ребенок в детском саду.

Как и при наших ранних встречах, она выглядела идеально: кудри тщательно собраны в прическу, приличный макияж, а также непревзойденная свежая элегантность. Я сразу заметила, как мои пятна пота увеличиваются.

Я попыталась заглянуть за ее плечо.

— Где Хосе?

— Он, к сожалению, еще не вернулся, — сказала Мариэтта с раскаянием. — С ним никогда не знаешь, как долго продлится его путешествие на материк.

Ага, так значит он в официальной поездке. Но он еще должен был сказать? Я путешествую во времени?

То, что Мариэтта не знала ничего об этом и, следовательно, не принадлежала к посвященным, я находила, по необъяснимым причинам, утешительным. Что, однако, все еще не объясняло, как она могла быть старой, хорошей подругой Себастиано. А также, насколько хорошей была их дружба.

— Домовладельцев нет дома? — спросила она, когда входила. При этом она держала большую корзину с ручкой, которую так грациозно несла в руке, как будто речь шла о самой крутой сумке от Kelly.

— Она спит. — Объяснила я, глядя на комнату монны Фаустины, двери которой все еще были открыты.

— Ты уверена? — Мариэтта сморщила лоб. — Она глухая?

— Нет, наоборот.

— Тогда ее сон должен быть очень глубоким, — сказала Мариэтта. — Где же Себастиано?

— Наверху, на чердаке. — Я шла впереди и при этом испытывала моральное удовлетворение, что Мариэтте не так легко было подниматься по лестнице как мне. Иногда есть и свои плюсы, быть не таким уж и высоким.

Наверху она поставила коробку и поспешила к месту расположения Себастиано.

— Мой дорогой! Я слышала, у тебя температура! Как ужасно!

— Ах, у меня нет слов, — пробормотал он. — Здорово, что ты здесь. Если бы не ты!

— Не говори так. Для чего же друзья? А теперь, дай мне осмотреть тебя, чтобы понять, смогу ли я чем-нибудь помочь тебе!

Вероятно, она могла, так как определенно играла в более высшей лиге, чем я в оказании первой помощи. Без особой суеты она размотала повязку и осмотрела его рану, затем достала из корзины тигель с мазью и нанесла зеленотоватую кашицу на повреждение, чтобы затем искусно и быстро перевязало. При этом ей не составляло никаких проблем передвигать Себастиано, что намного упростило наложение повязки.

Затем она подала мне маленький холщевый мешок.

— Внутри надежное лекарство от температуры. Залей его горячей водой, это должно облегчить его страдания.

Еще одно очко в ее пользу, так как приобретенное мною с таким трудом жаропонижающее средство, к сожалению, было выпито кем-то другим.

Я делала все, что она мне поручила, так как в моих же интересах было, чтобы Себастиано снова выздоровел. Поэтому я вскипятила воду, опорожнила ночной горшок и затем принесла чан с холодной водой наверх, чтобы Мариэтта смогла сделать компресс на голову.

— Это верное средство от температуры, — объясняла она, пока показывала мне, как размещать компрессы. Я внимательно следила, хотя у меня руки чесались оттащить ее от кровати, так как мне не нравилось, как она клала руку на бедро

Себастиано во время всей процедуры.

Между тем я давно объяснила себе, почему я у меня случались эти строптивые припадки, как только Мариэтта появлялась рядом с Себастиано, я начинала ревновать. Такого еще не происходило со мной раньше.

Из этого можно было сделать только один вывод: Я втюрилась в Себастиано.

"Ты спятила", сказала я внутри себя испуганным голосом. "Ты не можешь влюбляться в такого парня, который туда-сюда прыгает во времени и постоянно впутывается в поединки с ножами."

Но уже ничего не могла с этим поделать, я уже влюбилась. И вполне безнадежно и полностью.

— Отвали, — пробормотала я.

— Что, — спросила Мариэтта.

— Ничего, — я обессилено опустилась на дощатый пол рядом с ней. Себастиано снова заснул. Его дыхание было тяжелым и глубоким.

— Ты знаешь его уже давно? — хотела я знать.

— С четырех лет. — Мариэтта засмеялась. — Он был еще мальчиком. Но невероятно быстрый боец. Он спас мне жизнь, ты знаешь?

— Правда? — спросила я, сбита с толку.

Она кивнула.

— В то время дом, в котором я жила, принадлежал не только мне, но и моей тете. Я жила у нее, так как мои родители давно умерли. Моя тетя заботилась обо мне.

Наверное, она с сожалением хотела сказать, что научилась у своей тети всему, что должна знать успешная куртизанка. Мое предположение подтвердилось следующими словами Мариэтты.

— У девушки в Венеции не так много возможностей жить независимо и при этом в достатке, — откровенно призналась она. — Избранный мною вид деятельности неоднократно считался проклятым, но она не самая плохая. Я хорошо научилась этому от моей тети.

Я кивнула, и мне вдруг стало стыдно, так как я представила себе, какой жалкой я казалась на ее месте, без родителей, без школьного образования, без возможности найти работу. И без покровителя, который спрячет под свое крыло в крайнем случае.

— Однажды моя тетя и я отправились на прогулку на гондоле. Я получила новое, красивейшее платье, светило солнце, я была счастлива настолько, насколько могла. Мы шутили и радовались жизни. Затем в нашей лодке появился этот парень и нанес удар моей тете. Ревнивый... знакомый, как выяснилось позже. Он, видимо, не мог вынести, что она была и с другими мужчинами. Я хотела кинуться ей на помощь, а он просто пошел на меня. Он уже приготовился атаковать, но тогда с набережной прыгнул Себастиано и обезоружил его, — она вздохнула. — Он смог спасти меня, но моей тете было уже не помочь. Она умирала на моих руках.

— Мне очень жаль, — сказала я пораженно.

— С тех пор я в долгу перед Себастиано и благодарна любому случаю помочь ему. Я слишком сильно хотела знать, что это были за случаи, но не осмелилась спросить об этом. Поэтому просто продолжала молча сидеть на полу, пока Мариэтта, в какой-то момент, не встала и не объяснила, что ей теперь нужно идти, так как скоро придут первые гости на ее вечерний праздник.

В самом деле, снаружи уже стемнело. Я сразу же заметила, насколько сильно я устала.

— Ах, да, пока не забыла, здесь еще чистое белье для тебя, — она вынула из корзины белоснежную рубашку до пола и протянула мне. — Завтра я постараюсь доставить твой сундук из монастыря.

— Но никто не должен узнать, куда его доставят, — сказала я.

— Мой бедный ребенок, я знаю, что здесь находится тайное убежище, — ответила Мариэтта снисходительно. — И какой Альвизе кровожадный проказник, я также узнала. Я буду внимательна, не переживай.

— Когда ты снова придешь? — я ненавидела себя за этот беспомощный тон, но еще хуже был мой страх, только Бог знает, как долго мне сидеть здесь наверху без дела и бояться за жизнь Себастиано.

— Завтра утром приду я или Хосе. Ночью тебе нужно присматривать за Себастиано и накладывать компресс, если поднимется температура.

Я пообещала делать это и затем проводила ее вниз, чтобы открыть ей дверь.

У калитки я еще раз поблагодарила ее за помощь, затем закрыла за ней дверь и внимательно прислушалась, храп монны Фаустины все еще был слышен. От шума я почувствовала себя еще более уставшей, поэтому забралась назад по лестнице и, как и предыдущей ночью, разбила себе временный лагерь на полу. В скором времени я глубоко и крепко заснула.

Глава 22

Как и надеялась, я проснулась с первым ночным звоном. Это был едва уловимый звон, но я, перед тем, как заснуть, дала себе установку, что обязательно при легчайшем шуме должна проснуться, чтобы проверить Себастиано. Казалось, мое внутреннее распоряжение сработало, потому что я вскочила при первом же слабом колокольном звоне и громко простонала, потому что сон на жестком полу не пошел мне на пользу. Все тело было каким-то затекшим, что я едва смогла подняться на ноги. Слегка я размяла мышцы, покрутила туда-сюда головой, пока я мало-мальски не смогла снова нормально двигаться. Затем я подошла к постели Себастиано и нагнулась над ним.

В этот раз мне не было необходимости прощупывать его пульс, чтобы удостовериться был ли он еще жив. Он так громко дышал, что не могло быть и капли сомнения. Тем не менее, было неясно, как долго он еще продержится, потому что каждый раз, когда он вдыхал, в груди были слышны хрипы, как будто там обитал пришелец, который лежал при смерти. Я осторожно положила руку ему на лоб и ахнула от ужаса. У него и до этого была высокая температура, но теперь это было словно отопление, по меньшей мере, на отметке пять. Он накалялся!

Я лихорадочно возилась с принадлежностями для света, пока я, наконец, не зажгла сальную свечу, и затем поторопилась, принести холодную воду, чтобы можно было наложить Себастиано свежую повязку. Монны Фаустины не было ни слышно, ни видно, в случае, если она вообще вставала, но я этого не слышала. Где-то глубоко в голове промелькнула мысль, что что-то смешное произошло, но я не придала этому значения, потому что и других проблем было достаточно, которые были по-настоящему серьезными.

Когда я сняла с него простынь, чтобы заново обернуть голени, Себастиано

проснулся и начал снова кашлять. Но он не пришел в себя, а только выкрикивал разнообразные слова. Когда я начала оборачивать голени пропитанными водой полосками полотна, он начал отбиваться и кричать на меня, будто я хотела ему причинить боль.

— Оставь меня в покое, иначе я тебя прикончу! — орал он. Затем снова случился приступ кашля.

Растерявшись, я уставилась на него. Его лицо при свете свечи было багрового цвета, и глаза дико закатились, так, что только были видны белки глаз.

— Мне нужно идти, — простонал он. — Я должен ... должен его остановить! Он бредил и бормотал бессмысленные проклятия, постоянно прерываясь приступами кашля, в то время как я дрожащими руками накладывала на ногу повязку, а затем просто сидела рядом с ним. Сильно болели глаза, потому что я неустанно за ним наблюдала, стараясь не упустить ни малейшего изменения в его состоянии. В перерывах, когда он становился немного спокойнее, я давала ему травяной отвар Мариэтты и вытирала лицо и шею, потому что половина всегда проливалась.

Я брала его руку и ласково разговаривала, когда его голос звучал боязливо, и я приказывала ему не нервничать, когда он злился. Снова и снова он кашлял, пока не оставалось воздуха, и я бы предпочла в панике вскочить и громко кричать о помощи.

Прозвучал второй ночной звон, так же тихо, как и первый, но для меня он звучал словно похоронный.

Невольно я сложила руки и начала закрывать глаза, молясь.

— Милостивый Господь, пусть он выкарабкается. Нет, не потому, что он должен отправить меня домой, конечно, нет, а потому, что он такой молодой и ему еще нужно спасти Венецию. И потому что было бы скверно, если бы Альвизе выиграл. И потому ... потому что я в него влюблена.

— Это правда?

Я подняла глаза. Себастиано перестал ворочаться и бормотать под нос. Его взгляд был устремлен прямо на меня и был ясен.

— Э ..., — запнулась я. — Ну да. Что я только что сказала .... Это все нервы, ты знаешь.

— Точно нервы?

— Я не знаю. — Я с трудом сглотнула, потом сделала глубокий вдох. — Нет. Это не нервы. Я имею в виду, на самом деле нервы. Я хочу сказать, что у меня нервы на пределе ...

Он слабо ухмыльнулся правым уголком рта.

— Хорошо, — сказал он.

— Что хорошего? — спросила я, опасливо разыскивая дальнейшие знаки на его лице того, что мое любовное признание было смешным.

— Что ты об этом сказала.

— Ты...

Он взял меня за руку и притянул к себе.

— Это была шутка. Хорошо, что ты сказала. Теперь мне больше не нужно беспокоиться, ответишь ли ты на мои чувства.

— Ох, — едва произнесла я, охваченная противоречивыми чувствами. Я была на

седьмом небе от счастья и в то же самое время так боялась за него, что у меня дух переняло.

— Вообще-то это тот самый момент, когда нужно поцеловаться, — проговорил он.

— Но я боюсь, что это невозможно при таком кашле.

Словно в подтверждение у него начался очередной приступ кашля.

Я не знала, что сказать. Возможно, у него воспаление легких, от этого можно умереть! Мне стало плохо от страха.

Вскоре он снова уснул, но это был беспокойный сон. Обертывание голеней немного сбilo температуру, он больше не бредил и не метался во сне. Но он неправильно дышал и должен был снова закашлять.

Ночью я больше не отважилась уснуть. С открытыми глазами я просидела на полу около кровати и ожидала появления утра.

На улице уже рассвело, когда внизу я услышала шум. Вначале я подумала, что это Мариэтта уже вернулась, но затем зазвучал отчетливо голос монны Фаустины, которая проклинала все на свете. Ее голос звучал беспомощно, поэтому я заставила свое ноющее от боли тело выпрямиться и спуститься вниз по лестнице. Монна Фаустина сидела со свешенными ногами на краю кровати и ругалась. Волосы торчали во все стороны, как запутанная серая шерсть, и ее ночная рубашка была запачкана. В комнате воняло, словно ее стошнило.

— Мне плохо, — излишне объясняла она. — Это должно быть яд.

Я испугалась.

— О чем Вы говорите?

— О травяном настое, которое Вы принесли с собой.

— Он предназначался моему супругу!

Она уставилась на меня.

— Тогда Вы хотели отравить его!

— Безобразие. Это было лекарство! Я же говорила Вам!

— Поэтому я его и приняла, всего лишь крошечную кружечку. — Она показала большим и указательным пальцами сколько.

— Вы что-то не выглядели больной!

— Я была здорова. У меня только были отходящие газы и понос, поэтому я подумала, что, может быть, мне поможет это лекарство...

Я вспомнила, как она вчера заняла уборную, по меньшей мере, это было связано с вздутием живота и поносом. Только вот количество принятого лекарства она явно преуменьшила, так как от отвара ничего не осталось.

— Как только я выпила, у меня закружилась голова и меня охватила усталость.

Руки и ноги меня не слушались, и из-за своей неуклюжести я пролила остаток отвара. — Она вызывающе взглянула на меня. — Радуйтесь, в противном же случае ваш муж выпил бы его и, наверняка, был бы уже мертв.

Леденящий холод пробежал по моей спине, когда я поняла, что она говорит правду. Кларисса... Нет, это невозможно! Она не могла так поступить!

"У нее на совести уже Джанкарло", — сказал суровый голос в моей голове.

Но я не хотела в это верить. Просто ужасно думать, что она на это способна. Это была не она!

"А если все же?", — спросил беспощадный голос. Вдруг я вспомнила, о чем она говорила.

"Он должен все это выпить залпом. Вкус будет вполне приятный, если добавить сахар и мед."

Эм..?! Как она могла знать, что речь шла о Нем? Я сказала Якопо, что моя соседка по комнате заболела, и Кларисса стояла рядом. Конечно же, я планировала все разъяснить в подсобке, пока Якопо не мог нас слышать, но разговор к этому не пришел, потому что она была очень враждебно настроена.

"Она была так недружелюбна, потому что уже планировала убить Себастиано", — сказал голос.

"Но откуда Кларисса знала, что он именно тот, кто болен?", — переспросила я сама себя.

Потому что ей об этом сказал Альвизе.

— Вы хотите там вечно стоять, уставившись в одну точку, вместо того чтобы помочь смертельно больной старой женщине? — ворчала монна Фаустина, несмотря на физическую слабость.

Я позаботилась о ней, так как чувствовала себя виноватой, хотя я была ни при чем, что она выпила этот отвар. В то же время, я ей была благодарна за то, что она его выпила, так как это привело к тому, что она вылила остаток отвара. Одной кружечки хватило, чтоб вырубить ее на сутки. Еще пару глотков и она, возможно, уже никогда бы не поднялась.

Я не осмеливалась подумать, что бы произошло, если бы Себастиано выпил бы этот отвар. У меня пробежали мурашки по спине.

Я помогла монне Фаустине добраться до уборной, принесла ей таз с водой, чтобы умыться и затем протерла тряпкой пол от рвоты. После того как я принесла ей свежую рубашку из платяного сундука и помогла расчесать безнадежно запутанные волосы, я, наконец, могла снова подняться наверх и проверить Себастиано.

Он не спал, но был явно не в себе. Температура выросла до астрономических высот, ему срочно были нужны новые компрессы. Но, как я догадывалась, компрессы ему больше не помогли бы, потому что хрипы в легких усилились.

Слышалось, будто он дышал водой. Затем у него случился приступ кашля, который так сильно его встряхнул, что он потерял сознание. Только тяжелое дыхание свидетельствовало о том, что он еще был жив.

В отчаянии я взглянула на него. Он скоро умрет, чтобы это понять, не нужно было быть врачом. Это я не смогла его уберечь, поэтому начала плакать, хотя я должна была оставаться сильной, иначе не для кого быть сильной.

Прямо после того, как я начала плакать навзрыд о моем несчастье и страхе, постучали в ворота. Я буквально полетела вниз по лестнице и так лихорадочно отодвинула дверную щеколду, что сломала ноготь. Затем я снова зарыдала, но в этот раз от облегчения.

Снаружи стояли Барт и Хосе.

— Мы пришли так быстро, как только смогли, — сказал, запыхавшись, Барт.

— Где он? — спросил Хосе, проходя мимо меня в дом.

— Наверху. — К моему беспокойству еще добавился гнев. — О быстроте не может идти и речи. Вы знали, что он ранен! Почему вы не пришли раньше?

— Иногда обстоятельства не позволяют, — сказал Хосе таким же лаконично-загадочным образом, которым Себастиано неоднократно приводил меня в ярость. В этот раз от меня уже не так легко отделаться. Я открыла рот, чтобы напустить с

упреками, что то, что он исполнял в будущем или в каком еще там времени, могло бы и подождать день, но я не смогла произнести и звука.

Причиной был запрет, который возник как раз в тот момент, когда монна Фаустина дала о себе знать из своей спальни.

— Кто там пришел?

— Никто, — заверила я.

— Но я слышу два незнакомых мужских голоса.

— Это отец и брат моего супруга, — соврала я.

Хосе мимолетно оскалил зубы и прищурил свой здоровый глаз, перед тем как ловко вскарабкался, словно обезьяна, по лестнице, следуя за Бартом, который выше всякой меры проявлял беспокойство.

— Что этим мужчинам здесь надо? — ныла монна Фаустина.

— Забрать моего бедного мужа и отвести его в больницу, — прокричала я, поднимаясь вверх.

Под крышей едва хватало места для всех нас. Призрачный серый свет наполнял низкую маленькую комнату, в которой стоял резкий запах пота и болезни.

— Надо поспешить, — сказал Хосе после быстрого осмотра Себастиано.

Больше всего мне хотелось засыпать его упреками за то, что он так поздно пришел, и, вообще, что он вовлек Себастиано во все эти путешествия во времени; за то, что он чертовски таинственно появлялся и исчезал, когда ему было выгодно. И последнее, не менее важное, что он нагнал на меня страху, когда я была еще маленьким ребенком. Я снова вспомнила, как не хотела играть с Playmobil-пиратами. Я очень хотела, чтобы их выбросили, и, когда мама отмахнулась от этой чуши, я быстренько смыла фигурки в туалете. Как странно, что я это забыла!

У меня бешено забилося сердце, когда я увидела, как Барт склонился над Себастиано, осторожно его приподнял и погрузил на плечо, будто мешок с мукой. Он плавно и осмотрительно принялся за работу, и я поняла, что способа получше не было для транспортировки Себастиано в бессознательном состоянии вниз по крутой лестнице. Однако, увидев болтающиеся голову и руки Себастиано за спиной Барта, я сразу же расплакалась.

— Мне надо в уборную, — плаксиво сказала монна Фаустина.

Я пошла в спальню, всунула ей в руку ночной горшок, а затем последовала на улицу за мужчинами.

— Мы сами позаботимся о нем, — сказал мне Хосе. Он ждал у каменной береговой ограды, в то время как Барт осторожно укладывал Себастиано, который был без сознания, в гондолу.

Я должна убедиться в этом своими собственными глазами.

— Тебе нельзя с нами. Это может быть опасно.

— Мне наплевать на это. — Я устроилась в гондоле за Бартом. Им пришлось бы применять силу, чтобы высадить меня из лодки.

Хосе скривился, но, к счастью, не попытался со мной спорить.

Зато вмешался Барт.

— Будет лучше, если ты останешься здесь. Нас могут увидеть те, кто охотится за нами.

— Я не боюсь.

Это было правдой лишь отчасти, так как я чудовищно боялась. Но не тех, кто

охотится за нами - даже если это звучит запутывающе и таинственно - но страх был от того, что у Хосе не получится вовремя отвезти Себастиано к врачу.

Хосе взял весло, поднял его и привел лодку в движение. Как обычно, он греб быстро и ловко, так, что мы вскоре достигли своей цели. Это была пристань, находящееся недалеко от кампо Санто-Стефано.

Барт положил Себастиано на плечо и выбрался на берег. Я шла за ним по пятам, в то время как Хосе швартовал гондолу и затем поспешил за нами, чтобы встать во главе нашего маленького отряда.

По пути нам никто не встретился, хотя уже рассветало. Скоро взойдет солнце, даже если его лучам будет тяжело пробиться сквозь туман. Облака тумана клубились между домами и над каналом, а церковь Сан-Стефано торчала из рассеянной серости, словно массивная тень, которая, если подойти ближе, превращается в прочный камень. Любая церковь, крыша которой была видна, выглядела, словно перевернутый корпус судна.

Башня, которая бросилась мне сейчас в глаза, была в этом столетии уже наклоненной, если даже не больше наклоненная, чем в мое время. Я вспомнила, как сидела в этом месте с Маттиасом Тассельхофом и ела трамеззини. Именно на этом месте я впервые увидела Себастиано. Это произошло всего пару недель назад, но мне казалось, что с тех пор прошло несколько лет, несмотря на то, что еще ничего не произошло.

Хосе отворил церковную дверь, которая со скрипом поддалась, этот звук вернул меня снова на землю. Хосе придержал дверь, чтобы Барт прошел первым. Он без промедления потащил Себастиано к алтарю, затем остановился у колонны и аккуратно положил его на пол.

Я оставалась стоять и почесала затылок, так как он начал зудеть.

— Сейчас что-то произойдет, — взволнованно сказала я Хосе.

Он резко посмотрел на меня, заметил, что я чешу затылок и озабоченно посмотрел вовнутрь. Затем мы одновременно повернулись к алтарю, откуда раздавался шум. Дверь около соседней ризницы открылась.

— Там кто-нибудь есть? — спросил грубый мужской голос.

Барт встревожено встал. Хосе поспешил к Себастиано и склонился над ним.

Испуганно я заметила тонкие линии из белого света, которые начинались примерно в середине колонны и спускались ниже, где было видно отверстие.

— Вы должны отвлечь мужчину, — тихо сказал Хосе, в то время линии света обвивали его и Себастиано, как будто их тела были окантованы лазерным лучом.

— Окно нестабильно. Когда он придет и увидит это все, портал исчезнет и все будет напрасно.

Барт и я тут же отреагировали. Как будто сговорившись, мы побежали в одно мгновение в направлении ризницы. Барт прибежал туда быстрее меня, у него были более длинные ноги, и он, однозначно, был лучшим бегуном. Перед нами появился монах. Его удивленно раскрытый рот напоминал темный овал на светлом лице.

Барт бросился на него и толкнул его назад в ризницу через открытую дверь. Монах издал протестующий крик.

Краем глаза я заметила позади себя белые блики, но не обернулась, а сделала шаг вперед и захлопнула дверь в ризницу.

Изнутри он колотил дверь, а затем я услышала, как монах во все горло выругался.

Я сделала вдох и направилась к колонне, но яркий свет исчез. Поспешно я побежала к месту, где Барт оставил Себастиано. Медленно я выдохнула набранный воздух, в то время, как обходила колонну, в страшном ожидании, что он еще лежит там, потому что портал уже был закрыт. Свет так быстро погас, и я не слышала треска до тех пор, пока не упала дверь.

Но на упомянутом месте я никого не нашла. Как Себастиано, так и Хосе исчезли. Они сделали это. Дела все еще были не плохи!

Бурный зуд ослаб до легкого жжения, все еще неприятное, но уже легче переносимое.

Облегченно вздохнув, я направилась назад к ризнице. Я осторожно открыла дверь и ужаснулась. Барт дрался с монахом в рукопашную. Он лежал на животе, на полу, на его лбу была рана, из которой текла кровь. Над ним, согнувшись, стоял его противник, закутанный в темную рясу и крепкого телосложения. В кулаке у монаха было оружие, которым он ударил Барта - массивный подсвечник. Свечи из него выпали и покатались по полу, и, когда я подошла ближе, чуть не поскользнулась на одной.

Барт застонал и задвигался, после чего монах, к моему удивлению, нанес очередной удар.

В конце концов, он повернулся ко мне, со злостью сжимая подсвечник. Когда он сделал шаг ко мне, я отступила назад.

— Я могу все объяснить,- заикаясь, сказала я.

Но он не обращал на это никакого внимания.

— Коллективное ограбление! — проворчал он, подняв подсвечник, чтобы ударить. Я быстро развернулась и побежала.

Глава 23

Я пряталась в пределах видимости под воротами, готовая чуть что-то сразу же бежать, но все же монах вовсе не пытался преследовать меня. Дрожа, я прижалась к стене и уставилась на ворота церкви. Спустя некоторое время вышел мужчина в монашеской рясе, и я снова хотела броситься в бегство, но это был другой монах. Он спешил через площадь, однако не в моем направлении, а исчез в противоположном переулке.

Какое-то время ничего не происходило. На нервах я начала грызть ногти. Все больше людей появлялись в поле зрения и пересекали площадь. Рабочие, торговки, рыбаки. Для многих людей в Венеции день начинался рано. Мой страх перед тем, что меня заметят, рос, но неизвестность о судьбе Барта заставляла терпеливо ждать, пока я не узнаю, что с ним случилось.

Затем появился монах, который недавно покинул церковь, за ним на буксире шли три стражника. Все мужчины зашли церковь и через короткое время снова вышли наружу. Двое из них тащили Барта за собой. Он скорее спотыкался, чем шел, его поймали, Барт опустил голову, а руки были связаны за спиной.

Я глубоко вздохнула. Слава Богу, он был еще жив! Теперь я должна всего лишь разузнать, куда его уводили.

Мой план - последовать за мужчинами незаметно - провалился уже в самом начале. Монах, который ударил Барта, внезапно появился в церковном портале и посмотрел вслед часовым и их пленнику с довольным выражением на лице. Я мгновенно

снова скрылась под воротами и решила больше не искушать судьбу. Во время преследования часовых я бы узнала только то, что было очевидным, они отвели бы его в тюрьму, а где она была, я знала. Темница находилась в подвале дворца Дожа. Недолго думая, я скрылась в переулке и направилась к магазину масок.

Моя надежда найти там Эсперансу быстро разбилась. Магазин выглядел покинутым, даже вывеску занесли вовнутрь. Практически казалось, что он сдавался. Чувство удушения, которое накрывало меня, постепенно превращалось в гнев. Испытывали ли эти старцы когда-нибудь что-то вроде ответственности за их команды? Что Барт имел с того, что принимал активное участие операции и каждый раз бежал, если Эсперанса давала ему команды? Как только ему грозила беда, она просто исчезла!

Хосе был не лучше. Он постоянно путешествовал во времени, но если действительно был нужен, его не было. Себастиано почти умер, еще чуть-чуть, и все!

Из тени ворот появилась фигура и приблизилась.

— Хвала небесам! — крикнула мне Кларисса. Она подошла ко мне с распростертыми руками. — Я ждала здесь с восхода, так как очень надеялась, что ты, возможно, придешь! Мне немедленно нужно с тобой поговорить!

Отклонившись, я напряглась. Непроизвольно я отступила на шаг, когда она подошла ближе и остановилась, еле дыша передо мной.

— Что ты хочешь? — начала я кричать. — Не извиниться ли за то, что хотела убить Себастиано? — когда она хотела что-то ответить, я поняла руку. — Не надо мне врать! Лекарство было отравлено! И ты определенно знала, что оно для Себастиано! Ты выдала себя! Ты сказала: "Он должен выпить все сразу!" Но я ни словом не обмолвилась, что лекарство для него! Откуда ты знала об этом?

— Потому что мне сказал Альвизе.

Полностью обезоруженная этим неожиданным признанием, я пристально смотрела на нее. Она взглянула на меня в ответ покрасневшими глазами. Было заметно, что она плакала.

— Он пришел ко мне и сказал, что он ударил Себастиано кинжалом в будущем. Он считал, что по-хорошему ты зашла бы, чтобы приобрести лекарство. И он приказал мне добавить в него яд.

Мой рот раскрылся, когда я услышала эту чудовищную информацию. Участвовать в убийстве было одно. Участвовать по собственному желанию - совсем другое!

— Конечно, я не сделала этого, — добавила Кларисса.

— Ты врешь, — возразила я обвиняющим тоном. — Он был бы сейчас мертв, если бы домовладелица по ошибке не выпила лекарство! Только после одной кружки она спала круглые сутки!

— Она маленькая и худая?

— Какое это имеет отношение?

— Если бы она была высокой и крепкой, как Себастиано, она спокойно могла бы выпить все, но не проспала бы дольше. Все было точно рассчитано. Доза, которая погрузит большого сильного мужчину в глубокий сон на один день и ночь.

После этого я не могла говорить. Это верно, монна Фаустина была низкого роста и худой, даже я смогла бы поднять ее одной рукой. То, что рассказывала Кларисса, звучало так, как будто это могла быть правдой. Все же, после того как она часто

врала мне, я хотела оставаться на чеку.

— Если бы Себастиано сам все выпил, оно бы ему помогло! — усердно продолжала Кларисса. — Это было не только снотворное, но и лекарство от температуры.

— Ты можешь мне многое нарасказывать, — сказала я.

— Но это правда! Я бы никогда не выполнила бы наглые приказы Альвизе, хотя он наобещал мне с три короба!

— Что же он тебе пообещал? — спросила я, против своего желания, с любопытством.

— Что вернет меня назад в мое время.

— И ты поверила его чепухе?

— Откуда я должна знать, может ли он это на самом деле? — она пожала плечами.

— Не верить ему - не отправит меня домой. Но поддержать его планы на убийство, конечно, не принимается в расчет. В конце концов, у меня есть что-то вроде совести. Ты, конечно, помнишь, что вначале я даже не хотела вообще давать тебе лекарство.

— И почему же ты все-таки сделала это?

— Потому что Якопо так настаивал на этом. И потому что я быстро обдумала и решила убедить Альвизе, как будто я действительно дала тебе яд, но, который не подействовал, так как Себастиано выпил не все. Я, конечно, не смогла бы это утверждать, если бы ничего не дала тебе с собой. Самым подходящим было смешать снотворное и травы от температуры, чтобы убедить Альвизе, словно я с ним за одно, — триумфально она взглянула на меня. — Теперь ты видишь, что я хотела лучшего для Себастиано?

Так быстро отступить было нельзя.

— Ты имеешь в виду, хотела лучшего для себя.

Кларисса покраснела.

— Это что преступление, что я хочу домой?

На этот глупый вопрос я не стала отвечать.

— Как Альвизе вообще нашел тебя? — хотела я знать вместо этого.

Она снова пожала плечами.

— Я предполагаю, что он узнал у Доротеи, кто я, что делаю и где живу. Вчера утром он просто появился перед дверью.

Что-то волновало меня в этой версии, но я не могла сказать точно, что именно. К тому же было еще то, что она казалась действительно подавленной.

— Я знаю, что должна была сразу выгнать его, — сказала она, опустив голову. — Но он пригрозил мне, что мог сделать кое-что другое. В нем есть что-то пугающее. В данном случае она определенно сказала правду.

— Как дела у Себастиано сейчас? — робко спросила она.

Подозрительно я искала на ее лице доказательство, что ее покорный тон голоса был искусственным.

— Без понятия, — сказала я правду. — Он... уехал.

— О.

— На случай, если тебя все еще это интересует, как дела у Барта, его только что избили и арестовали.

— О Боже! — она побледнела от ужаса и это, по крайней мере, было правдой. —

Что случилось?

Я рассказала ей обо всем и закончила замечанием.

— Я думаю, его заперли во дворце Дожа. Насколько я знаю, темница находится там. Теперь вопрос только в том, как нас вытащить его оттуда.

Кларисса кусала нижнюю губу.

— В случае, если ты думаешь о том, чтобы освободить его под покровом ночи и тумана, вынуждена сказать, что затея безнадежна. Нужно подключить связи, чем больше у них власти, тем лучше. И это нужно сделать очень быстро, так как иначе его ждет злой штраф.

Я подумала об обезглавливании между колоннами на Пиаццетта, и во рту внезапно появился горький вкус желчи. Они, правда, не отрубят голову Барту, но руку, возможно. Так здесь наказывали воров.

— Хосе и Себастиано уехали, — сказала я. — А старой Эсперансы здесь нет.

— Я имела в виду не таких авторитетов, а мужчин из правительственных кругов. Совета десяти или прокураторы.

Ну, супер. Таких я знала не так уж и много.

— В крайнем случае, я могла бы просить Тревисана о помощи, — сказала я. — Но что я должна ему рассказать?

— Убедительную ложь, конечно же, — ответила Кларисса.

Логично. В этом она разбиралась, как никто другой, поэтому сразу же мне рассказала, что я должна была сказать Тревисану.

— Например, ты могла бы утверждать, что вы оба - ты и Бартоломео - там просто молились, как вдруг тот мужчина вышел из ризницы...

— Ты имеешь в виду того монаха.

— Так из-за темноты его нельзя было узнать. Для вас он выглядел, как опасный, одетый в темную одежду человек, который, как вы подумали, хотел что-то украсть из ризницы. Поэтому вы хотели его там запереть, чтобы позвать потом на помощь.

— Она начала отсчитывать на пальцах аргументы. — Зачем Бартоломео нужно было его туда толкнуть, все для того, чтобы его там потом арестовать? И почему ты захлопнула за ними дверь, не по той же ли причине? И украл ли Бартоломео что-то или предпринял необходимые меры, чтобы что-то вынести?

Я не могла ни восхититься ее обоснованиям. Если бы существовало сообщество находчивых лжецов, Кларисса бы его возглавила.

— Пока ты будешь навещать Тревисана, я попрошу помощи у Якопо. Он знает много чиновников и некоторые из них ему еще со времени войны должны.

— Я на тебя очень рассчитываю, — поблагодарила я. В этот раз мне было все равно, как часто она мне лгала. Главное, что она мне помогала вытащить Барта из тюрьмы. Вне сомнения ей была не безразлична вся эта ситуация. По ее выражению лица было видно, как ее это заботило. Барт, несомненно, был ее слабым местом.

— Но ты должна переодеться, прежде чем ты посетишь Тревисана. — Кларисса воротила носом. — И, вероятно, заодно немного помыться.

— Ты думаешь, я этого не знаю, как это мне необходимо? — обидевшись, ответила я.

— Тебе одолжить свежую нижнюю юбку?

Раздосадованная я покачала головой.

— У меня есть. — Надеюсь, что она не слишком длинная. Но до меня дошло, что из

всей одежды, что Мариэтта передала мне, ничего не было чересчур длинным - она все для меня укоротила - это было очевидно. Частичка моей ревности превратилась в благодарность. На поддержку этой дамы можно было рассчитывать! Если мне посчастливится, мне уже принесут из монастыря сундук, и он уже дожидается меня у Монны Фаустины. Затем я смогу сразу же переодеться и, не теряя времени, сделать все возможное для освобождения Барта.

В мыслях я уже обдумывала, какие свои аргументы преподнести Тревисану, или лучше - аргументы Клариссы, что я почти забыла прояснить очень важный вопрос. — Однако почему ты была такая злая на меня вчера? — спросила я. — И не лги мне! Я вижу тебя насквозь!

Это снова не было правдой, но это была вынужденная ложь, с помощью которой я могла ее заставить, наконец, спонтанно начать говорить правду.

— Ты на меня сердишься? — Она посмотрела на меня своими большими глазами.

— Я тогда ужасно не выпалась тогда, да и очень завидовала!

— Чему же?

— Альвизе рассказал мне, что твое задание выполнено и в следующее полнолуние ты можешь вернуться домой.

У меня отвисла челюсть.

— Он ... что?

Она пожала плечами.

— Он сказал мне: "Маленькая мужественная Анна выполнила свое задание и при следующем полнолунии может возвращаться домой" Это его слова.

Это был предел! Это уму непостижимо, что он был в курсе моего задания! И он использовал это знание циничным и самоуверенным образом, чтобы уязвить Клариссу! Просто невыносимо, как дерзок и коварен был этот человек!

— Он тебе также рассказал, в чем заключалось мое задание и как он об этом узнал? Кларисса покачала головой.

— Я его спросила, но он так спешил, что больше ничего не мог сказать. Он говорил, что ему необходимо подготовить речь для важного заседания. Он хотел вчера выступить с речью во Дворце Дожа перед Советом Десяти.

О, да, он хотел, и он это сделал! И чтобы никто ему не встал поперек, Себастиано должен был проглотить яд и из могилы наблюдать. Чтобы уж наверняка, Альвизе назначил заседание на другое время. Он позаботился обо всем и знал все.

Этот хладнокровный преступник! Я едва не закричала от ярости, но ограничилась скрежетом зубов.

Кларисса мне робко улыбнулась.

— Мы снова подружки? — Не дожидаясь моего ответа, сказала важным тоном: — Нам нельзя терять времени. Я прямо сейчас пойду, поговорю с Якопо, а ты быстро помойся и переоденься, чтобы могла навестить Тревисана! — Она двинулась в путь и заговорщицки кивнула мне через плечо. — Дай мне знать, как все прошло!

И шмыгнула за следующий угол. Я устала на место, где она исчезла, и спросила себя, как ей вечно удастся перетянуть меня на свою сторону, хотя она вралась самым бессовестным образом. Если бы она была Пиноккио, ее нос вырос бы от Венеции до Парижа и обратно.

И потом была еще эта история с Джаанкарло.

Только небесам было известно, почему я ее об этом не спросила. Я думала - смогла

ли бы я забыть что-то такое же ужасное - но необъяснимый страх удержал меня от попытки ее спросить. Это прозвучало так отчаянно и мучительно, когда она упомянула о его смерти. Каждая попытка побольше об этом разузнать, открывала болезненные раны, и я этого не хотела делать.

Изнуренная бессонной ночью и беготней, я направилась в дом Монны Фаустины.

Глава 24

Там меня ожидали хорошая и плохая новости. Хорошая, что мой гардероб действительно уже прибыл. Плохая, что Монна Фаустина собиралась, спустя некоторое время, повесить квартплату, потому что, как она заявила, мой супруг и я принесли ей одни лишь раздоры, недомогание и прочие страдания.

Мне немедленно пришлось её разочаровать.

— К сожалению, мой супруг носит все наши деньги при себе. Все же я могу вас заверить, что он оплатит все ваши требования, как только выздоровеет.

Определенно, это не продлится дольше недели.

— Вы уверены, что у вас нет своих наличных? — спросила монна Фаустина.

— Полностью уверена.

Она посмотрела на меня в наивысшей мере подозрительно, однако больше ничего не сказала.

С утра она хорошо отдохнула. Теперь она снова твердо стояла на ногах и проворно двигалась по кухне, очевидно, задумав позавтракать. Голодно я посмотрела на деревянную доску с сыром и хлебом, которую она разместила на столе. Моя последняя трапеза была так давно, что я едва могла о ней вспомнить.

Я могла бы купить себе что-нибудь, в городе повсюду встречались булочные. Но, в самом деле, к сожалению, Себастиано при переходе забрал с собой все наличные деньги. Слишком глупо, что я не подумала забрать кошелек с его пояса.

Помедлив, я вспомнила, что у меня были собственные деньги на черный день. Мой взгляд метнулся к ящику, который стоял под лестницей. Его доставили два служителя монастыря, по словам монны Фаустины, вскоре после моего отъезда. Я не сомневалась в том, что монна Фаустина уже просмотрела содержимое, включая наличие денег. Теперь мне стало понятно, что вдохновило ее на повышение аренды. Спешно я подняла ящик на чердак, проверила свои пожитки на пропажу и пересчитала монеты. Их было достаточно, чтобы продержаться до следующего новолуния, вероятно, даже на пару дней больше, даже при учете повышения аренды. Причем я, однако, не планировала, бросать в лапы монне Фаустине больше денег, чем необходимо, так как она хотела денег за каждую дополнительную услугу. Сейчас именно поэтому я должна была отдать часть моих наличных, так как мне нужна была вода, чтобы помыться. Следовательно, я призналась монне Фаустине, что я все же нашла немного денег. Но так как вполне возможно, что у моего мужа в любом случае будут расходы в больнице, поэтому мне нужно быть очень экономной.

Я торговалась с ней до последнего. Через некоторое время мы договорились, при этом я думала, что сбила порядочно, так как выторговала еще кусок хлеба с сыром. Бурча себе под нос, она вручила мне кувшин со свежей водой и даже разрешила воспользоваться своим зеркалом с ручкой. Я взяла полотенце, мыло и расческу из сундука Себастиано, который выглядел странно и сиротливо в комнате на чердаке и

напоминал мне о том, что теперь между нами были сотни лет. Я закрыла глаза и представила, как он лежал в приемном отделении неотложной помощи. Чувство страха охватило меня, так как это было очень легко представить.

"Мы его теряем", — кричал кто-то.

Врач надевала ему маску для дыхания, другая устанавливала дефибриллятор на двести. "Убрали руки!" — кричала она, пока пускала ток через тело Себастиано. Он сильно вздрогнул, а на экране появилась извилистая линия.

"У нас есть пульс!" — сказала врач.

"Хорошая работа, Иззи", — ответила другая. Только сейчас я поняла, что эти двое выглядят так же, как Иззи и Мередит из "Анатомии страсти".

"Ну, замечательно, — иронично подумала я. — Не проблема, если я пропущу пару серий. Я просто выдумаю собственные."

Как бы то ни было, в любом случае, компетентные медицинские профессионалы двадцать первого века позаботились бы о Себастиано. Они поставили бы ему капельницу и накачали бы его тело антибиотиками, и через неделю он был бы почти как новенький. Что-то другое я не хотела представлять.

Я поспешно умылась, трудоемкая и одновременно короткая процедура, так как, чтобы действительно быть чистой, мне понадобилось бы гораздо большее количество воды. С тем немногим, что у меня было, я могла очистить только пару особенно нуждающихся в уходе мест на теле и на этом все. Что бы я сейчас не отдала за мой дезодорант!

Мои волосы, которые также нужно было бы основательно и срочно помыть, должны были, в любом случае, подождать лучших времен. Я расчесала их так хорошо, как могла, и, собрав на затылке, заплела в тугую косу, которую завязала единственной шелковой лентой, которая еще осталась после всех этих обменов с Доротеей.

Затем я надела свежие чулки и чистую нижнюю юбку. Из двух верхних платьев я выбрала более неприметное и тщательно зашнуровала его на груди. Закрыв лицо и плечи платком, я закончила свои приготовления и была готова к выходу. Прежде чем уйти, я закрепила маленький мешочек с деньгами на поясе, чтобы моя шустрая домовладелица не поддавалась искушению.

Перед дверью я еще раз глубоко вдохнула и собралась. Затем отправилась в путь. При дневном свете Палаццо выглядел еще более пугающе и более великолепным, чем вечером бала. Фасад был раскрашен цветными фресками, людям в этом времени преимущественно нравились сцены из библии. Мраморные головы львов украшали перила у окон. Увешанная бархатом гондола качалась у набережной. Все было идеальным.

Я надеялась, что Тревисан был в лучшем настроении, чем ранее. Хорошее настроение должно было помочь. Однако, прежде всего, я надеялась, что он вообще был дома.

Слуга, который в ответ на мой стук отворил мне ворота, осмотрел меня с тенью снисхождения. Пожалуй, мне следовало бы всё же надеть вместо скромного хлопкового платья более изящное шелковое. Однако рассуждать об этом было слишком поздно.

Я откинула вуаль и объяснила, что мне необходимо поговорит с мессером Тревисаном об одном неотлагательном деле. Когда слуга спросил мое имя, я

ненадолго задумалась. До сих пор я вообще не была представлена Тревисану! Он знал меня только как "маленькую кошечку"!

Конечно, мне трудно было объяснить это слуге. Он безудержно смеялся бы: в конце концов, я не была женщиной-кошкой.

— Я — Анна, мессер Тревисан в курсе, — величественно сказала я. — Мы встретились вчера перед залом заседаний во дворце Дожа. Мы, мессер Тревисан, мой двоюродный брат Себастиано и я, разговаривали там.

Слугу это устроило. Он сказал мне подождать и исчез в направлении лестницы.

Через некоторое время он вернулся и попросил меня следовать за ним.

Большой зал бельэтажа без блеска света свечей казался более трезвым, чем во время праздника. Когда я прошла мимо большого зеркала, то мельком взглянула в него. Ни следа сияющей красоты ренессанса, которая смотрела на меня из зеркала. Я выглядела бледной и утомленной от бессонной ночи. В этом мире без тонального карандаша я ничего сделать с этим, кроме как хорошо выспаться.

Слуга провёл меня в одну из комнат, отвечающих от Портего.

— Мой господин сейчас придёт, - сказал он.

Я поблагодарила его и начала осматриваться вокруг. Все выглядело так, как будто это был рабочий кабинет. У окна стоял письменный стол с чернильницей и бумагой.

На огромном столе у камина лежали разбросанные фолианты и свертки документов. На стенах висели полки, в которых находились десятки книг, неопровержимое доказательство богатства Тревисана. К книгам относились так же, как к приправам. Так как их в это время было мало и стоили они так дорого, что их могли позволить себе лишь немногие. Собственно говоря, с моими повестями о Гарри Поттере я смогла бы неплохо выйти замуж, и я бы напечатала свои романы с кличками, и толпы желающих жениться на мне выстроились бы очередь.

Некоторое время я наслаждалась мечтами о том, чтобы стать IT-девушкой Венеции с несколькими книгами и перечницей, когда мой взгляд остановился на большом деревянном глобусе, который блестел на столике. Он выглядел очень ценным.

Части света были инструктированы в древесину, но при этом столяр позволил себе много художественной свободы: Северная и Южная Америки были расплющены в длинный тонкий шланг. В противовес этому Африка была огромной, особенно на юге. По сравнению с ней Азия выглядела довольно хило. И хотя я редко правильно отвечала на географии, я была полностью уверена, что не видела в этом своеобразном варианте Арктику. Антарктика отсутствовала совсем, на нее, возможно, не хватило дерева.

— Континенты были составлены по последним новейшим топографическим картам, — сказал Тревисан позади меня. Он вошел в комнату и, по-видимому, гордился глобусом.

— Да, это действительно очень....красиво. И все это без... — спутников и GPS, хотела я сказать, но не получилось произнести какое-либо слово, которое бы заменило его. Но это не помешало Тревисану. Он улыбнулся мне.

Я почувствовала облегчение. Слава Богу, он был в хорошем настроении!

— Что привело Вас ко мне, маленькая кошечка? Как дела у дорогого господина двоюродного брата? Между прочим, я считаю Себастиано очень проницательным молодым человеком. Наши разговоры о политике я колоссально ценю, его мнение важно для меня. То, что он разделяет мое отрицательное мнение относительно

недавнего решения совета, в частности строительства кораблей и путешествия через океан, приободрило меня продолжать отстаивать свою точку зрения и не сдаваться поспешно.

— Он болен, — выпалила я.

Тревисан стал серьезным.

— Я надеюсь, ничего страшного.

— Ему пришлось отправиться в богадельню, — очевидно, мое отчаяние было очень заметно, так как Тревисан подошел ко мне и сочувственно взял меня за руку.

— В какую? Я отправлю к нему лучшего врача.

"О нем уже заботятся Мередит и Иззи", — сейчас это определенно был бы неправильный ответ. Поэтому я придерживалась правды, по крайней мере, той, которую я могла сказать.

— Я не знаю, где он. Один хороший друг увез его. Он обязательно скоро вернется назад, тогда я узнаю это.

— Сообщите мне, чтобы я мог отправить туда врача.

Я кивнула и затем доложила настоящую причину моего прихода, в надежде, что это звучало правдоподобно. Если бы я хоть на половину была так хороша во лжи, как Кларисса, у меня не возникло бы с этим никаких проблем. Разумеется, я понимала, что мне еще многому нужно научиться в этой сфере, поэтому я не смотрела Тревисану в глаза во время моего рассказа, а рассматривала "шланг" Америки на глобусе.

Я сообщила, что один друг моего двоюродного брата утром сопровождал меня в церковь на службу. Там наше внимание привлекла темная, подозрительная фигура, и мы пришли к убеждению, что мы имеем дело с грабителем.

— Друг моего двоюродного брата оттолкнул мужчину в ризницу, а я быстро захлопнула дверь, с полным намерением позвать стражу. Но затем дверь снова открылась, и, к моему удивлению, я увидела, что друг моего брата оглушен.

Подсвечником.

— Грабителем? — спросил Тревисан.

— Эм... Собственно, это был не грабитель. А монах. Поэтому это была... ошибка.

Я пыталась спрятать свое смущение, в то время как вложила все возмущение в следующие слова. Что мне не особенно сложно далось, так как монах действительно вел себя отвратительно.

— Он еще раз ударил бедного Бартоломео, хотя он уже лежал на полу без сознания. Затем он пошел на меня с подсвечником.

Этим я могла заработать дополнительные очки. На лице Тревисана появилось яростное выражение.

— Он хотел ударить вас? Беспомощную, хрупкую девушку? В церкви?

— Подсвечником, — подтвердила я. — Я как раз успела еще сбежать. И я здесь.

— И теперь Вы хотите, чтобы монах был наказан за свое неподобающее и жестокое поведение?

— Не совсем, — сказала я озадачено. — Я хотела только, чтобы Бартоломео выпустили из тюрьмы. Монах позаботился, чтобы его арестовали и увели.

— Назови мне полное имя Бартоломео, и его сегодня же выпустят из тюрьмы.

Я вздохнула от облегчения и сияла, глядя на Тревисана.

— Фамилия Вашего друга Бартоломео, — напомнил он мне.

О! Дерьмо. Я совершенно не подумала о том, что он захотел бы узнать ее!

— Я не припоминаю, — запинаясь я. — Бартоломео, так сказать, очень хороший друг моего двоюродного брата. И я убеждена, что его имя я слышала довольно часто, но моя память... — Я сглотнула. — Он примерно такого же возраста, как и мой двоюродный брат Себастиано, и не брит. Иногда он производит неприветливое впечатление. И на нем синий жакет.

— Этого достаточно, чтобы его выдворить, — пробормотал Тревисан. — До вечернего звона он будет свободен, я это Вам обещаю. Я и без этого у Вас в долгу.

— Э ... разве? — озадаченно спросила я.

Он кивнул.

— В вечер балла. Вы сами знаете, как внезапно вы нагрянули в водный зал, когда я там стоял с братьями Малипьеро.

Я кивнула. Еще бы я об это знала! В конце концов, я этим его жизнь спасла.

— Вы меня спасли, — продолжил он.

Откуда он мог это знать?! Абсолютно сбита с толку я уставилась на него.

— Перед роком судьбы, за который я должен быть благодарен Малепьерам, — продолжал Тревисан. — Ради какого-то глупого подарка, при помощи которого они вытащили меня наружу, как будто они преданы мне. В то время как им больше хотелось, чтобы я пал за смертью.

— О. Ах так. Я понимаю, — мой смех звучал немного неуверенно. — Наверное, это был подарок, который Вам не так уж и необходим.

— Это была гондола, — сказал он. — Во всяком случае, Пьеро Малипьеро упомянул об этом вчера на заседании. На что я ответил, что у меня уже есть две, я и без того могу сидеть только в одной из них.

— Вы отказались от подарка?

Тревисан кивнул.

— Это круто, — сказала я. Но запрет изменил его на что-то ясное, что я на самом деле считала крутым.

Я задумалась, могу ли вообще сказать ему что-либо запретное. Если я расскажу ему, что речь о смерти была не пустыми словами, а кровавой действительностью.

"Попытка того стоит", — посчитала я.

— Малипьеры, они действительно хотели вас убить.

Бумс. Я сказала это. И запрет не предотвратил это!

Взгляд Тревисана стал бдительным.

— Что привело Вас к такому решению, маленькая кошечка?

"Альвизе уже держал в руках шпагу", — хотела я сказать, но ничего не получилось.

Итак, эта информация была заблокирована.

Вторая же попытка была успешнее первой.

— Я увидела это в его глазах, — это было не что иное, как правда.

"Он также хочет убить Себастиано и меня", — снова неудача, я не могла это выговорить. Но следующие предложения спокойно вырвались наружу.

— Нельзя доверять Малипьерам. Альвизе особенно опасен: он способен на все.

Тревисан кивнул:

— Я придерживаюсь такого же мнения, маленькая кошечка. И то, что Вы увидели в глазах Альвизе жажду убийства, еще больше подбадривает меня, чем Вы могли бы представить. Так как я видел в его глазах то же самое. Он хочет моей смерти.

Холод пробежал по моей спине, когда он произнес это. Это звучало как-то... пророчески.

— Вы должны обезопасить себя! — настойчиво попросила я. — Он не может выиграть главную схватку. Это было бы очень плохо для Венеции! Это я тоже смогла сказать без проблем. Так как я просто сказала правду, которую Тревисан уже знал.

— Я буду осторожен, — высказал Тревисан. Он улыбался. — Могу я предложить вам что-нибудь освежающее? стакан вина, вероятно? Мне кажется, это придало бы вам необходимой уверенности.

Я отказалась от предложения с благодарностью, хотя легкое опьянение, вероятно, помогло бы мне пережить страх за Себастиано. Возможно, глоток вина даже позволил бы забыть, что мой дезодорант находился на расстоянии пяти сотен лет. Я бы охотно еще немного осталась в этой уютной комнате, так как отцовский вид Тревисана, его волосы с проседью и благосклонная улыбка, напоминал мне о папе, которого мне очень сильно не хватало.

Но я должна была рассказать Клариссе новости о том, что Барта освободят, чтобы Якопо просто так не проделывал в пустую такой путь с его покалеченной ногой. После того, как еще раз сердечно поблагодарила Тревисана, я простилась с ним. Слуга проводил меня на улицу.

Глава 25

Я немного постояла на солнце, прокручивая в голове пережитое. До этого момента не было возможности подумать о том, что произошло с тех пор, как закончился бал. Все так быстро обрушилось на меня, что для этого просто не было времени.

Нечто ужасное приключилось со мной, но были и хорошие моменты. К примеру, Себастиано... Это бесценное чувство - быть влюбленной! Те шуры-муры, если взять во внимание последние два года, были просто несерьезными прихотями, я уже давным-давно ни в кого по-настоящему не влюблялась. Последний раз это было два года назад. Разумеется, это не сравнить, потому что по этому типу из двенадцатого класса я сходила сума на расстоянии. Он ни разу не удостоил меня своим взглядом. А между мной и Себастиано все совсем по-другому. Также мы уже почти поцеловались, что я нахожу весьма будоражащим.

Все вокруг было будоражащим, и прежде всего то, что он был на расстоянии пятисот лет от меня, и я не имела понятия, когда он вернется. Все же мы справились, ограждая его от худшего, и вовремя отправили в будущее. Хосе останется с ним и будет держать Альвизе с его ножом подальше, как обещал, когда мы плыли на лодке к Сато Стефано.

Теперь надо было лишь ждать и надеяться, что Себастиано и Хозе скоро вернутся. Тогда я смогла бы тоже, наконец, вернуться домой.

Домой... Я думала о маме и папе, и о моих друзьях, о школе, о бабушке, о новом фильме, который я давно хотела посмотреть.

А потом я снова вспомнила о Себастиано. Что бы с нами произошло, если бы я опять была дома? В первый раз мне пришло в голову, что наши отношения могли бы усложниться. Возьмем к примеру язык. Здесь, в прошлом, у нас был межгалактический переводчик (мне нужно было ещё обязательно спросить у Себастиано, как это называлось по-настоящему), но в нашем собственном времени

он говорил по-итальянски, а я по-немецки. Ну да, всё-таки ещё и по-английски, это было лучше, чем ничего. А всему остальному, безусловно, можно было бы научиться. Я могла бы провести каникулы, изучая язык в Венеции!

Погружённая в мысли, я отправилась обратно.

Не успела я ещё далеко отойти, как услышала голос Клариссы. Она ждала меня в конце узкого переулочка перед аркой ворот.

Счастливая тем, что могу передать ей хорошую новость, я поспешила ей навстречу.

— Его отпускают! - сказала я. - Уже сегодня!

На ее лице отразилось облегчение. Но я подумала, что оно отражало что-то еще. И теперь, в трех шагах от нее, я точно знала, что именно.

Она боялась.

В следующее мгновение я увидела, почему. Кто-то стоял позади нее, в тени арки ворот, но достаточно близко, чтобы давить острием шпаги.

Это был Джованни Малипьеро. Он насмешливо ухмыльнулся.

— Ты все правильно сделала, Кларисса. Что бы мы без тебя делали бы.

— Беги! — закричала она. — Анна, убегай!

Чтобы Джованни мог просто-напросто заколоть её без свидетелей?

— Сейчас же оставь ее в покое! — сказала я ему, причем попыталась смотреть решительно, чтобы скрыть, что я от страха чуть не упала в обморок. — Только пальцем ее тронь! Иначе я дам показания против тебя, и ты скончаешься, как тот парень сегодня на площади. — Чтобы у него не закралась и доля сомнения, я продолжила: — Которого обезглавили.

— Не беспокойся, маленькая Кларисса, точно как и Тревисан, сослужит нам еще добрую службу, — сказал Джованни. — Потому что она лживая и любит жизнь. В отличие от тебя.

В этом он определенно был прав. Как я сглупила, заметила я затем.

Кто-то позади положил мне руку мне на предплечье, прямо обхватив горло. Меня прижали к телу и потащили по мостовой.

Я не могла кричать, так как чья-то сильная мужская рука перекрыла мне воздух.

Когда я уже за углом пыталась вырваться, я заметила краем глаза, как Кларисса пыталась последовать за мной, но Джованни грубо оттянул ее назад за волосы за арку ворот.

Человек позади меня тащил меня за собой, постоянно сжимая рукой мою шею. Я ничего не видела, но запах я бы узнала среди тысячи других. Смесь вина, дорогого мыла и свежего белья. Мои пятки волочились по земле, и мои руки судорожно вцепились в сильную руку под моим подбородком. Я вырывалась изо всех сил, но он не ослаблял. Мою шею так сильно сжали, что я не могла дышать.

Я слышала голоса и видела, как справа от меня выходили из дома люди. Они обращали на меня внимание, как я поняла, поэтому в следующую минуту Альвизе затащил меня в узкий переулок, где резко остановился и толкнул к стене.

Заключенная между твердым кирпичом и неотступным натиском его тела, я ссадила кожу носа о кирпичи и жадно хватала воздух. Я уже однажды испытала, каково это задыхаться, и в этот раз случилось то же самое.

Бесконечные секунды Альвизе оставался в том же положении и практически вдавливал меня в эту стену. Голоса людей приближались и снова отдалялись, видимо они проходили в конец улицы и шли дальше.

Видимо отсутствие кислорода привело к тому, что я лишилась элементарной способности мыслить. Все это время меня не покидала идиотская идея, что я должна была вспомнить какую-нибудь песню. Песня, в тексте которой было решение моего затруднительного положения. Невероятно, о чем думает человек, когда боится смерти!

Как только путь был свободен, Альвизе потащил меня обратно в переулок, в котором мы были ранее. Оттуда мы дошли до следующего угла. Его хватка оставалась такой же неприступной, и ощущение, что тебя вот-вот задушат, не исчезало.

Он не хочет тебя убивать - это чувство било во мне, словно молот. Иначе, он бы давно это сделал.

Но чего же он тогда хочет от меня?

Ответ я получила сразу же, как только мы добрались до крошечного канала и причала, у которого была пришвартована лодка. У руля сидел неотесанный с залысиной парень. Он поднял старый мешок и веревку.

— Хочешь ли ты, прежде чем вести её к своему хозяину, надеть на неё это, а потом связать её? - спросил он у Альвизе шёпотом.

— Не говори глупости, — тихо ответил Альвизе. — Я ее быстрее отключу одним ударом кулака.

Я заметила, что Альвизе обернулся и осмотрелся, как будто хотел убедиться, что за нами не следят любопытные люди.

Песня! Сейчас я точно знала, о чем она! Она звучала в фильме "Мисс тайна" и собственно говоря, она не была песней. Это было сокращение метода самообороны. Мы даже изучали ее на наших курсах, когда изучали метод защиты от душащей хватки.

П- солнечное сПлЕтение. С- Старый дядька, то есть большой палец. Н- то есть Нос. Я- передняя часть, или половые органы.

И все вместе - ПЕСНЯ.

Следуй по буквам, приказала я сама себе. Ну, с Богом!

В то же время я почувствовала, как Альвизе готовится свободной рукой нанести мне удар.

Я была на секунду быстрее: замахнулась локтем и попала ему между ребер, наступила пяткой на ногу, загремела ему со всей силы кулаком под нос (нет, в этот раз я не раздумывала) и гарантированно дала бы коленом в уязвимое место, если бы он встал. Но он меня отпустил после "Н" и упал, размахивая руками, в канал. Пока он падал, я увидела, как из его носа шла кровь.

— А, чёрт! — сконфуженно сказал тип в лодке.

Мне нельзя было дожидаться дальнейших событий. Я повернулась вокруг своей оси с развивающейся на ветру юбкой и покинула место происшествия со скоростью света.

Сдуру я отступила лишь на два шага. А потом я врезалась в Джованни Малипьеро. Он схватил меня прямо на бегу и толкнул в лодку, где в следующее мгновение мне, в придачу, всё-таки накинули на голову мешок. Меня тут же окутала тьма.

— Мы должны были первым делом сделать это, — сказал парень в лодке, пока он завязывал веревку и пытался зажать мне рот. Мешковина, отвратительно вонявшая рыбой, давила мне на лицо и попала между зубов.

Я изворачивалась и дрыгалась, пока мне не удалось отвернуть лицо.

Рядом с собой я услышала всплеск и ругань, отчего я поняла, что Альвизе забрался в лодку из канала.

— Мразь, — прорычал он. — За это тебе будет еще больнее.

Я сделала глубокий вдох, чтобы испустить самый громкий крик в моей жизни, но я не успела сделать этого. Тяжелый удар пришелся со стороны по голове... Я еще помнила, как я упала в сторону, в то время как красный вихрь кружил перед моими глазами, а потом все почернело.

Когда я пришла в себя, мне было дурно. Я смогла каким-то образом перевернуться на бок, прежде чем меня стошнило.

Затем, тяжело дыша, я поднялась, борясь с очередным приступом тошноты. Я делала глубокие вдохи, пока тошнота, наконец, не прошла, при этом я заметила, что мне становилось лучше, если не двигаться слишком быстро.

Где бы я ни находилась, здесь было темно и мокро. Где-то рядом со мной шумела вода канала. Постепенно мои глаза привыкали к убогому освещению, и я заметила, что здесь не совсем темно, а что из одного места, которое находилось вне моей темницы, пробивался слабый свет.

Это помогло мне рассмотреть очертания обстановки вокруг: вначале только темные тени на темно сером фоне, затем я замечала все больше и больше деталей. Стена, выложенная из шероховатого камня, на которую я облокотилась. Каменная скамья справа от меня. Железные перила передо мной. Дугообразная площадь, которая поднималась из темноты и позади нее темная, блестящая поверхность воды канала. Комната, в которой я находилась, показалась мне знакомой. С трудом я поднялась на ноги, крепко держась за перила. Осторожно ощупав больное место на голове, я не почувствовала открытой раны, только огромную шишку.

Я всматривалась в темноту и пыталась сконцентрироваться. Я уже была тут один раз! Вечером бала! Это был водный зал в доме Тревисана.

Меня не заперли, никто меня не остановил, когда я покидала водный зал через соседний проход. Спотыкаясь, с гудящей головой, я достигла какой-то площадки между этажами здания, где со мной столкнулась перепуганная служанка. Ее громкий крик привлек внимание слуги, который провожал меня ранее днем. С зажженной свечей он спешил на место и возник прямо передо мной.

Пораженно он осматривал меня сверху до низу, и я заметила, что это выглядело совсем по-другому, нежели доверительно.

Наконец, он узнал меня.

— Это вы!

— Мне нужно поговорить с мессером Тревисаном.

«Снова», — сказал его негодующий взгляд, но он удержался от негативных замечаний и только вежливо произнес:

— Мой господин был вызван по важному делу.

— Когда? — выпалила я.

— Вскоре после вашего ухода.

— Вы имеете в виду, что он пошел в темницу, чтобы там решить важное дело?

— Об этом мне не известно. Посыльный пришел с сообщением, после которого мой господин тут же ушел. Куда, я, к сожалению, не знаю, то же самое относительно того, когда он вернется.

«Альвизе», — оглушено подумала я. «Даже здесь он приложил свои грязные ручонки! Фальшивое известие, чтобы заманить Тревисана в западню.»
Только почему он оставил меня здесь?

Потому что он точно знал, что Тревисана не было здесь и в скором времени не появится. И потому что он считал веселым, позволить мне узнать об этом. Он соответствовал полностью своему извращенному чувству юмора. Определенно он сейчас смеялся где-нибудь в кулачок и представлял себе, как я, полная надежды, побежала из водного зала в дом и спросила Тревисана, только чтобы узнать, что не было никого, кто мог бы мне помочь. И как, в конце концов, я брела через город в ночи и редела, потому что я не знала, как мне быть.

Именно это я в действительности и делала.

Пока я плелась в слезах, едва ли я могла еще думать. Мне нужно было успокоиться. Поспать. Самое лучшее — пять сотен лет, минимум.

Хотя по дороге в Кастелло мне стало хуже в несколько раз, и я потерялась в темноте несколько раз, но каким-то образом у меня получилось добраться до цели. Два раза мне приходилось сторониться пьяных мужчин, которые искали продолжение развлечений. Вторые были очень настойчивыми и заработали удар в колено за чрезмерную назойливость.

Скорее мертвая, чем живая я добралась до домика монны Фаустины. Я еле достала ключи из сумки на ремне, так сильно тряслись пальцы. Внутри меня ждала монна Фаустина с поднятой скалой, которую опустила после довольно продолжительного рассматривания.

— Это действительно Вы, — сказала она. — Вы выглядите ужасно. И грязные.

Если Вы хотите помыться....

— Завтра, — пробормотала я.

— Или, может быть, немного водки?

— Не сейчас.

Она казалась обиженной, что я пренебрегала ее сервисом.

— Минуточку, — сказала я, прежде чем она могла снова исчезнуть в своей спальне.

— У вас есть письменные принадлежности?

— Вы имеете в виду бумагу, чернила и перо?

Я кивнула, что очень плохо повлияло на мою больную голову.

— Сначала мне нужно замешать чернила и наточить перо. А бумага... Хм, максимум один-два листа, больше определенно не осталось. И еще немного пергамента, но который дороже, чем бумага. При этом держится гораздо дольше. Все осталось от моего покойного мужа, Бог забрал его душу, — она наклонила голову на бок. — Вы должны знать, что они мне очень дороги. Я имею в виду письменные принадлежности. Вы же понимаете, что это очень ценные воспоминания!

Я поняла. На торг у меня не было сил. Я заплатила ей, сколько требовалось, и подождала, пока она везде искала письменные принадлежности.

Наконец, я поплелась к лестнице и, используя всю свою силу, забралась на чердак. Наверху я опустилась на шаткое пристанище кровати и глубоко дышала, пока комната не перестала вращаться вокруг меня.

Самое время для подведения промежуточных итогов. Они оказались сокрушительными. Даже если я исключала, что я совсем одна застряла в прошлом.

Тревисан исчез.

Барт сидел в темнице.

А Кларисса была... Я не хотела об этом думать. Ей, в любом случае, не дали просто так уйти оттуда. Куда же они могли утащить ее?

То, что я сама была жива и свободно бегала вокруг, должно было иметь другие основания, кроме злорадства Альвизе, как мне между тем становилось ясно. Он преследовал тем самым определенные намерения, так как все, что он делал, было тщательно спланировано. Но что он планировал, оставалось по-прежнему в тени. Моя голова слишком сильно болела, чтобы думать об этом.

«Завтра», — подумала я. «Самым ранним утром завтра я напишу сообщения. Одно для Матильды и Якопо, чтобы они знали, почему исчезла Кларисса. И одно для Тревисана, чтобы предупредить его. Если он вообще снова появится.»

А третье я хотела написать на пергаменте. Это послание должно храниться долго. Очень долго...

Почему, собственно? Раньше я знала. Но головная боль становилась сильнее, гораздо сильнее, чтобы я могла думать. Было ли у меня сотрясение мозга? Можно ли от этого умереть?

Дома я бы сейчас же обратилась в отделение неотложной помощи, к Иззи и Мередит. А они проводили бы меня к Дереку Шерфельду, так как тот отвечал за черепно-мозговые травмы и был неврологом.

«МРТ и большую гемограмму», — слышала я сонорный голос доктора МакДреми. Сейчас он бы сделал мне обезболивающий укол. Тогда моя голова снова бы прояснилась, и я могла бы написать третье сообщение.

Но лучше, вероятно, я должна сначала немного отдохнуть.

«Утром», — подумала я снова. — «Утром будет еще один день.»

Когда я проснулась, на меня светило солнце. Это были только несколько слабых лучей, которые прокладывали свой путь через небольшие дырки в обивке окна или неплотных досках крыши, но их хватало, чтобы погрузить комнату в рассеянный, пыльный свет.

Голова страшно гудела, когда я села. Шишка увеличилась до размера среднего томата, и не нужно было даже смотреть, и чувствовалась то же похоже, можно было предвидеть, что она ужасно болела.

Мучаясь, я поднялась из кровати и пошла в уборную. Манны Фаустины там не было, что было мне на руку, потому что я не была расположена к разговорам. На обратном пути вверх я взяла кусок хлеба и кружку с водой. Я посчитала, что та колоссальная цена, которую я заплатила за письменные принадлежности, должна была окупить это.

После того как поела и попила, я раскатала пергамент на сундуке Себастиано и макнула перо в чернила.

Где-то во время рассвета я проснулась в ужасе от неясного кошмара, и прежде чем снова задремать, я внезапно вспомнила, что я хотела написать в третьем сообщении.

Как и в каждом письме, сверху нужно было поставить дату.

Глава 26

Венеция, 1499 год.

Затем пришла очередь письма, которое я действительно должна была написать, но, прежде всего, надо привыкнуть к кляксам и скрипу пера. Я начала рисовать завитки в верхней части листа, предусмотрительно без плана и без цели, которым придавала, наконец, вид букв всяческими дополнениями. Между тем я нарисовала звездочки, затем новые завитки. Особенно стараясь не концентрироваться на всем этом.

Наконец, я перешла, собственно, к посланию, в написании которого я очень плохо продвигалась, после чего злилась, и мне снова и снова приходилось начинать сначала. Наконец, я прочитала, что я нарисовала и написала.

П*и*ет

Сначала самое важное: меня зовут Анна. Я трижды пыталась написать свое полное имя и дату рождения, но не получалось.

В любом случае, я не могу много писать. На одно предложение у меня практически ушел час, но ничего не осталось. Это, конечно, из-за того, что я была слишком небрежна. Я должна быть осторожна при использовании цифр и слов, так как при несоответствии они не записываются. Или же изменяются, пока не приобретают совершенно иной смысл.

Да, и, конечно же, бумага. Мой почерк выглядит на ней странно чужим. Это очень усложняет написание. Мне пришлось взять пергамент, так как он хранится дольше, однако, в конце концов, из-за клякс прочитать сложно. Чернила воняют весенней гнилью. И я даже не хочу упоминать тот звук, который издается при написании. Я не могу поверить, что люди на этом пишут целые книги!

Времени мало! Мое укрытие небезопасно, и меня могут поймать в любой момент. Смогу ли я вернуться обратно, остается под вопросом.

Как только закончу это письмо, я хочу спрятать его и буду молиться, дабы его нашли. Человек с дальнего севера. Возможно, это звучит глупо, но, к сожалению, это неизбежно. Не могу выразить это точнее. Я заверну письмо в полиэтилен и буду надеяться, что оно не покроется плесенью.

Я слышу шаги и должна остановиться.

Позже, возможно, получится больше.

Часть четвертая

Глава 27

Венеция, 1499 год и 2009 год.

Я отложила перо в сторону и метнулась к лестнице, где остановилась и напряжённо прислушалась. Возможно, внизу перед домом я слышала монну Фаустину, и именно она была сейчас перед дверью. Может, кто-то другой. Когда я писала до этого, что моё тайное место небезопасно, я не преувеличивала. Прошлой ночью начались ошибки: я не следила за возможными преследователями. Поэтому сейчас не могла точно сказать, выследил ли меня Альвизе.

Я смогла облегчённо вздохнуть, когда услышала, как монна Фаустина бормотала что-то себе под нос.

— Очень хороший человек предлагает людям кров и пищу, и какую благодарность он за это получает! Столько работы и почти никакого заработка! Целый день мести и вытирать, варить и убираться, стирать и закупаться, - её ворчание стало тише, будто она зашла в кладовую, чтобы распаковать там покупки. Интересно, может, она захватила свежий хлеб? Мой желудок дал о себе знать, но я подавила его порыв. Вместо того чтобы купить ломоть хлеба у монны Фаустины втридорога, я могла с таким же успехом достать себе что-нибудь на местном базарчике.

Недолго думая, я вновь присела перед ящиком, который служил мне письменным столом, и погрузилась в письмо. До этого момента я ещё не написала того, что хотела. Самое время – после жалобной части перейти к фактам.

"Если это письмо найдут, его надо незамедлительно доставить хранителю находок в университете."

Я остановилась и посмотрела на предложение радостно и удивленно от того, что я

просто так смогла его написать. То, что у меня получилось вставить слово хранитель, казалось мне особенно радостным. Только я задавалась вопросом, будет ли оно полезным, так как я не могла выразиться точнее. Внезапно я заметила в следующем предложении, что, когда я хотела написать слово "Тревисан", когда я пыталась вывести его имя, буквы исчезали, а на бумаге оставалась клякса. Я могла написать свое собственное имя, вероятно, только потому, что это было классическое имя во все времена.

Наконец, я попыталась использовать транскрибирование, что сработало гораздо лучше.

"Посыльный в тюрьме. Аристократа заманили обманом. Злодей похитил француженку. Я же у скупердяйки и боюсь за жизнь друзей. Возвращайтесь назад и спасите их!"

Затем я попыталась пару раз написать свое полное имя, но даже заглавная буква моей фамилии не хотела оставаться на бумаге. Разочарованно я попробовала нарисовать смайлик рядом с именем, но тоже бесполезно. Наконец, я воздержалась от подписи. Пока я еще раз просматривала готовое письмо, то размышляла, полная сомнений, о том, имеют ли вообще смысл мои действия. Вздохнув, я, наконец, сложила его. Я должна была довести дело до конца.

Монна Фаустина потребовала целое состояние за кусок клеенки, хотя в нее была завернута рыба, которую она принесла с рынка.

— Это клеенка моя любимая, — объяснила она. — Я, определенно, уже принесла в ней сотню рыб.

Она воняла, но я не могла сейчас придирааться. Все же я снизила цену на одну десятую от запрашиваемой и была действительно горда собой. После торга я забралась по крутой лестнице вместе с вонючим свертком и аккуратно упаковала письмо в натертый воском пакет. Затем я обмотала его полотняными бандажами Себастиано, а в самом конце туго перевязала послание единственной шелковой лентой для волос, которую мне оставила Доротея.

Затем я написала, как и планировала сообщения для Матильды и Якопо и одно для Тревисана. Я сложила их и заклеила края, на которые накапала воск.

Затем я подготовилась к уходу, при чем эти приготовления ограничились тем, что я расчесалась, накинула платок на плечи и спрятала лицо за вуалью. Я не могла ни в коем случае рисковать, чтобы не попасть в руки кому-то из банды Альвизе.

Когда я вышла из дома, то осмотрелась по всем сторонам и, только убедившись, что меня никто не поджидал, я двинулась в путь. Я переходила из одного переулка в другой, при этом я не выбирала определенной дороги, а постоянно пользовалась обходными путями, чтобы быть уверенной, что меня никто не преследовал.

Приближалось обеденное время. Солнце стояло высоко и становилось все теплее, но я не осмеливалась снять вуаль, хотя я потела под ней, как в сауне, и видела все слегка расплывчато.

В городе толпились люди. Это было почти как в настоящем времени, единственным отличием было то, что гуляли не полчища туристов, а настоящие венецианцы.

Чем ближе я была к цели, тем осторожнее становилась. Все чаще я оглядывалась вокруг, так как если Альвизе или его сообщники и поджидали меня где-нибудь, то, вероятно, здесь. Я остановилась, наконец, на подходящем удалении от дворца Тревисана в конце извилистого переулочка и достала из сумки подготовленное

послание. Печально я подумала о том, насколько все было бы проще, если бы здесь уже существовали мобильные. Тогда я просто отправила бы Тревисану смс. Но мне ничего не оставалось, кроме как ждать, пока не появится подходящий посыльный. Который, к счастью, появился справа очень скоро. Речь шла о мальчишке, лет девяти или десяти. Он был в том возрасте, когда мальчишки еще могут быть смелыми и еще не научились обманывать девочек.

Я подозвала его жестом.

— Хочешь заработать пару монет? — спросила я, не убирая вуаль. Когда он молча кивнул, я протянула ему послание. — Вот, отнеси его во дворец там впереди, с головами львов на фасаде. Сообщение предназначено для владельца дома, мессера Тревисана, но ты можешь отдать его слуге, — я дала ему одну монету. — Такую же ты получишь, когда выполнишь задание.

Он сразу же побежал прочь и через некоторое время вернулся назад.

— Сделал все так, как Вы хотели. Владельца дома там не было, поэтому я отдал листок слуге.

Я вручила ему вторую монету и поблагодарила.

Переполненный надежды, он смотрел на меня.

— Могу я еще что-то сделать для Вас, мадонна? Возможно, передать еще один листок?

— Ну да, вообще-то, у меня есть еще один листок. Но дом, в который его надо доставить, находится подальше отсюда.

— Я знаю каждый закоулок в Венеции, — начал мальчик с козыря. По нему было видно, как сильно ему хотелось заработать денег.

— Ты знаешь, где находится магазин трав монны Матильды? — спросила я. Мальчик улыбнулся с облегчением.

— Это просто. Мы всегда покупаем там лекарство от ужасного кашля моего дедушки. Я часто бывал там.

— Хорошо. Тогда ты можешь пойти со мной, так как мне в любом случае нужно туда. Твоим заданием будет: внимательно смотреть по сторонам и наблюдать, никто ли меня не преследует.

Мальчик радостно ухмыльнулся мне.

— У меня отличные глаза.

— Обычно, у меня тоже. Если на мне нет этой штуки, — я указала на вуаль.

Он пожал плечами.

— Благородные дамы не могут гулять по городу без вуали.

Для него это казалось вполне нормальным, пока я задавалась вопросом, как долго продержится эта мода. Двести лет? Триста? Эмансипация в любом случае наступит не очень скоро.

Мальчик постоянно смотрел по сторонам и останавливался на каждом углу и перед каждым мостом, чтобы исследовать местность. Я сразу же почувствовала себя хоть в какой-никакой безопасности. Недалеко от магазина трав я стала еще осторожнее. Когда мы достигли площади с мостом, я остановилась и дала мальчику монету.

— Тут первая половина. Я жду здесь.

С ухмылкой он убежал прочь и вернулся через несколько мгновений.

— Задание выполнено, — сказал он.

— Кому ты передал записку?

— Монне Матильде, продавщице трав.

— Ты уверен? — с сомнением спросила я. — В сообщении, вообще-то, было написано, что она должна прийти сюда, к мосту.

Нахмутив лоб, мальчик осмотрелся вокруг.

— Ну, там же она уже идет! Я просто был быстрее, потому что я не такой толстый, как она.

Действительно, на той стороне как раз на углу появилась монна Матильда с развевающимися юбками, с невероятной скоростью для ее полноты.

Мальчик поднял руку, и я вложила в нее заработанную монету.

— Я мог бы передать еще больше записок для Вас, — сказал он с горящими глазами. Я ненадолго задумалась и затем медленно кивнула. — У меня есть еще одно сообщение.

— О, хорошо!

— Как, собственно, тебя зовут? — спросила я его.

— Джино.

— Красивое имя. Я, между прочим, — Анна. Джино, ты — отзывчивый и милый мальчик. Ты можешь мне помочь с передачей следующего сообщения. Но сначала мне нужно переговорить с глазу на глаз с монной Фаустиной. В это время ты можешь подождать меня там, на углу, впереди и при этом внимательно смотреть, появится ли кто-то, кто направится ко мне.

Он яро закивал и помчался к следующему углу, где остановился и бдительно осматривал окрестности.

С шумом подошла монна Матильда и, тяжело дыша, остановилась передо мной.

— Святые небеса, — выпалила она со злостью, прижав руку к взволнованно поднимающейся груди. В другой руке она держала скомканную записку. Ее чепец сполз, лицо было покрыто потом. — Что все это значит? — наступала она на меня.

— Где эта неблагодарное, невоспитанное существо?

— Я не знаю этого, — сказала я.

Она замахала запиской.

— Ты написала, что ее похитили! Кто и куда?

Кем - я могла ответить, но уже во время попытки это написать, я потерпела неудачу. Все равно я попыталась произнести имя Альвизе. К сожалению, это привело к тому, что я стояла там с открытым ртом и не издавала ни звука.

— Только этого еще не хватало!- выкрикнула Монна Матильда.

Я втянула голову, заметив, что некоторые люди, идущие за водой, бросают на нас любопытные взгляды.

— Я не могу вам сказать, — сказала я. — Я бы хотела, но не могу.

— Что же мне теперь делать? — спросила Монна Матильда.

Я с удивлением обнаружила, что у нее в глазах стояли слезы. Исчезновение Клариссы не оставило ее равнодушным, как можно было бы подумать, услышав ее вопли.

Она заметила мое сожаление и выпрямилась.

— Большинство дел не делаются сами. С тех пор как нет Клариссы, ничего не сделано. Разве ты не обещала приходить каждый день, чтобы помочь сделать никчемные дела?

Она больше не могла ввести меня в заблуждение своим грубым видом. Я видела

отчаяние в ее глазах. Конечно, она была в безвыходной ситуации без рабской силы Клариссы, но еще больше она боялась того, что с ней могло произойти что-то плохое.

— К сожалению, я не могу сдержать данное обещание, — сказала я, сожалея. — Есть люди, которые хотят меня схватить, поэтому я должна быть осмотрительной, чтобы они не нашли меня. Поэтому я попросила вас прийти сюда, вместо того, чтобы самой пойти в магазин трав.

— Люди? Какие люди? — монна Матильда недоверчиво рассматривала меня. — Не те ли, что похитили Клариссу?

Когда я кивнула, она извергла стон негодования.

— В какую опасную историю ты втянула ее?

Я открыла рот, чтобы сообщить ей, что это была не моя вина, когда позади меня раздался резкий свист. Я обернулась и увидела Джино, который энергично указывал на что-то пальцем. Беспокойно я посмотрела в том направлении, куда он показывал. Мое сердце сжалось, и я уже приготовилась подхватить юбки и бежать. Но там приближался не Альвизе, а старый Якопо, опирающийся на свои костыли. Из-за них ему понадобилось значительно больше времени, чтобы добраться сюда, чем монне Матильде.

— Женщина, почему ты не дождала меня, — сказал он ей. — Я также переживаю о девушке, как ты! — он повернулся ко мне. — Что произошло?

— На нас напали. Клариссу заставили отвлечь меня, и поэтому меня схватили первой. Когда она захотела помочь мне, ее также скрутили. На меня надели мешок и ударили так, что я потеряла сознание. Когда я пришла в себя, ее уже не было. Якопо нахмурил лоб.

— И кто ответственен за все это?

Я даже не пыталась произнести это, так как все равно не смогла бы выговорить ни слова. Я даже не могла объяснить, что я знала, но не могла выговорить. Поэтому я, только сожалея, пожала плечами.

— Как мы можем помочь? — спросил Якопо. — Например, взять тебя назад к нам? Мы всегда рады тебе, ты же знаешь.

Монна Матильда интенсивно закивала. Если бы где-то поблизости была метла, она бы определенно сразу всунули мне ее в руки.

— Нет, это было бы слишком опасно, — сказала я. — Меня могли бы найти у вас. Якопо серьезно кивнул.

— Я понимаю. У тебя есть хотя бы надёжное убежище? Я кивнула.

— Если ты расскажешь нам, где оно находится, то мы сможем снабдить тебя всем, в чём ты нуждаешься!

О да! Снабжение звучало хорошо! Они могли бы принести мне мыло! И травы, из которых я могла бы заварить чай. Кроме того, возможно, лаванду, которую на ночь я могла положить между пропитанных потом вещей! Я открыла рот, чтобы объяснить, как найти домик монны Фаустины, но затем снова закрыла. Но не потому, что я не могла это сказать из-за запрета, а потому что, выдав эту информацию, я подвергла бы опасности других людей. Для Альвизе и его сообщников было бы самым простым выследить монну Матильду или Якопо от лавки трав до домика монны Фаустины. И, кроме того, у него не возникло бы

проблем устранить с дороги неугодных свидетелей.

— Вы могли бы помочь другим способом, — сказала я. — Бартоломео закрыли в темнице, и его нужно вытащить оттуда, — поспешно я добавила. — Его арестовали совершенно безосновательно! Он ничего не сделал. Это была ошибка.

Монна Матильда тяжело вздохнула.

— Ошибка! Пусть верит, кто хочет, но не я! Этот шалопай! Я всегда знала, что в один прекрасный день его ждет плачевный конец!

— Молчи, — сказал Якопо. Затем спросил меня. — Где его арестовали?

— В ... — я не смогла произнести это, и на этот раз это была вина запрета. Ага. Запретная информация. Вероятно, потому что в церкви Святого Стефана находился временной портал.

Я заглушила паузу кашлем и поспешно добавила:

— Самое главное, он скоро снова выйдет на свободу. Возможно, он может помочь найти Клариссу, — все было именно так, потому что в данной ситуации был важен даже такой маленький шанс. Я не знала здесь никого кроме Барта, кто бы разобрался во всей этой сложной истории. Следовательно, он был, вероятно, единственным, кто имел хоть какое-то представление, как спасти Клариссу. Если предположить, что она еще жива... Такие мысли, этого просто не могло быть, я задрожала.

— Кларисса сказала, что у вас хорошие отношения с важными высокопоставленными людьми, — говорила я. — Она хотела попросить Вас, чтобы вы похлопотали об освобождении Бартоломео.

— Если вы двое так желаете видеть этого молодого человека на свободе, я сделаю все, что в моих силах, — Якопо полез в свою сумку на поясе и вынул одну из своих резных фигурок святых, которую протянул мне. — Вот, она принесет счастье. Тебе просто всегда нужно носить ее при себе.

Растроганная, я рассматривала подарок. Если я не ошибалась, это был святой Себастиано. То, что у него было имя человека, возвращения которого я так страстно желала, я рассматривала как доброе предзнаменование. Кроме того, святой Себастиано помогал больным чумой, поэтому не повредило бы носить его с собой. С благодарностью я положила вырезанную фигурку в сумку, и Якопо ответил мне любезной улыбкой. Если монне Матильде нравилось иногда вести себя как фельдфебель на службе, то ее муж был добрейшей личностью. Я сразу же поняла, что побудило Клариссу переехать к этим двум. Она могла бы, действительно, встретить и похуже, пребывая здесь за двести лет от своего времени.

— Ты в любое время можешь отправить нам сообщение, если тебе нужна помощь, — сказал Якопо. — Не медля, сообщай нам, если ты попадешь в беду!

Я поблагодарила и затем пошла к месту, где меня ждал Джино. Там я еще раз кивнула монне Матильде и старому Якопо, прежде чем снова отправиться с мальчиком к следующей цели.

Глава 28

Действительно, Джино оказался удачным выбором. Он сразу же понял, где можно было найти Палаццо Тассини. Точнее говоря, будущий Палаццо Тассини, потому что он как раз строился, и ему далеко ещё было до полной готовности. Я знала лишь то, что строительная площадка была по соседству с мостом Риальто, и,

вероятно, должна была бы искать именно его. Ведь дома в этом веке не нумеровались.

Чтобы охарактеризовать местонахождение более подробно, использовали такие описания, как "напротив церкви такого-то святого" или "в конце переулка сапожников", причём рекомендовалось добавлять к "переулку сапожников" название близлежащей церкви, потому что таких переулков было очень много. Тем не менее, Джино отлично ориентировался, он не заблудился.

— Лишь недавно я осматривал стройплощадку Палаццо Тассини, — сказал он. — Я люблю наблюдать, как трудятся рабочие, потому что это захватывающее зрелище - строительство новых домов в воде.

Я вспомнила, что Маттео выразился подобным образом. Внезапно меня это тоже заинтересовало. Как люди этого времени умудряются воздвигать дома посреди воды, и притом ещё какие: которые, спустя пять веков, всё ещё стояли, ровные, как свеча? Я сгорала от нетерпения узнать это.

Он провёл меня через спутанный лабиринт переулочков от Сан-Поло до Риальто. На площадях и мостиках властвовала толпа, везде шли люди. Между тем мне не показалось чем-то удивительным, видеть людей в старинной одежде, которые спешили по своим ежедневным делам. Чувство отчуждённости, которое поначалу так овладевало мной и сбивало с толку, покинуло меня. То, что отсутствуют жужжащие моторные лодки, вообще не бросалось в глаза. Машин и в будущем не было в этом городе, тут не было такого разительного отличия. Только вечером, когда опускалась тьма, ты чётко ощущал, что находишься в прошлом. Отсутствие электрического освещения было ещё непривычным. Факелы и фонари не смогли заменить гирлянды и светлые витрины.

— Это там, — сказал Джино. Он остановился у подножия деревянного моста Риалто.

Действительно, у входа на мост толпа рабочих занималась кладкой фундамента. Я очарованно рассматривала стройплощадку. Вся она была окружена дамбой, так что вода не могла залить её. Вокруг вздымался вал из дерева, земли и камней, и в возникшем таким образом котловане мужчины трудились над постройкой здания. Сотни свай высились над вязким грунтом. Между ними был закреплён слой поперечно лежащих балок, на которые опиралась кладка. Готовые ряды кирпичей уже достигли высоты выше ватерлинии. По большому проёму со стороны канала можно было распознать, где будет позже находиться отверстие для воды.

Двое рабочих усердно выкладывали заднюю стену будущего водного зала. Другие строители занимались возведением наружных стен.

Я тщательно всё рассматривала до тех пор, пока мой взгляд не остановился на задней стене водного зала.

— Там сообщение было бы в надёжном месте, — сказала я с отсутствующим взглядом.

— Мне передать его одному из этих мужчин? — спросил Джино.

— Ну да, — сказала я. — Собственно говоря, это сообщение скорее для... будущего. Я воображала, как же можно было сделать это сейчас, когда все строители ушли бы на обед, и мне представилась возможность совершенно спокойно спрятать в подходящем месте мой свёрточек, завернутый в клеёнку. Не могла же я спуститься по одной из лестниц в котлован и сказать:

— Извините, мальчики, но мне необходимо подыскать здесь хорошее место, куда бы я могла положить это письмо, не беспокойтеся, пожалуйста, и продолжайте свою работу!

Я напряжённо размышляла о том, как мне, по возможности, незаметно спрятать письмо, несмотря на то, что там как раз возились толпой все эти типы. Ответ был, в принципе, совершенно простым: это было невозможно.

Я уныло уставилась на котлован. Затем я сделала глубокий вдох. Нельзя было так быстро сдаваться! Это определённо можно было как-то сделать! В конце концов, мистер Бьярнигнокки нашёл это письмо в будущем, разве не так?

В то время как я ещё раздумывала над этой дилеммой, Джино заговорил.

— Можно я это сделаю, или нет? — спросил он. Было видно, что его беспокоит, что он мог бы лишиться последней части своего заработка.

— Дело вот в чём, — сказала я нерешительно, показывая ему свёрток. — Я должна спрятать это известие на стройплощадке. Да притом так, чтобы оно там... хранилось.

— Известие, которое никто не должен получить? — сомнение исказило веснушчатое лицо Джино.

В любом случае - в ближайшие пятьсот десять лет, хотела я сказать, однако, по-видимому, это было под запретом, потому что я не могла это произнести.

— Ах, - сказал Джино. — Теперь я понимаю! Это своеобразный оберег, или нет? Я уже слышал о людях, которые делают что-то подобное. Строя новый дом, они приносят в жертву животных и замуровывают их в фундаменте, — он пригляделся к свёртку. — Там внутри мёртвое животное?

— Нет, только письмо. — Я с благодарностью подхватила его идею и добавила: — Гм, такой вид волшебной охранной грамоты.

— И его нужно там замуровать?

— Да, но так, чтобы на него не попала вода, иначе оно потеряет свою силу. Оно должно сохраниться столько времени, сколько будет стоять этот дом.

— Тогда его нужно замуровать в стене, — рассудил Джино.

— Точно, — согласилась я. — Я подумывала о задней стене водного зала. Если бы это можно было как-то уладить...

Я окинула его внимательным взглядом.

— Я дам тебе в 2 раза больше того, что ты уже получил, если у тебя есть идея, как это сделать.

— На самом деле? — он обрадовано посмотрел на меня. — Нет ничего проще. Давайте его сюда.

Он взял свёрток из моей руки и убежал. Я ошеломлённо наблюдала, как он спустился с края вала на стройплощадку и подошёл к одному из работников. Он разговаривал с этим мужчиной и показывал иногда на меня. Рабочий тоже смотрел на меня, и я боролась с желанием исчезнуть, но казалось, что рабочий просто проявляет любопытство. Джино дал ему свёрток, и вслед за тем мужчина взмахнул своей кельмой (или тем, что всегда использовали в то время при строительстве) и вмуровал моё известие в новый ряд кирпичей.

Джино ловко выкарабкался из котлована и посмотрел на меня сияющими глазами.

— Выполнил.

Я едва могла поверить в то, что всё так легко вышло.

— Что ты сказал ему?

— Ну, правду. Что Вы принесли охранную грамоту для этого дома, которую нужно замуровать в стене.

— И он сделал это просто так?

— Ну, конечно, я сначала сказал ему, что вы дадите ему за это сольдо. Эти деньги я выдал ему авансом, — Джино кривовато ухмыльнулся. — И я сказал, что в охранной грамоте - благословение епископа. Только для того, чтобы он не подумал, что это колдовство.

— Ты умный парень, — сказала я восхищённо, выгребая пару монет. — Вот, за твои расходы и за твоё старание.

Так как он решил мою проблему так элегантно, я дала ему явно больше, чем было договорено. Он снова весь засиял, и я обрадовалась, что он был счастлив.

— Джино, ты отличный друг!

Он оказался замечательным товарищем, но в этом деле я не хотела мелочиться.

Он принял самодовольный вид.

— Я буду помогать Вам всегда, когда это будет нужно, Мадонна.

Вдруг у меня возникло желание защищать его. Или хотя бы прижать его к себе и сказать ему, какой он замечательный мальчик. Ведь мне трудно было объяснить ему, что он жил в скверную, отсталую эпоху, когда не было школы и пособия на детей. Невольно я откинула вуаль и улыбнулась ему. Потом я спросила у него, где он живёт. Лишь на тот случай, если бы мне действительно еще раз понадобилась его помощь.

— В третьем доме переулка красильщиков за церковью Мадонны дель Орто, - сказал он, прежде чем дружелюбно помахать мне на прощание. Я смотрела ему вслед до тех пор, пока он не исчез за углом ближайшего дома.

Прежде чем самой отправиться в путь, я ещё раз посмотрела в сторону строительной площадки. Стена стала выше на ещё один ряд кирпичей, а свёрток был в надёжном месте до следующего тысячелетия. По крайней мере, до тех пор, пока появится мистер Бьярнигнокки и найдёт его.

Вдруг у меня засвербело в затылке. Лучше всего было испариться, прежде чем мимо пройдёт кто-то, кто меня узнает. Кроме того, я считала, что я в этот день на самом деле хорошо поработала и заслужила небольшой перерыв, но, прежде всего, приличный обед. Я резко отвернулась от стройплощадки и как раз хотела отправиться в путь, когда немедленно столкнулась с кем-то, кто, по-видимому, всё время находился именно там, где я меньше всего этого ожидала. Я оцепенела от ужаса, так что я не могла больше сделать ни шага.

Альвизе Малипьери стоял передо мной и пристально смотрел на меня. Я мысленно проклинала себя за то, что забыла опустить вуаль, тогда он, возможно, просто прошёл бы мимо меня.

— Вы только посмотрите, — сказал он протяжно. — Мне кажется, что ты снова отлично себя чувствуешь.

Я сглотнула и порывисто перевела дух, чтобы, в случае необходимости, громко закричать, если бы ему вздумалось причинить мне вред здесь, на глазах у всех людей.

Однако он просто стоял рядом и рассматривал меня этими безжалостными тёмными глазами, под взглядом которых всё живое могло превратиться в лёд, если

бы он только смотрел достаточно долго. Во всяком случае, мне показалось так, потому что недавно мне было по-настоящему тепло, но сейчас мои руки и ноги внезапно похолодели. Конечно, от страха, но это не становилось менее реальным. Несмотря на это, к моему страху прибавилось слабое чувство удовлетворения, когда я заметила, что моя П.Е.С.Н.Я. оставила на нём свой отпечаток. Его нос опух и стал толстым и красным, а ноздри были заклеены застывшей кровью.

— Я уверен, что ты спрашивала себя, почему ты осталась невредима и после этого снова проснулась, — рассуждал Альвизе приветливым тоном.

Так как я молчала, он продолжил так же словоохотливо:

— Конечно, это не было ошибкой, как ты можешь подумать. Этого потребовали обстоятельства, поэтому я должен был пощадить тебя. Хотя я действительно считал, что тебя можно было бы равным успехом бросить в канал. С надетым на голову мешком.

Я преодолела своё оцепенение. Мне показалось, что он хотел мне довериться, почему же не использовать такую возможность? Полезно было получить информацию о враге, а если враг ещё и сам хотел её тебе рассказать, тем лучше. Мне заранее было ясно, что у его поведения должны были быть причины, и я горела нетерпением узнать их.

— Какие обстоятельства потребовали этого? — выпалила я.

— Говорят, что ты нам ещё нужна. Так же, как и Тревисан. Для устранения важной проблемы.

— Кто так говорит? Твой так называемый господин?

Он уставился на меня.

— Я сам себе господин!

— Ах да? А кто же тогда решил, что я должна помочь избавиться от проблем?

Несмотря на то, что я не желаю этого делать, и поэтому тебе и твоему господину придётся долго ждать, — это должно было прозвучать невозмутимо, но мой голос дрожал.

Альвизе заметил это и засмеялся.

— Ты дурёха. Неужели ты думаешь, что можешь на это повлиять? Ты пока ещё жива, потому что поможешь кое-кого убить.

Я ошарашено посмотрела на него.

— У тебя крыша поехала! Ты действительно думаешь, что я сделаю что-то подобное?!

— Когда придет время, ты сделаешь это, так было предсказано.

— Кем же? — спросила я мимоходом, в надежде, что он неосознанно просто так все выдаст. Себастиано сказал, что должен был быть кто-то, кто помогал Альвизе в его путешествиях во времени. Должно быть, речь шла о хранителе, так как только они могли знать о том, что произошло в будущем, включая изменения течения времени, так как они могла смотреть в магические зеркала.

— Пожалуй, ты бы очень хотела это узнать, — думал Альвизе. Насмешливо он покачал головой. — В момент своей смерти ты узнаешь это. Вероятно.

Только, когда он сделал шаг ко мне, я заметила, что он вытащил свой кинжал.

Прежде чем я успела отступить, он настиг меня и стоял так близко ко мне, что его камзол соприкасался с моей вуалью на лице. Снова в нос ударил запах мыла, чистой шерсти, кедра. Больше всего мне хотелось сделать гигантский скачок назад,

чтобы ускользнуть от этого ненавистного запаха, но тогда я оказалась бы в канале. Одно мгновение я действительно обдумывала, что ванна в бульоне из водорослей лучше, чем продолжать общение с Альвизе, но он крепко держал меня, крепко схватив край платка, который я накинула на плечи. Он просунул кинжал между складками ткани к моему горлу.

— Ты сам сказал, что я еще нужна тебе, — я ненавидела те умоляющие нотки в моем голосе, но ничего не могла с этим сделать. Пospешно я посмотрела направо и налево. Множество людей гуляли по берегу канала, также и мужчины на стройке, но никто не обращал на нас внимание. Альвизе ловко скрывал кинжал.

— Конечно, ты еще нужна мне, — сказал он. — Но никто не уточнял, как ты должна выглядеть при этом. Например, у тебя могли бы появиться несколько милых, дополнительных воздушных отверстий. После этого ты все еще будешь жива, — кончик кинжала впился в кожу под подбородком. — При этом я полностью готов к переговорам. Скажем так, я не порежу тебя, а ты расскажешь мне, через какой портал в последний раз перешел Себастиано. Или где ты держишь маску.

— Я потеряла ее, — утверждала я.

Одновременно с этим я услышала разозленный голос, который мне показался очень знакомым.

— А, вот ты где! Едва я остановилась на мгновение у торговой лавки, так ты сразу же исчез, — это была Доротея. Правда я не могла ее видеть, так как она стояла за Альвизе, но она пришла как раз вовремя, чтобы спасти меня.

— Доротея, как хорошо, что ты здесь! — произнесла я сдавленным голосом.

В следующее мгновение она появилась в моем поле зрения. Ее красные локоны вились под идеальной, желтой шелковой вуалью, по-видимому, желтый был ее любимый цвет, и ее окружал запах духов, который Кларисса преподнесла нам в день праздника у Тревисана. Очевидно, она позаботилась о пополнении парфюма.

— Что, ради всего святого, ты делаешь здесь? — хотела она узнать у Альвизе.

— Мне просто нужно по-быстрому порезать ей лицо, — сказал Альвизе равнодушно. — Она не хочет поделиться со мной тем, что я хочу знать. Но мне нужно получить информацию, так как это важно. Возможно, тебе стоит лучше подождать вне зоны слышимости, иначе она ничего мне не расскажет.

Под этим он имел в виду запрет! Я хватала ртом воздух.

— Доротея... — обратилась я с мольбой.

— Ты сошел с ума? — подразнила она его. — Печаль, ты порежешь ее! — она отошла в сторону и посмотрела на меня, порицая. — Кровь испортит мой прекрасный платок! Я все это время хотела получить его назад, — целеустремленно она схватила платок, который я накинула на плечи, и сорвала его с моего тела. Сразу после этого она отступила назад. — Так, теперь ты можешь сделать ради меня то, что ты не можешь оставить. Но, вероятно, лучше под кровом арки, там впереди, там вас никто не увидит. Я жду там у моста.

— Доротея! — выкрикнула я в ужасе, но она уже удалилась.

Альвизе затащил меня в арку.

— Здесь только мы, — кинжал впился в мою кожу. — Говори, ты — кусок дерьма!

— Я знал, что ты придешь сюда, чтобы посмотреть на строительство! — Это был восторженный голос Маттиаса Тассельхофа, также Маттео Тассини.

Кинжал исчез, прежде чем он успел нанести повреждения. Альвизе быстро

освободил меня и отступил на шаг. За ним появилась полная фигура Маттиаса. Он стоял в переулке перед аркой и с удивлением смотрел на Альвизе.

— Что вам нужно от Анны, Малипьеро?

— Собственно, он как раз хотел идти, — немедленно ответила я. Мой голос дрожал, и я едва могла держаться прямо, так как мои колени тряслись от облегчения.

— Она права, — Альвизе натянул обязательную улыбку. — Для нашей беседы еще будет время позже, — он развернулся на каблуках и зашагал прочь большими шагами.

— Что этот тип от тебя хотел? — спросил Маттиас, нахмутив лоб. — Не он ли был недавно на празднике Тревисана? Мне кажется, он мешал тебе в водном зале, может такое быть?

— "Мешать" — не совсем подходящее выражение, — сказала я.

— Какое бы тогда подошло?

"Убить", — подумала я. Сказать это я не могла из-за запрета.

— Он просто... рассердил меня, — сказала я. — Своим... эм, невежливым поведением. Если ты хочешь знать, что я о нем думаю: то я просто терпеть его не могу, — по крайней мере, это я могла произнести.

— Откуда ты вообще его знаешь?

— Ах, длинная история... А ты откуда его знаешь?

— Он наш сосед.

Во рту пересохло.

— Ты имеешь в виду, что он живет здесь?

— Нет, он живет рядом с нашим старым домом на Кампо де Мори. И я тоже особенно его не переносю. Мужчина кажется мне довольно часто зловещим, при этом я даже совершенно не знаю, почему, — яро он протянул мне руку, чтобы я могла взять его под руку как молодая, незамужняя аристократка.

Я недолго раздумывала и сделала это, уже потому, чтобы я могла крепко держаться. После нападения Альвизе я все еще дрожала и слушала в пол-уха Маттео, который объяснял мне скучные успехи в строительстве Палаццо. Мне все еще казалось, что чувствую металлический кончик кинжала. А также ужас от безжалостного поведения Доротей отступал довольно медленно. При этом я размышляла, каким образом я могла бы попасть в ситуацию, в которой, вопреки своей воле, я помогла бы убить Тревисана. То, что при этом речь шла о нем, для меня не подлежало сомнению. Конечно, я никогда бы добровольно совершить такое ужасное действие, поэтому мне вообще тяжело давались размышления над тем, какие обстоятельства принудили бы меня к этому.

Никакие - поклялась я себе. И если бы мне самой это стоило жизни! И так как я теперь знала информацию, я бы еще больше обращала бы внимание на то, чтобы не допустить этого. Лучше всего мне не приближаться к Тревисану. Чтобы уже исключить, что я могла бы подставить ему подножку, и он упал бы с лестницы, разбив себе при этом затылок. Или воспрепятствовать тому, чтобы он не разволновался от того, что я скажу, и получил бы инфаркт сердца. Все было возможно в этих странных путешествиях во времени.

— ...немного подкрепиться? — моих ушей достиг голос Маттиаса.

— Прости? — спросила я.

— Я немного голоден, — сказал он благовоспитанно. — Я спросил, хотела бы ты немного подкрепиться. В таком случае мы могли бы взять что-нибудь у этого уличного повара, там очень вкусно.

— О, с удовольствием, — хотя голод полностью прошел, когда появился Альвизе, но любое отвлечение устраивало меня.

Все еще крепко держась за Маттиаса, я шла вместе с ним к лавке с едой, где уличный повар установил небольшой гриль, от которого вкусно пахло жареной курицей. К ней прилагался белый хлеб.

Озадаченно я слушала, как Маттиас приказывал продавцу, чтобы он порезал хлеб в форме треугольников и положил мясо между ними. Результат мне подали на деревянной дощечке. Выглядело как оригинальный сэндвич. Также как и тот, что я еда в будущем вместе с Маттиасом на кампо Санто-Стефано.

— Это просто улетно, — сказала я (но получилось "очень удивительно").

— Мне кажется, что так вкуснее, — сказал Маттиас. Задумчиво он добавил: — Я даже не знаю, почему. Но мне больше всего нравится есть хлеб так. Я с такой радостью ждал все время возможности пойти с тобой на пляж и попросить сервировать нам еду именно так. Даже, если другие, вероятно, считают это странным.

Он заплатил продавцу, а затем мы сели на каменный бордюр и поедали наши сэндвичи, точно так же, как мы бы делали это через пятьсот десять лет. Делали. Эх, проклятье!

— Я тоже считаю, что так намного вкуснее, — объяснила я. — Другие могут спокойно находить это странным!

— Иногда у меня возникает еще больше странных идей, — доверился мне Маттиас.

— Например, я чищу зубы минимум три раза в день. Это как внутренний порыв, в первую очередь после того как я поем сладкое.

— О, это нормально, — сказала я. — Я тоже так делаю, — коротко я добавила: — Если только не забываю или у меня нет времени.

— Правда? — он размышлял дальше: — Только моя мама тоже делает это, но больше я не знаю никого, кто тоже так делает.

— В любом случае, это может принести только пользу, — сказала я. — Из-за костоеда и так далее, — вообще-то я хотела сказать "кариес", но это тоже самое.

— Знаешь ли, это была бы моя мечта, чтобы люди регулярно чистили себе зубы. Я думаю, что у людей слишком много бед из-за плохих зубов. Если бы люди больше заботились о своих зубах, они были бы определенно здоровее.

Это вырубilo меня. Очевидно, он забрал с собой из будущего желание стать зубным врачом. Только здесь он не мог, к сожалению, получить профессию зубного врача, так как цирюльники были чем-то вроде жестянщика, которые выполняли эту работу.

Мы сидели там безмолвно и единодушно смотрели на Гранд-канал, где в пестрой последовательности лодки, плоты и гондолы. Было светло и солнечно, воздух приятный и мягкий. На вкус хлеб был свежим и хрустящим, а мясо было с привкусом пряностей. Если бы обстоятельства были не настолько ужасными, я могла бы чувствовать себя хорошо.

Мирное настроение было внезапно разрушено, когда женщина крикнула Маттиасу.

— Маттео! Что ты только там делаешь?

Мне вовсе не нужно было поворачиваться, чтобы узнать, кем был задан этот вопрос. Ворчащий, все знающий тон был узнаваем. И в самом деле, в следующее мгновение Джулиана Тассельхоф, она же Джулиа Тассини, прошелестела вперед и посмотрела на ее сына порицающим взглядом.

— Ты должен следить за мужчинами при строительстве, а не расслабляться на солнце!

При этом она так посмотрела на меня, как будто я затащила Маттиаса сюда какими-нибудь грязными трюками.

— Не та ли это девушка, у которой не все в порядке с головой? Как ее имя? Анна?

— Мама, я прошу тебя, — чувствуя себя неловко, сказал Маттиас. Затем более решительно продолжил: — Ты же видишь, что мужчины усердно работают. Они не любят, когда у них стоят над душой.

Возможно, он лелеял надежду, что его мать снова исчезла бы, но она продолжала стоять как приклеенная и не сводила с нас глаз.

Радость от сэндвича на солнце прошла. Я поднялась и отряхнула пыль с одежды.

— Мне нужно идти дальше. Было приятно тебя встретить, Маттео. Вероятно, однажды мы снова увидимся.

Это было просто так сказано, так как я понимала, что это прощание навсегда. Сразу же я заметила, как в глазах появились слезы. Быстро я прикрыла лицо вуалью, чтобы никто не увидел, что у меня было на душе. Маттиас Тасельхоф был единственным звеном, связывающим меня с моим временем. Он родился в тот же год, что и я. Даже если он не мог вспомнить меня или предыдущую жизнь, он казался мне чем-то вроде спасательного канала. Когда я сейчас ушла бы, он бы порвался.

— Передавайте всего хорошего Вашему дорогому супругу, — вежливо сказала я Джулиане Тассельхоф. — И много счастья в новом доме. Чтобы он простоял столетия в полном великолепии.

Это пожелание, конечно, было корыстным, но почему Тассельхоф не должны тоже иметь немного счастья? Хотя бы из-за Маттиаса, которому я действительно желала хорошей жизни.

Спонтанно я сказала ему:

— Насчет зубов, не давай отговорить тебя от этого. Я того же самого мнения, как ты. Никогда не лишним их почистить. Особенно вечером!

С этими словами я быстро отвернулась и удалилась.

Глава 29

Следующие дни прошли однообразно. Самое захватывающее, что я пережила, был торг с Монной Фаустиной. За каждый кусочек мыла, каждое свежее полотенце и каждое убогое сморщившееся яблоко она требовала бешеные деньги. Я делала все возможное, чтобы ее немного придержать, но мне нужно было есть и умываться, поэтому мои сбережения быстро закончились. До следующего полнолуния еще хватит, но если Себастиано до того времени не появится, будет туго.

Из-за страха натолкнуться на Альвизе, я не осмеливалась выходить за дверь. Я была убеждена, что он не спускал глаз с тех мест, где я могла появиться. Каждые пару дней я ходила, спрятавшись за плотной вуалью, к магазину масок, но он оставался покинутым, а дверь запертой.

Большую часть времени в дальнейшем я сидела на душном вонючем чердаке Монны Фаустины и ждала возвращения Себастиано.

Часто думала о Барте и беспокоилась о том, что ему, вероятно, пришлось пережить в тюрьме. Судя по всему, что я до этого слышала, никто в тюрьме с людьми не церемонился. Международной амнистии здесь было бы работы хоть отбавляй. Еще я думала, разумеется, о Клариссе. Иногда я сомневалась, была ли она вообще жива. Тогда мне становилось тяжело на душе, и я забивалась в угол кровати и редела.

Кроме того, мне стало себя ужасно жалко. Мысль о том, что я вероятно еще долго здесь пробуду, вгоняла меня в депрессию. Через несколько дней я не знала, что пахло хуже: моя одежда или я сама. Тем не менее, я спрашивала себя, смогу ли я к этому как-то привыкнуть, но ответ был и оставался отрицательным.

В конце концов, эти жалкие гигиенические условия стали несущественными, потому что приближалось новолуние, а кого не хватало, так это Себастиано. Теперь я боялась не того, что он может вернуться слишком поздно, а лишь того, что он, вероятно, не перенес болезнь, он никогда бы не вернулся и Хосе с Эсперанса тоже, и я бы застряла здесь навсегда!

Я все чаще редела и из-за своей депрессии даже перестала торговаться с Монной Фаустиной за хлеб и сыр или свежее полотенце, в результате я ела совсем немного и больше не мылась.

Наконец, оставались еще три дня до новолуния, потом два и один. И тогда пришло бы время мне уезжать. Наступил вечер, и я начала отсчитывать часы. Я точно не знала, как скоро это должно было произойти, но вне сомнения в эту ночь. Я все высчитывала и высчитывала и уж наверняка ничего не упустила.

Но это не имело никакого значения, потому что мне придется провести следующие две недели до следующего новолуния в этом отвратительном прошлом. И затем, вероятнее всего, остаток моей жизни.

Я уснула в слезах отчаяния.

Мне приснился сумасшедший сон, в котором Себастиано постучал в дверь Монны Фаустины. Монна Фаустина впустила его и немного поворчала, потому что он ее поднял с постели, но затем она стала дружелюбнее и даже зашла так далеко, утверждая, что он был ее любимым арендатором за его щедрый характер. Попутно она упомянула, что его супруга имела противоположную черту, ее практически можно назвать скупой.

Супруга слышала во сне каждое слово, но мне было абсолютно все равно, что Монна Фаустина считала меня скупой. В свою очередь, я считала ее очень жадной, поэтому не было причины злиться.

В моем сне Себастиано взобрался вверх по лестнице.

— Я вернулся, — сказал он.

Я моментально проснулась и подскочила.

Я громко вскрикнула, когда около моей кровати увидела стоящего Себастиано. У него в руке была сальная свеча, которая освещала исподнизу его лицо.

— Ты вернулся! — излишне лепетала я.

— Я же сказал.

Я начала плакать, я не могла по-другому.

— Ты по мне соскучилась? — спросил он.

— Не обольщайся, — всхлипывала я.

Он удивлённо поднял одну бровь.

— Мне снова уйти?

— Только посмей!

Я выползла из постели, чтобы лучше его рассмотреть. При свете свечи его лицо все еще было бледным, но от его болезни не осталось и следа. Глаза светились голубизной, как и прежде, и снова появилась дерзкая ухмылка. Маттиас бы не наradoвался его белоснежным зубам, и, будучи бессовестно привлекательным, он был для меня как при нашей первой встрече - победителем. Ему не нужна была футболка, на которой это было написано, потому что он уже был таковым.

— Ты выглядишь ... здоровым, — сказала я. Это прозвучало как-то глупо неуклюже.

— Не удивительно, они давали мне, не счесть сколько, уколов и таблеток.

Снизу стук задней двери свидетельствовал о том, что Монна Фаустина скрылась в направлении уборной, так что мы могли немного спокойно поговорить. Вышло удачно, потому что я сгорала от любопытства узнать, что с ним случилось тем временем.

— Ты был в больнице? — спросила я.

Он кивнул:

— Восемь дней, первые два в отделении интенсивной терапии.

— Ох, — испугалась я. — Что именно у тебя было?

— Воспаление легких. Вообще-то они хотели меня еще пару дней понаблюдать, но я просто удрал.

Во мне что-то растаяло.

— Ох, — едва произнесла я. — Это ты специально для меня сделал? Чтобы я здесь не оставалась еще две недели?

— Эм.. Ну да, точнее, из-за твоего письма.

— Ты его прочитал? — не поверила я.

Он кивнул.

— Хосе показал мне копию в больнице. Кто-то прислал этот документ в наш университет и запросил заключение о подлинности.

Я была в восторге.

— Тогда это действительно сработало! — Я рассказала ему, как все осуществлялось, на что он покачал головой и сказал, что моему примеру следует подражать.

Взволнованная я его перебила.

— Тогда ты в курсе, что произошло с Клариссой и Бартом! И что Тревисан исчез!

— Поэтому я сюда раньше и вернулся. Мы с Хосе об этом позаботимся.

— А до того отправите меня обратно, потому что это как раз случайно совпало? — поинтересовалась я, дальше пояснив: — В эту ночь как раз новолуние. Я точно подсчитала и хочу теперь, наконец, попасть домой.

Он наморщил лоб.

— Хм ... конечно, если ты этого хочешь. Красная гондола находится в водном зале дома Мариэтты. И Хосе тоже там. — Его взгляд смягчился. — А идея с письмом просто гениальна. Ты — замечательная девушка, Анна.

Я чувствовала себя невероятно замечательной, в смысле замечательно грязной. Но это, казалось, не мешало Себастиано ухмыляться. Он взял меня за плечи и долго на

меня смотрел.

— Анна, я так рад тебя снова видеть. — Его взгляд утонул в моем. Внезапно мне стало тяжело дышать. Он стоял слишком близко ко мне.

— У меня нет ничего чистого, чтобы надеть, — пожаловалась я. — У меня абсолютно нет денег, и я дурно пахну.

Вместо ответа он притянул меня к себе и поцеловал. Когда я почувствовала его губы, мне стрельнуло в голову, что он потеряет сознание от запаха моего тела. Но ничего такого не произошло, наоборот, он поцеловал меня настойчивей, а затем я перестала думать и страстно ответила на его поцелуй.

Пожалуй, мы бы вместе упали на кровать, но потом мы услышали Монну Фаустину зовущую снизу:

— Вы не хотите есть? Я купила свежую салями! Я бы могла продать вам немного по специальной цене!

Себастиано, мешкая, отпрянул и крикнул через плечо вниз:

— Спасибо, мы сами о себе позаботимся. Кроме того, мы сейчас же уезжаем!

Я глубоко вздохнула. Мои колени задрожали.

— Это самые прекрасные слова, что я от тебя слышала.

Он ухмыльнулся.

— Честно? А я думал, это были бы мои комплименты о твоих золотых волосах.

Мне нужно было рассмеяться, хотя у меня от поцелуя все еще дрожали колени. Я торопливо натянула свое грязное платье поверх нижней юбки и скользнула в туфли. При попытке расчесаться я быстро сдалась, потому что мои волосы были просто растрепаны. Завтра я как минимум помою их пять раз и следом дважды воспользуюсь кондиционером. И затем быстро забуду, в каком состоянии я пробыла последние недели.

— Я готова! — сказала я. — Мы можем идти! Немного неуверенно взглянула на него. — Мы идем, не так ли?

— Конечно. Я тебя сюда привел, и я же снова отправлю тебя обратно.

Мне полегчало.

— Тогда все в порядке.

Разумеется, я верила в это безоговорочно. Пока я отказывалась задумываться о том, что будет между мной и Себастиано после моего возвращения домой. Несомненно, это бы, так или иначе, вышло, но прежде нужно было разделаться с делами поважнее. К примеру, принять душ и позавтракать с мамой и папой в гостинице. Тост с нутеллой, хлебец с вареньем, какао, апельсиновые сок и потом шоколад и мороженое, пока мне не станет дурно.

Себастиано осмотрел чердак.

— Все вещи мы оставим здесь, тебе они уже не понадобятся.

— Ой, подожди. — Я торопливо нашарила маску в своем сундуке. — Я возьму ее с собой. — Я затолкнула ее в сумку, где еще лежали немного монет и маленькая фигурка святого, подаренная Якопо.

— Ты ее потеряешь при возвращении, — учел Себастиано.

— В таком случае она хотя бы не попадет в руки Альвизе.

— О чем это ты?

— Он интересовался, где она.

Себастиано повернулся ко мне.

— Что? Ты его видела? Когда?

Я прислушалась, никого ли не было внизу, и затем шепотом рассказала о встрече с Альвизе и Доротеей на стройке Палаццо Тассини.

Себастиано слушал, не перебивая. Выражение его лица становилось все мрачнее.

Когда я закончила, у него был такой гневный вид, что мне самой стало страшно.

— Парень еще пожалеет о том, что родился на свет, — сказал Себастиано. — Об этом я лично позабочусь. — Его голос был спокойным, но в то же время слышалась убийственная решительность. Если бы Альвизе оказался случайно поблизости, определенно между ними бы завязалась бойня.

Мысль пугала меня, потому что, в конце концов, Себастиано недавно познакомился с кинжалом Альвизе. С другой стороны, наоборот, соблазняла меня, потому что он хотел, чтобы Альвизе ответил за все. Звание "заступник" теперь приобрело новое реальное значение для меня.

В любом случае я теперь не боялась, чему и радовалась, и, конечно же тому, что я теперь, наконец, отправляюсь домой.

Монна Фаустина поджидала нас и с обвиняющим видом заявила, что мы вообще-то еще должны заплатить аренду за следующую неделю по причине нашего неожиданного отъезда.

— Я бы позаботилась о новой аренде, если бы знала, что вы уже выселяетесь!

— Мы заплатим дополнительно за один день, но только чисто из вежливости, — сообщила я. — И за это мы хотим приличный кусок сыра, а именно свежего сыра, не с прошлой недели, с хлебом, разумеется. — Я заметила удивленный взгляд Себастиано и откашлялась. — Я не ужинала.

— Вы хотите меня погубить! — завопила Монна Фаустина, но это не помешало ей накрыть на стол, что мы пожелали и затем, проворно схватив монеты, которые ей протянул Себастиано, положить их в карман.

— Что с вашими вещами, вы их берете с собой? — поинтересовалась она.

— Нам они больше не нужны, — ответил Себастиано.

После чего Монна Фаустина казалась более дружелюбной, чем можно было ожидать при нормальных обстоятельствах. Я даже подумала, что увидела подобие улыбки, прежде чем мы пошли.

— В одном я точно уверена, — сказала я уже на улице, откусывая хлеб с сыром. — Эта женщина умеет твердо вести переговоры.

— Ты тоже это умеешь, — улыбаясь, сказал Себастиано.

— Незамужним женщинам этого времени ничего не остается другого, как вести себя так, — пояснила я. Собственно говоря, я говорила это в шутку, в то же время я понимала, насколько необычайно правдивым это было.

Себастиано тоже откусил кусок хлеба с сыром, потом снова я, и к тому времени, пока мы дошли до пристани, все было съедено.

Мы забрались в гондолу, которая была там пришвартована. Он закрепил факел в специальный держатель и вставил длинное весло в уключину. Себастиано поднялся на козырек лодки и оттолкнул ее от пристани. Пока он ловкими движениями управлял гондолой через лабиринт ночных каналов, я сидела на скамье и украдкой посматривала на него. Его не очень хорошо было видно, потому что факел находился в другом конце лодки.

Факелы и фонари, которые горели на берегу канала, не давали достаточно света. Но

этого было достаточно, чтобы различить малейшие детали его облика. Темные черты лица, линии его сильных плеч, контур его ног. Я видела даже слабый огонек в его глазах и спрашивала саму себя, о чем он думает в этот момент, когда раз за разом поднимал и опускал весло и на протяжении всей дороги высматривал кого-то в темноте.

Думал ли он, как освободить Барта из тюрьмы и что же приключилось с Тревисоном и Клариссой? Как он может сделать так, чтобы обвести Альвизе и, в конце концов, одолеть его.

На месте Себастиано я бы непрерывно ни о чем другом не думала и наделала бы в штаны от страха. Но я не была на его месте, а была лишь девушкой, которая случайно попала в прошлое. Я внесла свою лепту во всю эту историю и спасла человека ценой своей собственной жизни. Я достаточно рисковала и пережила, следовательно, мне можно обратно домой, и мне нет никакого дела до всего этого. Спрашивается только, откуда взялось это странное чувство. Практически чувство нечистой совести. Хотя это было совсем невозможно, потому что не было никакого разумного основания для этого, ни единого.

Я решительно распрямила плечи и озлобленно уставилась вперед, пока не увидела очертания дома куртизанок.

Себастиано пришвартовал гондолу к столбу, который торчал из воды, в то время, как я высадились на набережную и ожидала, пока он выберется из нее. Мы ничего не говорили, даже тогда, когда я шла за ним к воротам. Сильнее, чем нужно Себастиано подергал в дверной звонок. Мариэтта лично отворила дверь.

— Ну, наконец-то вы здесь! — Несмотря на ночное время, она выглядела как всегда прекрасно. И, кроме того, она прекрасно пахла. Как будто недавно помылась. Вместо приветствия она обняла меня и поцеловала в щеку. При этом она сморщила нос, что мне очень понравилось.

— Я приготовила для тебя ванную и положила свежую одежду.

— Просто обалдеть! — вдохновлено вскрикнула я. Это прозвучало, как "Какое безмерное благодеяние!", но так или иначе это шло из глубины сердца. Медля, я посмотрела на Себастиано. — Вообще-то я не знаю ...

— У нас достаточно времени, — прервал он меня.

— И в доме нет чужих мужчин, — сказала Мариэтта. — Этой ночью не будет праздника.

— Ох, это... Не обязательно было это делать, — сказал я.

— Это не из-за тебя, — проинформировал меня Себастиано. — Это из-за того, что сегодня воскресенье.

— У меня и моих девочек выходной, потому что так положено, — добавила Мариэтта.

Я смущенно кивнула. Мне не хотелось знать подробности.

Служанка отвела меня на верхний этаж, в так называемую комнату, где стоит кровать с балдахином, в которой я уже однажды ночевала. После нескольких убогих недель в доме монны Фаустины я была словно убита царящим повсюду богатством. В камине горел уютный огонь, и перед ним стояла большая ванная, наполненная парящей водой. Соблазнительный восточный запах наполнял воздух.

Кто-то, кто очень хорошо обо мне думает, должно было надушить воду.

Служанка предложила помочь мне раздеться и помыться, но, как и прежде, я

сказала, что могу справиться с этим сама. После того, как она ушла, я заперла дверь. Потом я молниеносно разделась. Пропитанная потом и запачканная одежда просто упала с меня, и я взобралась в ванную. Я простонала, так как вода была слишком горячей, но, во всяком случае, больше от того, что это было прекрасное чувство. На протяжении стольких недель я мечтала о хорошем душе, и сейчас должна заметить, что тогда я не задумывалась о хорошей горячей ванне. Точнее говоря - помыться в ванной- это было самое настоящее безумие. Это было безумней, чем принять душ.

Охая, я погрузилась в ванную, и первое время просто наслаждалась теплом и запахом.

Около ванной стоял столик, покрытый скатертью и со стоящей на нем мыльницей. Мыло пахло весенними цветами и многообещающе пенилось, в то время как я натирала им свою кожу и массируя этими мыльными кусочками свою голову. Неудивительно, что после этого я чувствовала себя такой свежей как никогда раньше.

Я нырнула еще несколько раз и смыла пену, затем я повторила всю процедуру еще дважды, это было так здорово. После для меня стало бесспорным: "Я никогда больше не буду считать мытье головы неизбежным злом, которое выполнялось при ежедневном приеме душа, а наоборот, настоящей привилегией. На свои следующие карманные деньги я куплю себе десять разных шампуней и буду использовать один за другим. Бесконечно долго и буду по-настоящему этим наслаждаться.

Тем временем я еще немного посидела в мутной воде и помечтала о доме. Через какое-то время вода стала прохладнее и постепенно нехорошие мысли закрались в мои грёзы. К примеру, то, что я с родителями вернусь обратно в Германию и, вероятно, больше никогда не увижу Себастиано.

Было действительно больно себе такое представить, поэтому я так же быстро вытеснила эти мысли. Я отвлеклась тем, что с брызгами вылезла из ванны и быстренько вытерлась насухо приготовленным полотенцем. На комод я нашла другие средства для ухода: там был гребень и различные горшочки. В одном из них был лосьон для тела, во всяком случае, он так пахнул, поэтому я щедро намазала им руки. Затем распутала расческой волосы, которые были удивительно чистыми после мытья, но, к сожалению, еще запутаннее, чем прежде, из-за чего я довольно долго их расчесывала. Наконец, я заплела себе косу и тем самым вспомнила, как мы вместе с Клариссой мыли голову.

Сразу же проснулась совесть, потому что я наслаждалась приемом ванны, не беспокоясь о том, как ей там жилось. Альвизе сказал, что она ему должна еще сослужить добрую службу, также как и Тревисан. Что за страшные планы вынашивал он для обоих? Явно такие, которые бы ничем хорошим для них не закончились.

Я сразу поторопилась одеться. Но должен же быть способ уничтожить Альвизе! И прежде всего, освободить Клариссу, Барта и Тревисана!

Преисполненная жгучим желанием об этом поговорить с Себастиано, я едва не схватилась за вонючую одежду, которую я бросила на пол перед купанием. Как раз вовремя я заметила обещанную чистую одежду, которая лежала на кровати.

Ароматная белая нижняя юбка подходящей длинны, к ней платье из голубого шелка с золотой вышивкой и тонкие чулки, которые завязывались выше колена лентами.

В отличие от моего первого пребывания в этой комнате, в этот раз я, не раздумывая, надела вещи. Поношенную одежду я оставила на полу, только прихватила с собой пояс, потому что на нем все еще висел мой кошелек.

Я мельком посмотрела на себя в зеркало. В ренессансной моде действительно что-то было. В этом платье любая женщина могла выглядеть красавицей. Поначалу все это казалось мне очень старомодным, но теперь мне нравился покрой развевающихся шелковых одеяний в сочетании с белыми нижними юбками.

Разумеется, это уже было в прошлом, завтра я уже буду носить джинсы и майку и если я скажу iPod, он будет звучать именно так, как я его произнесла.

Взглянув на себя в последний раз в зеркало, я покинула покой и отправилась искать Себастиано. Мне не пришлось гадать, где его искать, так как услышала его голос в портего. Он шел из другого покоя, примыкающего к большому залу. Дверь была приоткрыта, потому как я понимала, о чем они говорили. Невольно я остановилась и прислушалась.

— Если бы мы только знали, что он задумал с ними!

— В любом случае, ему они еще нужны, иначе он бы не оставил их в живых. — Это был голос Хосе.

— Мы должны высвободить Клариссу как можно быстрее! Зачем ждать, когда мы можем тотчас сделать это? — Это был Барт! Его освободили из тюрьмы!

Не колеблясь, я толкнула дверь и вошла в комнату.

— Бартоломео! Ты снова здесь!

Барт взглянул на меня и улыбнулся, он сидел вместе с Себастиано и Хосе у камина. С первого взгляда показалось, что он достойно выдержал пребывание в тюрьме, но когда я получше его рассмотрела, заметила, как сильно он похудел. По-видимому, в тюрьме не особо кормили. Затем я заметила припухлости на лбу, вероятно, результат нападения с подсвечником. Над бровью у него была играющая разными цветами ушибленная рана, которая уже начала затягиваться. Кроме всего этого, казалось, он был в порядке. Он даже побрился, что для меня было хорошим знаком. Я смотрела на него сияющими глазами.

— Так старому Якопо все же удалось!

— Якопо? — спросил Барт.

Себастиано откашлялся и затем кисло произнес:

— Не хочу показаться придирчивым, но за освобождение он должен благодарить меня.

Я заметила его удивление.

— Правда? Как тебе удалось?

— Здесь все возможно, если у тебя есть деньги, — сказал Хосе. — К счастью, у нас в распоряжении их много. Наконец, на что-то они должны же сгодиться, для наблюдения за историческими ценностями. — Он ухмыльнулся и прищурил здоровый глаз. — Впрочем, мое глубокое почтение за известие. Я изумился, когда его увидел.

— Какое известие? — поинтересовался Барт.

Я открыла рот, чтобы ему объяснить, но ничего не вышло.

— Я не могу тебе этого сказать, — немного озадаченно, сказала я.

— Запрет, — объяснил Себастиано.

Барт посмотрел мгновение рассерженно, но затем, смирившись, пожал плечами. —

Мне никто никогда ничего не говорит. Как бы то ни было, я считаю опасным сидеть здесь дольше и выжидать, в то время как Тревисан и Кларисса во власти Малипьеро. Мы знаем, где он их держит под стражей, поэтому мы должны ...

— Вы в курсе? — растерянно выкрикнула я. — Где они тогда?

— В доме на Гвидекке, — ответил Хосе.

— Почему вы тогда еще не ...

Себастиано прервал меня.

— Мы, между прочим, знаем час решения. Мы должны его дожидаться, потому что до него мы не можем ничего предпринять.

— Когда именно оно? — спросила я.

— На рассвете, — ответил Себастиано. — Достаточно времени, чтобы тебя отправить обратно. Как только мы это сделаем, мы погребем к Гвидекке.

— Но Малипьеро не так легко захватить врасплох, — возразила я. — Они явно расставили караульных.

— Для часа решения это не играет никакой роли, — сказал Хосе.

— Что это вообще такое? — поинтересовалась я. Мне становилось дурно от мысли, что Себастиано должен был бороться, не имея превосходства в силах, а лишь поддержку от одноглазого испанца и от Барта, который еще был ослаблен после заключения.

— В часе решения должен принимать участие только тот, кто о нем заранее знает,

— ответил на мой вопрос Хосе.

Если это было объяснение, я его не поняла.

— Все верно, — продолжил Себастиано, которому, казалось, нравилось, что я ни капли не понимала. — Важно, что мы будем в нужное время в нужном месте. Судьба нам показала, что мы должны туда отправиться. Все остальное выяснится потом. Мы справимся или погибнем.

Под судьбой он имел в виду зеркало, я заметила это по крохотной нерешительности в его голосе, которая появилась из-за запрета, ввиду присутствия Барта.

— Но не помешало бы набрать несколько сильных мужчин, которые бы вас поддерживали, когда дойдет дело до борьбы!

Хосе покачал головой.

— Чужие не могут нас сопровождать.

Недоверчиво я переводила взгляд с него на Себастиано и обратно. Неужели они не понимали, что таким образом кошка кусала сама себя за хвост? Дурацкое зеркало им показало, что они в одиночку отважиться пойти в клетку со львом, так они сами напрашивались! Как же это было на редкость глупо? Почему они не могли просто с этим считаться, а делать по-другому?

— Не выйдет, — сказал Себастиано. Он за мной наблюдал и уже часто угадывал, что у меня было на уме. Мне казалось, что то, о чем я думала, было написано у меня на лице.

— Можно было бы, по меньшей мере, попробовать, — упрямо сказала я.

Хосе захихикал. Его морщинистое лицо старика приняло лукавый вид.

— Уже многие, не счесть, пробовали пойти против того, что предписано судьбой.

Позволь старику сказать, что ничего не выйдет, милое дитя.

— Если вы такие умные, почему вы тогда не знаете, как все закончится?

— Потому что время, которое идет после часа решения, находится во тьме, —

таинственно ответил он.

— Следом за ним выяснится, как все закончится, — добавил Себастиано.

— Ты можешь погибнуть!

— С этим я справлюсь.

Но я не справлюсь! едва не выкрикнула я. Вместо этого я уселась в свободное кресло и уставилась на огонь. Нависла жуткая тишина.

Только чтобы что-то сказать, я выпалила вопрос, который мне пришел в голову:

— Собственно, который сейчас час?

— Только что прозвонили к утрени, — ответил Барт.

Другими словами, было начало первого ночи.

— Если ты хочешь, можешь еще часик поспать, — предложил Себастиано. — Или что-нибудь съесть.

— Я не устала и не голодна.

— А я наоборот. — Хосе поднялся. — Если мой нос меня обманывает, с ужина еще осталось жаркое. Посмотрю-ка я на кухне.

Барт тоже встал.

— Я тоже не прочь перекусить. В тюрьме еда была отвратительная, скорее для отвыкания от нее. — Он подмигнул. — Увидимся позже. Конечно же, мы попрощаемся до твоего отъезда.

Вместе с Хосе он покинул покой, и Себастиано и я остались одни.

Глава 30

На всякий случай я старалась не смотреть на Себастиано. Так как, как только я делала это, то неизбежно замечала огромную кровать с балдахином, которая красовалась за его спиной и не оставляла никакого сомнения в том, что происходило бы в этой комнате, если бы сегодня было не воскресенье. Внезапно мне стало трудно дышать.

— Ты выглядишь прекрасно, — сказал Себастиано.

— Эм... это все из-за ванны, — я все еще смотрела в пол, так было надежнее.

— Анна, — Себастиано поднялся со своего кресла и подошел ко мне. — Я думаю, что мне будет очень не хватать тебя, — он присел передо мной так, что наши лица были на одном уровне. — Как ты думаешь, мы можем увидаться вновь?

Теперь, конечно, я посмотрела на него.

— Да, в любом случае! — выпалила я, и мой голос звучал настолько воодушевленно, что мне стало неловко. Но я не могла притворяться в данный момент, Себастиано был слишком важен для меня. — Я могу дать тебе номер своего мобильного, если ты хочешь, — энергично продолжила я. — И я есть на Facebook! — я остановилась, так как мне было странно говорить в подобном окружении и в этой одежде о мобильных телефонах и Facebook, но одновременно с этим это вернуло мне часть привычного мне мира, по которому я так тосковала. — Мы найдем друг друга, — сказал он. Его глаза светились нереальным синим цветом, а улыбка погружала меня в абсолютный хаос чувств. Я больше не могла ясно думать. Только одно я знала без сомнения: мне хотелось, чтобы он снова поцеловал меня.

Он наклонился вперед и взял меня на руки. Каким-то образом мы оба оказались в кресле, и Себастиано крепко обнимал меня. В этот момент последние остатки

моего разума испарились и растворились в нирване. А затем рот Себастиано оказался на моем, и мы начали страстно целоваться. Мое сердце билось как сумасшедшее, и в уголке моего еще активного сознания возник вопрос, можно ли потерять сознание от поцелуя. Несколько секунд я серьезно беспокоилась о том, что потеряю сознание и пропущу самое лучшее, все же затем я оставалась в сознании и отвечала на поцелуй Себастиано, до тех пор, пока не убедилась в том, что никогда еще не испытывала ничего более чудесного.

Я чувствовала себя так, как будто была готова лопнуть от счастья. Именно в тот момент, когда я подумала об этом, раздался щелчок. Он прозвучал снизу и был достаточно громким, чтобы заставить нас отстраниться друг от друга.

— Что... — лепетала я.

Себастиано выглядел обеспокоенным.

— Это была аркебуза*.

(прим.переводчика: *Аркебу́за (фр. arquebuse) (не путать с понятием "аркебуз" - арбалет с подобием ствола, благодаря чему он мог стрелять стрелами-болтами и пулями сферической формы) — гладкоствольное, фитильное дульнозарядное ружьё, один из первоначальных образцов ручного огнестрельного оружия, появившийся в 1379 году в Германии. Также ставилась в бойницы)

— Что за Аркебуза?

— Ружье. Я сказал Бартоломео, что он должен их зарядить.

— Вы хотите взять с собой ружье?

— Не одно, — сказал Себастиано. — Кроме того, еще кое-что: мечи, кинжалы, и я беру с собой также арбалет, — он встал и пошел к двери. — Я же следую правилам.

— Подожди. Это значит, что вы хотите ввязаться в битву?

Он остановился у двери.

— Ну конечно. Или ты думала, мы были бы такими наивными, чтобы заявиться туда безоружными и позволить Малипьеро так просто нас схватить?

— Что же я должна думать, после того как мне сообщили, что вы не можете взять с собой других мужчин для защиты? — с любопытством я посмотрела на него. — Вы видели в зеркале, что появитесь тем троим? В решающий час?

Себастиано кивнул, и с подавленным чувством я поняла, что он не выглядел так, как будто уверен в победе.

Я сглотнула и перешла к вопросу, который волновал меня больше всего.

— Зеркало же показало бы вам, если бы это была самая настоящая команда смертников, не так ли?

Прежде чем он мог ответить, у меня появилась очередная страшная мысль.

— У Альвизе и того типа, который организует для него путешествия во времени, тоже определенно есть зеркало! Тогда они знают, что вы придете! А также, сколько вас и какое у вас оружие! Они даже знают точное время! Им остается только ждать, пока вы не появитесь!

— Зеркало показало, что мы беспрепятственно проникнем в дом.

Я вообще больше ничего не понимала.

— Но все же они должны были бы видеть это! Или их зеркало показывает им другие вещи, не такие, как ваше?

— Не совсем, — сказал Себастиано. — Оно может показать все только под другим углом.

— Что-то вроде кадра, в котором не видно вашего прибытия?

Себастиано кивнул.

— Приблизительно так.

— Но чисто теоретически возможно, что они устроили засаду в доме, — настаивала я. — С дюжиной сильных, вооруженных убийц!

— Это невозможно, — возразил Себастиано. — Все же у них те же ограничения, как и у нас: они не могут организовать себе дополнительную помощь, а могут воспользоваться только тем, что покажет зеркало. Это часть будущего, так сказать предопределена. Момент, в котором судьба может измениться непредвиденным способом, наступает только после этого.

— В решающий час, — сказала я, хотя понимала еще меньше чем раньше. Я не хотела размышлять о том, что зеркало, вероятно, показало Альвизе всю орду вооруженных помощников, так что победа ему уже была практически обеспечена. Себастиано как раз хотел открыть дверь, когда Барт распахнул ее снаружи. Его лицо и воротник были покрыты сажей. Глаза и зубы казались особенно белыми на этом фоне.

— У какого дилетанты ты приобрел порох? — спросил он. — У него неправильный состав. Аркебуза только что выстрелила сама! Еще чуть-чуть и я бы разнес половину водного зала.

— Там должен быть другой порошок, — сказал Себастиано. — Я иду вниз с тобой. Когда мы соберемся уходить, я заберу тебя.

Но я уже встала и последовала за ним к двери.

— Я тоже иду с вами.

— Это будет довольно скучно.

Это не могло быть скучно, если он был рядом. Но я не сказала об этом, а вместо этого ответила:

— Я всегда хотела увидеть, как заряжают аркебузу.

На самом деле это было не особенно захватывающим смотреть, как заряжают оружие. Оно было массивным с грубыми, резными ручками и длинным, железным стволом, а прилагающиеся инструменты были похожи на те, которые использовали мы для разжигания шведской печи. По крайней мере, таким образом я узнала, как сложно было зарядить винтовку в пятнадцатом веке. Даже несмотря на вонючий запах пороха (как от китайской ракетницы после запуска). Как казалось, ничто в этом столетии не обходилось без запахов.

Мужчины собрали оружие и сложили его в ящик. Пока я обдумывала, готовят ли также Малипьеро заряженные винтовки, я осмотрелась. Из галереи ступени вели вниз. Часть зала была построена вокруг воды, так что можно было попасть в дом прямо на лодке. Когда я присмотрелась к перилам внизу, то заметила там гондолу. На нее был натянут брезент, но все же часть выступала наружу, и я увидела, что древесина была ярко красного цвета.

Вероятно, я только вообразила это, но я уверена, что сразу же почувствовала, что от лодки исходит особенная магия. Когда закрывала глаза, мне казалось, как будто я уже могла видеть яркий свет, в котором этот мир прошлого скоро разрушился бы перед моими глазами и исчез.

Затем это зашло дальше. Хосе спустился по ступенькам и стянул брезент с гондолы.

— Можем начать, — любезно сказал он мне.

Конечно, это не было неожиданным, но все равно я почувствовала себя застигнутой врасплох. Беспомощно я посмотрела на Бартоломео. Теперь пришла очередь прощания! Мне сразу же очень сильно захотелось плакать. Я едва могла сдержать слезы.

Я встала перед Бартом и опустила голову.

— До свидания, — сказала я срывающимся голосом.

— Скорее всего, прощай, — возразил он мягко. Немного помедлив, он выступил вперед и взял меня за руку. — Ты — смелая девушка. — Я никогда тебя не забуду.

— Я тебя тоже, — теперь все же я начала реветь. — Большое спасибо за все, — всхлипывала я.

— Я благодарен тебе.

— И передай привет Клариссе, слышишь? Скажи, что я всегда буду думать о ней! И что я желаю ей всего самого наилучшего! Этого я желаю вам обоим!

Он отпустил меня и кивнул, пряча лицо.

— Теперь иди уже.

Поспешно я вытерла слезы и только на краю поняла, что мои руки были замазаны сажей. Прекрасная, свежая одежда также была в пятнах. Все равно, кого еще интересовало небольшое количество грязи.

Себастиано и Хосе уже сели в гондолу.

— Как только мы отправим ее назад, мы вернемся сюда и заберем тебя, — сказал Себастиано.

Хосе оттолкнул лодку от ступеней в направлении ворот. Пока Себастиано открывал решетчатые ворота, наверху галереи появилась Мариэтта.

— Так я проснулась как раз вовремя! — крикнула она, рассматривая меня, нахмурившись: — Слишком холодно, чтобы выходить без накидки!

— Мне подойдет и так, — крикнула я в ответ. Было в самом деле промозгло, даже холодно, но на такое короткое время казалось бессмысленно растрачивать хорошую одежду. Я только накинула платок на плечи, так как я оказалась бы в будущем со свои собственные вещи.

Хотя было видно, что Мариэтта только поднялась с постели, она была прекрасна как всегда. Ее ночная сорочка из шелка была довольно прозрачной, и с длинными черными волосами она была похожа на эротический вариант волшебницы, но впервые меня не волновало, что она выглядела замечательно.

— Спасибо за все, — крикнула я на прощание. — Особенно за красивую одежду! Гондола проскользнула через ворота в канал, а Бартоломео и Мариэтта исчезли из моего поля зрения.

Героически я подавила последний всхлип и села прямо на скамью.

Себастиано между тем повесил свечу в носовой части, пока Хосе управлял веслом на другом конце гондолы.

Говорили мы не много, так как оставалось мало времени. Едва Себастиано сел рядом со мной, как мы уже достигли места, где я упала в воду во время регаты, а Себастиано спас меня. Оглядываясь назад, казалось, что прошли уже годы, хотя на самом деле только четыре недели.

— Мы сейчас будем на месте, — сказал Хосе. В свете лодочного фонаря его лицо с повязкой на глазу казалось, как будто он только что начал сказ, чтобы разделить общество с нами смертными. "А если это действительно так?" — пронеслось в

моей голове. Вероятно, на самом деле он происходил из неисследованной эпохи, наполненной богами и сказочными существами. Также как старая Эсперанса. Была ли она его спутницей из далеких, неизвестных веков?

Невольно я положила руку на сумку на поясе, пока не нащупала контуры кошачьей маски и маленькой фигурки святого, талисман святого Себастиано.

— Начинается, — сказал Себастиано. Он сел рядом со мной и обнял рукой. Я вцепилась в него. Внезапно мне стало страшно. Что, если он не выживет в решающий час, и я больше никогда его не увижу?

— Я не хочу назад, — вырвалось у меня.

— Что? — спросил он.

— Я хочу остаться здесь. С тобой. И поехать с тобой к Гвидекке. Ты можешь показать мне, как обращаться с аркебузой.

Над краем лодки показалась серебряная линия.

— Нет! — крикнула я. Позволь мне пойти с тобой! Мой затылок зачесется, если рядом будет опасность! Я могу вас вовремя предупредить!

— Так не пойдет, Анна, — он прислонил свой лоб к моему. В голосе слышалось сожаление, но теперь это больше не изменило бы ничего. Серебряная линия стала шире и излучала ослепительный свет. Похолодало, а затем стало еще холоднее.

Вокруг все начало качаться. Темные контуры по обе стороны Гранд-канала расплывались. Свет факелов на берегу поглощал серебряный блеск и исчез.

Тряска становилась сильнее, свет был повсюду, и тогда прозвучал щелчок.

Одновременно с этим мир погрузился в темноту.

Когда пришла в себя, я не могла поверить тому, что вижу. Я рассчитывала на что угодно, но не на это. По словам Себастиано, я должна была появиться днем в Венеции, точнее говоря в 2009 году в день Регаты Сторики. Еще точнее, в то же самое мгновение, когда меня закинуло в прошлое ранее.

Но только выглядело так, как будто все основательно пошло не так. Гондолы нигде не было, не говоря уже о Хосе и Себастиано.

Я была совершенно одна. И не только это, я находилась в месте, которое казалось мне совершенно незнакомым. Я сидела на чем-то вроде кучи мусора, которая лежала в центре ландшафта руин. Куда бы я ни посмотрела, замечала только безнадежно разрушенные остатки стен. До восхода солнца оставалось достаточно долго времени, но на горизонте уже появились первые признаки рассвета, а также полная луна проливали достаточно бледного света, чтобы рассмотреть все плачевное состояние этой окрестности. Ничего кроме руин, пока хватало глаз. Безлюдная пустошь.

На некотором удалении что-то бурлило, как течение канала и когда я присмотрелась повнимательней, заметила, как между руинами сверкала темная, водная поверхность в лунном свете, по краям которой росла болотистая трава.

— Милостивые небеса! — выдавила я из себя. Я сразу поняла, что произошло. Я оказалась в Венеции, но это больше не был город, который я знала. То, что мы хотели предотвратить, уже произошло. Альвизе изменил ход времени. Он убил Тревисана и вместе с этим перевел стрелку для другой ветви будущего. Будущего, в котором враги сравнивали Венецию с землей.

В решающий час Альвизе одержал победу. Себастиано... Вероятно, он больше не жив. Ни в прошлом, ни где-нибудь еще. И меня ждет та же судьба. Я все еще точно

помнила слова Себастиано. "Бывает, что путешественники просто исчезают..." Возможно, это был только вопрос мгновения, пока время не заметило, что здесь присутствовал кто-то, кто не подходил укладу, и одним махом я бы исчезла. Навсегда.

Я поспешно поднялась как можно выше, при этом вырвав ноготь. Не обращая на это внимания, я пристально всматривалась в сумерки, как будто временная дыра могла появиться в следующий момент где-то и поглотить меня навсегда.

Паника охватила меня. Мое дыхание было тяжелым из-за холодного, утреннего воздуха, я была близка к тому, чтобы кричать от ужаса. Однако безразлично, как громко и как долго я звала бы на помощь, здесь никто бы не услышал меня, так как лагуна была покинутой.

От страха я практически просмотрела то, что почти рядом был источник света, которого еще совсем недавно не было. И он был действительно очень близко. С досадой я осмотрелась вокруг, но понадобилось еще несколько секунд, пока я не заметила, что свет исходил от меня. Точнее, из сумки на поясе. Это было, как будто белая лампа светилась внутри. Внезапно, из сумки вырвался яркий свет и образовал сияющую линию, которая увеличивалась вокруг меня, поднялась наверх и распространилась.

"Это делает маска кошки!" — поняла я. Тонкая линия теперь обвивала меня полностью и вместе с ледяным холодом я почувствовала знакомую тряску. Щелчок, а непосредственно следом за ним последовала темнота.

Я снова пришла в себя, следовательно, я не упала в черную дыру. Но я больше не находилась среди руин, я заметила это сразу, еще прежде чем поднялась. Было немного светлее, чем раньше, так что я узнала, куда меня закинуло: в тот же переулок, в котором я оказывалась уже два раза. Он выглядел точно также как в последний раз, ошибка была исключена. Я снова была в прошлом!

Путешествие в пугающее, альтернативное прошлое казалось мне ужасным кошмаром. Но тогда я заметила вырванный ноготь. И пыль от груды камней, которая все еще чувствовалась на моих пальцах и одежде.

Я рассматривала сумку, но она выглядела совершенно безобидной. Тем не менее, нахождение у меня этой безвредно выглядящей вещи спасло мне жизнь! Огромная благодарность наполнила меня. Как хорошо, что я взяла с собой маску! Это как второй шанс. Знак судьбы, что я еще могла, вероятно, повлиять на решающий час! Если время продолжало здесь нормальный ход, я руководствовалась тем, что знала, Себастиано и другие были на пути к Гвидекке. Возможно, они уже были там. Если я вообще хотела хоть что-то предпринять против угрожающих событий, это нужно делать сразу.

Без промедлений я побежала.

Глава 31

Был слышен звон колоколов, призывающих к утренней молитве, когда я добралась к дому куртизанок. Утренний рассвет был смешан с первыми дневными лучами. Я с силой забарабанила в ворота и почувствовала облегчение, когда мне тут же открыли. Я взволнованно попросила служанку позвать Мариэтту.

— Мне нужна лодка, и я должна знать, где дом Малипьеров на Гвидекка — сообщила я ей на одном дыхании.

За одно я была ей благодарна - она не задавала многочисленные вопросы, но погнала слугу на место в гондолу, которая была пришвартована перед домом, в то время как служанка по приказу принесла две теплые накидки, одну для Мариэтты и одну для меня.

— Мне одно непонятно, как ты можешь бегать по такому холоду,- упрекала она меня, в то время как гондольер забрал нас и быстро отплыл от берега. — Почему ты вообще вернулась? Я думала, Себастиано хотел доставить тебя на корабль, который отвез бы тебя домой.

— Ну да, он сделал это, но корабль... эм, он не смог уплыть. И потом я поняла, что Себастиано...что он в опасности! —я не знала, сколько я смогу сказать, позволит ли это запрет, но, во всяком случае, я попытала счастье. — Малипьеры похитили Тревисана и Клариссу. Они хотят избавиться от Себастиано, Хосе и Бартоломео.

— Я знаю, — сказала Мариэтта. — Я им даже предлагала взять несколько мужчин для помощи, но они не захотели.

Я озадаченно посмотрела на нее.

— А ты знаешь, что Альвизе... — убьет Тревисана и изменит будущее, и так должно было звучать это предложение дальше, но у меня не получилось это сказать. Итак, она была осведомлена лишь частично. Но я должна быть более благодарной, что она такая услужливая.

Без сомнения, она была бы более сдержана в оказании помощи, если бы знала, что Альвизе не составляет большой трудности убить кого-то, даже ее! У меня просто нет права подвергать ее такой опасности.

— Если ты мне скажешь, где находится их дом, я смогу самостоятельно добраться до места, — предложила я. — Твой гондольер может просто высадить меня там, тебе вообще не стоит об этом беспокоиться.

— Безобразие, — немногословно выразилась Мариэтта. — Я никогда бы не позволила плыть тебе туда без защиты. Я знаю Альвизе. Я знаю, насколько бессовестным он может быть. Не так давно он ударил ножом одну из моих девочек прямо в лицо, только из-за того, что та отказалась поиграть с ним в постели в его садистские игры. С тех пор дверь в этот дом для него закрыта. Он не только враг Себастиано, но также и мой враг.

Это немного меняло суть дела. Я недолго пыталась отговорить ее пойти со мной. В любом случае, это было бы даже своеобразным преимуществом, что она будет со мной. Например, если понадобится помощь в перевязывании раны.

Гондола скользила по широкой водяной улице, которая разделяла остальную часть домов Венеции от Гвидекки. Ветер был колким, и я замерзла, несмотря на теплую накидку. Иногда он дул мне прямо в лицо так сильно, что мои нос и щеки были как замороженные.

Вскоре берег погрузился в серый туман, на котором, в отличие от будущего, не было связанных рядов домов, но около зданий были выгоны и сады.

—Он там, на той стороне, — сказала Мариэтта. Она указала на коробчатый палаццо, который был окружен садом. На соседнем лугу паслись несколько овец. На набережной у дома было много гондол, среди которых была и красная.

— Они уже в доме, — сказала я с быстро стучащим сердцем, в то время как гондольер причаливал. Здание выглядело тихим и покинутым. Сквозь щели не пробивался свет горячей свечи. Нигде не было видно охраны, вокруг дома царила

тишина. Слышно было только блеяние овец и шум волн.

—Что-то здесь не так, — сказала Мариэтта. Она медленно нажала на дверь. — Выглядит так, будто здесь никого нет, — к моему удивлению дверь тут же открылась.

Мы начали всматриваться в темный зал, от которого вели другие двери.

—Подожди, — шепнула я, когда Мариэтта уже пыталась войти в дом. — Там может быть засада! — я прислушалась к себе, но не почувствовала никакого зуда. Но все же я ощутила потребность вооружиться. Я осмотрелась, в надежде найти что-нибудь, чем можно было бы воспользоваться в случае самообороны. У самого края, расположенного по соседству огороженного выгона, находился торчащий штабель из нескольких колов длиной с руку. Не долго думая, я подошла к нему и достала два кола, один из них я протянула Мариэтте. — Вот.

— Зачем это?

—На всякий случай.

Она скептически осмотрела свой кол.

— Ну да. В случае опасности, мы тут же выбросим эту вещицу, и без нее сможем быстрее убежать. Я лучше положусь на мужскую помощь, — она махнула гондольеру, чтобы он присоединился к нам, что тот нехотя сделал. Подозрительно он осмотрелся вокруг себя, и мы все вместе вошли в зал. По-видимому, он чувствовал себя не в своей тарелке, как и я себя. Я утешала себя тем, что мой зуд должен предостеречь в случае опасности, но только я подумала об этом, зуд ударил с такой силой, что я крикнула и схватилась за затылок.

В середине зала на полу образовалась белая сверкающая линия.

—Бегите отсюда! — закричала я.

Около меня что-то с шумом упало и покатилося. Это упал деревянный кол Мариэтты. Испуганно я увидела, как она упала на пол и лежала неподвижно. Около нее упал и гондольер, словно падающий лист, и он не шевелился.

Линии из света в одно мгновение приобрели форму пузыря, который едва ли можно было уловить, и затем лопнули в виде дождя из искр. Вдруг, откуда ни возьмись, появились две фигуры. Яркий свет все еще горел в сетчатке моего глаза, и я не сразу смогла увидеть, кто же это был. Но потом я услышала голос и узнала, что один из новоприбывших был Альвизе.

—Пунктуальны, как штукатур, — сказал он веселым тоном.

Зуд почти убил меня. Держа кол двумя руками, я пошла обратно к двери - и ужасно испугалась, когда она с шумом захлопнулась позади меня.

—Лучше оставайся здесь, — сказала Доротея. Она должно быть незаметно проскользнула с улицы. От холода ее щеки покраснели и были такое же тона, что и ее развивающиеся локоны. Она прислонилась спиной к двери. В руках у нее была аркебуза, ствол которой был направлен на меня. — Альвизе показал мне, как управлять этой штукой, — предостерегла она меня.

Мне не надо было говорить дважды, я и так стояла как вкопанная. Когда дверь закрылась, в зале стало еще темнее, чем прежде, но этого света было достаточно, чтобы я смогла узнать второго мужчину, который прибыл из путешествия во времени вместе с Альвизе. Опираясь на костыль, он стоял там и улыбался мне.

— Якопо! — закричала я, потеряв самообладание.

Мне понадобилось всего доля секунды, чтобы понять, кто он, и понять, что я не

могу поверить в это. Якопо был тем самым неизвестным Старцем. Шеф банды. Как же я могла верить в то, что он безобидный, милый старый мужчина! Меня чуть не стошнило, когда я подумала, что я на протяжении нескольких недель жила под одной крышей с предателем.

Недалеко от меня застонали Мариэтта и ее гондольер. Слава Богу, они все еще живы!

— Теперь вы можете показаться! — закричал Альвизе. Боковая дверь распахнулась, и кучка семьи Малипьеров выскочила в зал. Казалось, что брат Альвизе, как и его отец, только и ждали этого сигнала. Оба обнажили свои мечи и выглядели довольно яростными.

Альвизе указал на Мариэтту и ее гондольера.

— Отведите этих вниз к остальным и свяжите их. Мы скоро присоединимся к вам. Мариэтту и гондольера силой подняли на ноги и, с помощью сильных ударов в спину, заставили идти вперед.

Альвизе улыбнулся Доротее.

— Моя красавица, оставь нас одних.

— Но я бы лучше...

— То, что ты хочешь, не имеет значения, — оборвал ее Альвизе. — Свали отсюда. И закрой за собой дверь.

Доротея возмущенно посмотрела, но повиновалась и покинула свой пост. Проходя мимо, она бросила на меня ядовитый взгляд. Под одной рукой она зажала свою винтовку. Свободной же рукой она вырвала кол из моих рук и забрала его с собой в соседнюю комнату.

Я продолжала стоять, будто приросла к своему месту. Мне больше и не приходило в голову мыль, чтоб бежать. Да и куда?

Альвизе широко улыбался.

— Ты был прав, — сказал он Якопо. — Небольшой прыжок во времени был самым лучшим решением, чтоб запереть ее в доме. Нигде нет никакой опасности — думала она. И только тогда, когда разгорелся ее зуд, было уже слишком поздно. — Он повернулся ко мне. — Гениально. Не так ли?

— Да, превосходно, — сказала я. — Где Себастиано?

— К нему мы пойдем чуть позже, мое дитя, — сказал Якопо. — Сначала мы хотели бы обговорить с тобой самое важное, и для этого необходимо, чтоб нас никто не слышал, иначе речь может измениться на самом неподходящем моменте, ты знаешь об этом сама. — Он посмотрел на меня задумчиво. — Ты можешь себе представить, зачем ты здесь?

Я выпрямилась и попыталась выглядеть как можно смелее, хотя я чувствовала себя ужасно и дрожала от страха. У меня был такой страшный зуд, что я чуть не плакала.

— Альвизе уже рассказывал мне, что я вроде как должна помочь убить кого-то. Но этого Вы от меня никогда в жизни не дождетесь.

Он засмеялся.

— Возможно, я все-таки дождался этого.

Альвизе вмешался.

— Хватит любезничать, — сказал он. Он указал на мой пояс. — Дай сюда свой мешочек, — потребовал он в повелительной тоне.

Когда я не подчинилась, он быстро пошел прямо на меня. Я отстранилась назад, но

он поймал меня и грубо сорвал мешочек с моего пояса. Немного повозившись с застежкой, он вытянул маску.

— Ах, вот и она! — благоговейно сказал он. Его глаза блестели, словно все его дни рождения соединились в этот один день, включая все подаренные подарки.

Восторженно он посмотрел на меня. — Твой мозг с горошину не может даже вообразить себе, какую драгоценность ты носила с собой! — Он примерял маску и посмотрел через нее с таким наслаждением, что выглядел как дурак.

— Зато мой мозг с горошину прекрасно понимает, что ты ведешь себя как придурок, который впервые надел водолазный костюм.

Мой заносчивый ответ явно испортил ему настроение, потому что его глаза засверкали ненавистью. Тем не менее, у меня было предчувствие, что я должна была еще больше усугубить ситуацию, потому что с каждым разом меня как будто осеняло, почему он так себя вел.

— Я знаю, чем так хороша эта маска. С ее помощью можно путешествовать во времени. И, что самое главное, это можно делать в одиночку, без помощи старика. Выражение лица Альвизе доказало, что я попала в точку. Это была причина, почему он так зарился на маску!

— Ты случайно угадала, — сказал Альвизе. — С ее помощью ты можешь прыгать во времени, когда бы ты ни захотел и куда бы ни захотел. Любой может это сделать, и совсем в одиночку. Стоит только захотеть этого.

С этим надо было согласиться, потому что у меня это получилось.

— Нам надо уже идти к остальным, чтобы она смогла выполнить свое задание, — напомнил Якопо.

— Я точно никого не смогу убить! — закричала я. В отчаянии я сделала отвлекающий маневр, спросив Альвизе. — А почему ты раньше не забрал у меня эту маску? Например, на вечеринке у Тревисана. Тогда она тоже была у меня. Ты смог бы легко это сделать. И уже с тех пор ты был бы королем!

— Тогда, еще по глупости, я ничего не знал о силе этой маски. — Альвизе сморщил лоб и обратился к Якопо. — Она права. Я бы мог уже с того времени провозгласить свое господство. Почему же ты ничего раньше не рассказывал об этой маске?

— Было не время.

— Откуда тебе знать? — в голос Альвизе прокрались нотки раздражительности. Резко он засунул маску в карман своего камзола. — У тебя слишком много тайн от меня, старик. Почему я так поздно узнал о силе этой маски? Почему ты мне постоянно внушал, что эта девчонка должна еще жить?

— Она должна жить, потому что так говорит зеркало, она поможет убить врага.

— Это оно тебе сказала, — поставил Альвизе точки над и. — Меня там не было, когда ты увидел это событие в зеркале. Ты старый, твои глаза уже плохо видят.

— Ты хочешь поставить силу зеркала под сомнение? — впервые Якопо выглядел очень опасным, несмотря на свои покалеченные ночи и иссохшую фигуру.

— Я могу всех идиотов, которые находятся там внутри, убить без помощи какой-то девчонки. Я бы уже давно избавился от всех их, если бы была моя воля. И это... Собрание было созвано лишь для того, потому что ты думаешь, что зеркало так показало. И если ты спросишь меня, поступили бы мы тоже так и смогли бы их всех по очереди также хорошо прикончить, — Альвизе уставился на старика. — Зачем мне тогда для этого девчонка? В принципе, мне больше никто не нужен.

Даже ты. И зеркало тоже. То, что важно для меня, я смогу сам посмотреть. А все остальное может убираться на все четыре стороны.

Якопо пожал плечами.

— Тогда ты будешь в опасном положении, потому что все будет развиваться не так, как должно, и сила, которая уже сосредоточенна в твоих руках, отойдет в далекое будущее.

Я воспользовалась возможностью незаметно двигаться в направлении двери. Там лежал кол, который уронила Мариэтта. Если я очень незаметно...

Альвизе обнажил свой кинжал, сделал два больших шага ко мне и схватил меня, прежде, чем я смогла наклониться за колом.

— Не будь таким опрометчивым, — сказал Якопо. — Подумай о том, что зеркало еще никогда не лгало, но всегда показывало события, которые сбывались до мельчайших подробностей, — он смотрел на Альвизе, напоминая ему об этом. — И сейчас самое время исполнить предсказанное, чтобы все шло своим чередом. Не было видно, что Альвизе был согласен с результатом разговора.

— Не возражаю, — холодно сказал он.

Внезапно он открыл дверь в соседнюю комнату и потащил меня туда. В то время, когда я обдумывала, как бы защититься от обхвата рукой справа, мой взгляд упал на Себастиано, и мой мозг стал таким, словно его только что вымели.

Он лежал на полу связанным, и его рот был заткнут кляпом. На его виске застыла кровь, и в один ужасный момент я подумала, что он мертв. Но потом я увидела, что он открыл глаза и посмотрел на меня замутненным взглядом. Альвизе следил за мной и затем сказал вызывающе Якопо.

— Ну и что? Кого она должна убить?

Только сейчас впервые я заметила всех остальных людей, которые находились в помещении. Мой взгляд скользил от одного к другому. Мариэтта и гондольер сидели на корточках, связанные, у стены.

Около них лежали Хосе и Бартоломео, оба с заткнутыми ртами и перешнурованные, как пакет с вязанием, и привязанные друг к другу. Тревисан сидел в углу, на всякий случай с заткнутым ртом и с лицом, избитым до зеленых и синих синяков. Его руки и ноги тоже были связаны, и он выглядел так, будто терпел страдания уже больше недели.

Доротея удобно разместилась на стуле. На коленях у нее лежало оружие, кол она поставила сбоку стула. По ее лицу было видно, что все происходящее ей очень нравится.

Отец и брат Альвизе стояли у окна и, выжидая, смотрели на нас.

Наконец, мой взгляд упал на Клариссу. Как и Доротея, она сидела на стуле, конечно, не связанная. В конце концов, она была одной из этой банды. Но особо довольной она не выглядела. Наоборот, она была смертельно несчастной. Ее лицо было белым, как мел, и длинные белые волосы свисали неаккуратно ниже плеч.

Альвизе кивнул Якопо.

— Дай Анне свой кинжал, чтобы мы могли начать.

— Ты больной, — сказала я.

Якопо практически зажал нож в мою руку. Он был так остро заточен, как скальпель.

— Лучше начни с Тревисана, — посоветовал мне Якопо.

— Ты всерьез думаешь, что она может сделать это? — издевался Альвизе.

— Не говори так, — я быстро подошла к Тревисану и разрезала веревку на его руках.

Альвизе завопил от ярости.

— Я знал, что так все будет! За это ты умрешь, и умрешь первой! — с обнаженным кинжалом он бросился на меня, в равной степени как его отец и брат. Я видела блеск их мечей в свете свечи.

Тревисан не мог мне помочь. Хотя его руки были свободны, у него едва ли были силы сжать их сзади своей спины, и ко всему прочему, у него еще были связаны ноги. Но все же он попытался броситься ко мне на помощь, в то время, когда трое Малипьеров начали атаковать меня.

Спасение пришло с совсем неожиданной стороны. Кларисса вскочила и встала на пути у Альвизе, что привило к тому, что его брат и отец на мгновение растерялись и следили за тем, как Альвизе небрежно ударил Клариссу мечом. С криком он свалилась прямо у его ног.

В конце концов, они снова все трое накнулись на нас с Тревисаном. Я приготовилась к смерти и закрыла глаза, как однажды, когда не хотела видеть перед смертью взгляд Альвизе.

— Даже ничего не скажешь перед смертью, маленькая кошечка? — сказал он с издевкой.

— Скажу, — страстно выкрикнула я. — Иди в ад!

Я напряглась, но ожидаемого удара не произошло. Сбитая с толку я снова открывала глаза. Альвизе уставился на мерцание света, которое исходило из кармана его камзола и все его тело светилось, словно он сам был живым фонарем.

— Что...? — смущенно запинаясь, пробормотал он.

— Это время для тебя, пойти туда, куда тебя только что отправила девчонка, — услышала я голос Якопо. — Ты думаешь, что маска помогает тем, у кого она в руках? Нет, она может быть использована только теми, кому она по праву принадлежит, но не теми, кто забрал ее себе.

— Помоги мне! — приказал Альвизе. Его голос был каким-то сжатым, как будто весь воздух был выкачан из его легких.

Якопо оперся на свой костыль и покачал головой.

— Предсказанное сбылось. Девочка помогла убить врага. Моего врага. Тебя! И прямо здесь и сейчас это было предопределено.

— Этого не может быть, — с трудом дыша, сказал Альвизе. — Ты дрянной мошенник!

— Это ты мошенник. Захотел избавиться от меня, оборванец, из-за того, что он во мне больше не нуждался, но достаточно! Но это была ошибка. Смертельная ошибка, — кратко закончил Якопо. — Всего хорошего в аду.

Альвизе закричал и попытался схватиться за свой карман, но свет становился все ярче и расширялся до тех пор, пока полностью не обхватил Альвизе и его облик полностью ни расплылся. В конце концов, свет начал сворачиваться, все закончилось так же быстро, как и началось. На какое-то мгновение мне почудилось, что Альвизе метался туда-сюда внутри светового ада, как будто он хотел вырваться, но потом, через один удар сердца свет взорвался громким треском и от него ничего не осталось.

Как скованная я уставилась на пустое место, потому что я, с опозданием, заметила,

что он был не единственный, кто растворился в воздухе. Брата и отца Альвизе тоже нигде не было видно. Я была абсолютно уверена, что они никуда не убегали, и все же мое волнение не исчезло.

— Где они? — запинаясь, спросила я.

— Малипьеры? Там же, где и Альвизе, — услужливо сказал Якопо. — Они произошли из неоткуда и стали его семьей, когда он прибыл в это столетие. Их существование закончилось вместе с ним, это естественный закон.

— Он действительно в аду? — испуганно спросила я. — Я его послала туда?

— Кажется, да, — Якопо пожал плечами. — У времени много путей и много миров и некоторые из них намного реальней, чем другие могут себе вообразить.

Я ужаснулась, но взяла себя в руки, когда услышал стоны Клариссы. Поспешно я присела рядом с ней. Удар Альвизе пришелся прямо в плечо, где уже образовалось большое кровавое пятно.

— Она будет жить, — сказал Якопо. — Впрочем, сейчас она уже может вернуться в свое время, она выполнила свое задание, так как уберегла тебя от смерти. — Он нежно улыбнулся Клариссе. — Разве я не обещал тебе, что ты скоро сможешь вернуться домой?

Он развернулся и с помощью костылей поковылял к двери. Там он остановился и посмотрел на меня через плечо.

— Будь счастлива, маленькое солнышко. А я попробую свое счастье в другом времени.

— Но... — шокированная тем, что инициатор всех этих несчастий просто исчезает, не неся ответственность за все, что произошло, я заставила себя встать на ноги, но он уже покинул комнату.

Себастиано, Хосе и Бартоломео дали о себе знать. Своими стонами и яростными взглядами они дали мне понять, что хотят, чтоб их скорей развязали. Кларисса тоже стонала, только уже от боли. А Тревисан, Мариэтта, Доротея и гондольер стонали, потому что они только что пришли в себя. Я даже и не заметила, что все они были в обмороке.

— Что с ними произошло? — не зная кого, спросила я. Мне ответила Кларисса.

— Только посвященные могут увидеть переход. Все остальные теряют сознание.

— А я думала, что окно закрывается, когда кто-то увидит его, — вставила я, так как вспомнила о том, как сомневающийся Барт и я беспокоились, как бы запереть монаха в сакристии, чтоб он не смог увидеть временной портал.

— Не закроется, если окно достаточно сильное, — ее голос был больше похож на шепот, и она была бледнее, чем раньше.

— Ты спасла мне жизнь, — тихо сказала я.

— А ты мне.

В ее взгляде я увидела отчаяние, с которым она должна была жить уже несколько лет, постоянные путешествия во времени туда-сюда, полные страха и надежды. Якопо, наверное, шантажировал ее тем, что ей можно будет отправиться домой только в том случае, если она сделает то, что он ей прикажет. Может мне и его отправить вместе с Альвизе к чертям?

Первую я развязала Мариэтту, чтобы она смогла позаботиться о Клариссе. Первую помощь она оказывает лучше меня.

Потом я разрезала веревки у Себастиано. Он выплюнул кляп и начал ругаться.

— Ты легкомысленная, сумасшедшая, непредсказуемая... — затем он прекратил ругать меня, резко притянул меня к себе и поцеловал.

У других, кто еще был связан и с заткнутым ртом, такое наше поведение вызвало только недовольные комментарии в виде стонов, и мы вместе с Себастиано поспешили освободить Тревисана, гондольера, а также Хосе и Барта.

При всем этой суматохе, мы не обращали никакого внимания на Доротею. Она позже всех пришла в себя, может быть, потому, что она полностью свалилась со стула и при этом ударилась головой. Во всяком случае, на лбу у нее была большая шишка, которой до этого там не было. Непонимающе, она осмотрела вокруг себя.

— Где Альвизе? Что вы с ним сделали? — ее симпатичное лицо исказили гнев и подозрение, в то время, как она поднялась на ноги и при этом имела наготове ружье.

— Никому не двигаться! — кричала она.

— Убери ружье, оно может выстрелить, — сказал Себастиано.

Она повернулась и направила ружье прямо на него. Кое-как - намерено ли или по ошибке - она нажала на курок, потом раздался бы оглушающий выстрел. Пуля застряла в глубине стены, с ладонь, пройдя над головой Себастиано и сделав большую дыру в штукатурке. Дым расплылся в пределах видимости, и в то же время послышался ужасный запах пороха и серы. Абсурдно, но он показался мне дополнительным салютом к чести путешествия Альвизе в ад.

Когда запах пороха улетучился, Мариэтта издала истошный крик. Я проследила за ее взглядом и увидела лежащую на полу Доротею, прежде, чем до меня дошло, что расширялось вокруг ее головы - ее красные волосы или, скорее всего, кровь - Себастиано встал между нами и прислонил мое лицо к своей груди.

— Не смотри туда.

— Теперь, по крайней мере, я знаю, для чего был этот деревянный кол, — сказала Мариэтта. Ее слова звучали грубовато, но ее голос дрожал. — Прямо сквозь горло. Непостижимо. Она упала прямо на острие. Как такое возможно?

— Отдача при выстреле опрокинула ее, — сказал Хосе. — С этим нельзя шутить.

— Он поднял желтый платок, лежащий сиротливо на полу и бросил его на верхнюю часть тела Доротеи. — Мы должны ее сейчас же похоронить, чтоб никто не задавал глупых вопросов.

— По крайней мере, с этим колом в шее она уже не сможет выбраться из гроба и не станет ходячим мертвецом, — добавил с сарказмом Бартоломео.

Его слова прозвучали во мне так, как будто я уже не в первый раз сталкиваюсь с этой темой, но потом это мимолетное впечатление привело к такому сильному утомлению, что моя голова опустела и конечности поразила слабость.

Лишь вскользь я поняла, как мужчины обсуждали, могли ли быть еще сообщники Малипьеро в доме, и тогда я узнала так же вскользь, что Хосе в бою на мечах убил лысого, который мне на голову накинул мешок. Затем на Хосе набросились еще двое из шайки Малипьеро и приставили ему колющие концы меча к груди и тем самым принудили Себастиано и Бартоломео сдаться.

— Эти трусы, конечно, уже давно скрылись, — сказал Хосе.

Но мужчины все-таки решили проверить все еще раз более основательно.

Гондольер предложил свои услуги в качестве помощи. Для удобства, они также прихватили с собой мертвые остатки Доротеи. Я старалась не смотреть на место,

где она лежала.

Вместо этого я села рядом с Тревисаном, который все время молча сидел на корточках в углу.

— Все нормально? — спросила я.

Он безмолвно кивнул. Несмотря на большие круги под глазами и ушибы на лице, он все же слыл проявлением суверенитета и жизненного опыта, которое ему так заманчиво помогало.

После того, как он некоторое время молча осматривал меня, он сказал:

— Я не знаю, что здесь произошло и почему мы все по очереди потеряли сознание. Но в одном я не сомневаюсь: Вы самая смелая девушка, которую я когда-либо встречал.

Я через силу пыталась не засмеяться. Смелая! Если бы он знал, как я была близка к тому, чтоб надеть себе в штаны от страха! Или, во всяком случае, не в штаны, так как в этом времени женщины еще не носили их. Было бы неловко, если бы такое действительно случилось. Во всяком случае, я была близка к этому.

— Вы спасли мне жизнь, — сказал Тревисан. — Я могу исполнить любое Ваше желание, скажите мне только.

— Вы уже исполнили это желание тем, что остались живы. — Это была чистая правда. Он был единственным человеком в Венеции, которому могло бы удастся отменить судьбоносные решения, которые принял Большой Совет под пагубным влиянием Альвизе. Будущее будет таким, каким я его знала, и когда в следующий раз я вернусь обратно в собственное время, меня будут ждать не развалины, а мои родители.

Мариэтта перевязала Клариссу незадолго до того, как вернулись мужчины.

— Теперь мы можем уходить, — сказал Себастиано.

Барт взял на руки Клариссу и осторожно поднял ее. От боли она сжала зубы, но даже не простонала.

— О чем ты только думала, — нежно сказал он.

Она не ответила ему, но они смотрели друг на друга до того момента, пока он не поднес ее к лодке.

Себастиано забрался следом за ними в красную гондолу и протянул мне руку, чтобы также помочь забраться. Хосе занял место на покрытии и повесил весло в уключину.

Тревисан сел в гондолу Мариэтты и ее гондольер доставил их обоих назад в город. Красная гондола набирала скорость, Хосе греб непрерывно и сильно. Солнце уже вошло. Его лучи сверкали на волнах и ветер сдувал мои волосы прямо на лицо. Было еще холодно, но теперь я не мерзла, так как Себастиано обнимал меня.

Глава 32

Мы оба провели следующие две недели до ближайшего новолуния в доме Мариэтты. Она отменила все праздники вовсе не потому, что хотела ввести, наряду с воскресными днями, дополнительный производственный отпуск, а потому, что порядочно влюбилась в Тревисана. А он в неё. Уже во время первого совместного путешествия на гондоле между ними пробежала искра, как она доверительно рассказала мне. До того дня оба были вовсе не знакомы, так как Тревисан не принадлежал к числу мужчин, посещающих дома куртизанок.

Что касалось женщин, то он вел скорее серьезную жизнь, хотя он был свободен, так как два года он стал вдовцом. По-видимому, он так долго скорбел по своей жене. И только сейчас он был готов снова влюбиться. Что-то произошло, когда он сидел с Мариэттой в гондоле. Он ухаживал за ней по всем правилам, посылал маленькие подарки, приглашал ее на обед и делал ей комплименты. Она днями витала в облаках, и всегда, когда начинался разговор о Тревисане, ее глаза начинали блестеть.

Не было такого человека, который так же искренне радовался за неё, как я, потому что я была твёрдо уверена, что она хотела заполучить не того мужчину - Себастиано.

Он мог лишь для одной женщины стать единственным, а именно - для меня.

Я сходила по нему с ума, иначе не скажешь. Но, несмотря на это, мы не бросались в крайности, хотя это и могло бы произойти: Мариэтта не была чопорной, да и никто из окружающих нас людей не придавал бы этому значения, если бы я и Себастиано разделили супружеское ложе.

Ни в коем случае нельзя сказать, что я этого не хотела, наоборот, как и Себастиано. Однако мы оба имели ясное представление о последствиях. Методы предохранения в пятнадцатом веке были смехотворно недостаточны, что я хорошо усвоила, пока работала у Матильды в лавке лекарственных трав, поэтому мы решили подождать. Нам это не помешало тискаться, сколько душе угодно, каждый вечер у камина, словно мы всегда принадлежали друг другу.

То же самое можно сказать о Клариссе и Барте. С момента тех ужасных происшествий на Гвидекке они стали парой. Они решили пожениться и вступить во владение магазинчика масок. Старушка – Эсперанса - исчезла в никуда, даже Хосе не знал, где она находилась.

– Эта женщина подобна ветру, она веет через все времена и появляется то тут, то там. Вероятно, мы еще увидим ее в этом времени, а может быть и нет. Вы можете управлять магазинчиком, насколько мне известно, она бы это одобрила.

Кларисса радовалась переменам в жизни. У Матильды она также не могла больше оставаться, потому что ее больше не было. Она как сквозь землю провалилась, точно как Малипьеро. Лавка лекарственных трав исчезла вместе с Якопо. На том месте, где раньше располагалась лавка, теперь была швейная мастерская. Никто не мог припомнить Матильду, только мы, кто сами были выходцами из другого времени или Барт, который принадлежал к "посвященным". Матильда была одним из тех дополнительных людей, которые были созданы для лучшей интеграции переселенцев во времени – они не имели собственного права на существование. Судьба безжалостно стирала их из памяти, если не находилось причины их присутствия.

Кларисса плакала об ее исчезновении, потому что вопреки грубому обращению Матильды, она к ней привязалась.

– Она ничего об этом не знала, я могу поклясться, – проговорила она в слезах.

Она страдала также о того, что была зависима от Якопо на протяжении стольких лет.

— Он снова и снова обещал мне, что я скоро смогу вернуться назад в свое время. Он делал столько хорошего, и был моей единственной надеждой! Порой я верила ему, а порой и нет. Было страшно, единственный полет туда и обратно.

Но самое ужасное происходило на протяжении последних недель, когда события обострились, и теперь уже не только Якопо давил на Клариссу, чтобы она помогла достичь ему своих цели, но и Альвизе.

— В конце концов, я просто делала все, как будто я была с ними в команде, потому что Альвизе угрожал убить меня. Но я никогда никому не хотела причинить боль! Я поняла, что она уже достаточно раскаялась и заслужила немного счастья.

Поэтому я обрадовалась, когда она решила остаться с Бартом.

— Сейчас, когда я знаю, что я в любой момент могу вернуться назад в мое время и в Париж, я этого уже не хочу, — призналась она, задумчиво добавив: — Звучит смешно, не так ли?

Мне было не смешно, потому что я чувствовала что-то подобное. По крайней мере, хотя бы тогда, когда мы с Себастиано сидели у камина, прижавшись к друг другу. Разница между мною и Клариссой была лишь в том, что я смогу увидеть Себастиано в будущем, а она в свою очередь, сможет быть с ним лишь в его времени. Поэтому у меня не возникло вопроса, остаться ли лучше здесь или отправиться домой. Моя жизнь находилась в будущем, даже если я нашла здесь замечательных друзей, по которым я буду скучать. Это касалось как Клариссы с Бартом, так и Мариэтты с Тревисаном; каждый раз я старалась не заплакать, когда понимала, что я их никогда в жизни больше не увижу.

Все же самое ужасное для меня было бы никогда не встретиться с моими родителями. Я с таким усердием стремилась к ним, что подобные мысли вызывали у меня боль. Без школы или iPod, или шоколада я, возможно и смогла бы прожить, но только не без мамы и папы.

За день до новолуния я еще раз сходила в монастырь, так как по необъяснимым причинам я беспокоилась о судьбе попугая Доротеи. Мой вопрос о попугае был неверно истолкован сестрой Гиустиной. Она просто всунула клетку в мою руку и объяснила, что весь монастырь рад, что я хочу забрать его себе, так как его бесконечные крики уже никто не может выдерживать. Я должна была его тут же унести и не думать о деньгах, которые были потрачены на его содержание. Я не хотела спорить и просто забрала Полидоро с собой. Я не хотела задерживаться больше, чем следует, в церкви Сан-Закаррия. Не только из-за того, что больше чем десяток молодых монашек появились во дворе, чтобы вздохнуть по Себастиано, который ожидал меня у ворот, но и потому, что воспоминания о Доротеи угнетали меня. Некоторое время я чувствовала к ней отвращение, но между тем еще и сочувствие. У нее был ужасный конец, лишь только потому, что она влюбилась не в того мужчину.

— Что нам теперь делать с этой птицей? — осведомился Себастиано.

Беспомощно я смотрела на клетку.

— Ничего же плохого нет в то, что я забрала его? — спросила я жалобно.

Но проблема вскоре разрешилась, так как Мариэтта была очарована Полидоро, особенно тем, как быстро он смог повторить ее имя и наговорил ей всяческие комплименты. Ему только стоило сказать "Мариэтта, моя красавица", как он тут же покорила ее сердце.

— Глубоко внутри я всегда буду куртизанкой, — сказала она. — Во всяком случае, маленькая и тщетная часть меня. Большая и умнейшая часть будет мужественно дожидаться предложения Тревисана. Делаю ставку - до рождества. Кто-нибудь

желать назначить другой срок?

Желающих не нашлось.

Затем настал мой последний день в Венеции в 1499 году. Ночью я плохо спала и в течение часа ворочалась туда-сюда на кровати с балдахином, и днем была еще более нервной. До обеда я в последний раз бродила по городу с Себастиано. Между тем осень набирала обороты, немногие деревья, которые росли здесь, уже полностью сбросили свои листья, и становилось так холодно, что можно было даже увидеть собственное дыхание.

Рыбаки, торговцы, портовые рабочие и матросы заполняли Скъявони в пестрой неразберихе и занимались своей работой. Пахло морем и дымом. Себастиано и я неторопливо прогуливались вдоль набережной и смотрели на выходящие в море корабли. Парусный треск смешивался с шумом ветра и ревом волн.

На обратном пути мы поплыли на гондоле вдоль Гранд-канала. Мы проплывали мимо стройки Палаццо Тассини. Стены тем временем продолжали расти в высоту, первый этаж и перекрывающие антресоли уже были готовы. Невольно мой взгляд упал на место на берегу канала, где Маттео и я ели трамеццино пару недель назад. Я не могла поверить своим глазам, когда увидела, что он там сидел. Он обеими руками держал свой хлеб и откусывал. Мне захотелось его позвать, помахать ему и рассказать, что отправляюсь обратно домой в наше время, но вместо этого я разрыдалась.

— Что такое? — нежно спросил Себастиано. Он тоже увидел Маттео. — Ты хочешь с ним еще раз побеседовать? Разве ты не говорила, что уже простила с ним?

Это было так, несмотря на то, что не удалось как следует вернуться в последний раз. Но не это заставило меня зарыдать.

— Это так ужасно, — сказала я сквозь слезы. — Он никогда не сможет стать зубным врачом!

— Возможно, здесь ему будет лучше.

Из одного из переулков я увидела внезапно появившуюся Джулиану Тассельхоф. Она осмотрелась вокруг и обнаружила Маттео. Со злой миной она направилась к нему. Мы не могли слышать, что она ему сказала, но судя по его выражению лица, ничего хорошего.

— Ну да, наверное, не намного лучше, — согласился Себастиано, в то время как наша гондола проплывала мимо места происшествия. — Но, по меньшей мере, у него никогда не будет кариеса, благодаря старательной профилактике, а в это время это уже что-то значит.

Остаток дня длился мучительно долго, мне хотелось безутешно плакать, пока не наступило время расставания. Сначала я распрощалась с Мариэттой. Она пожелала мне всего хорошего и настоятельно просила меня никогда не выходить на улицу в холодное время без пальто.

— Не волнуйся, дома у меня есть пуховик.

Я рассчитывала на то, что межгалактический переводчик превратит это в какое-то особенное слово, но, к моему удивлению, оно получилось точно таким же, как я его произнесла. По-видимому, люди изобрели уже в это время пуховик.

— Пора отправляться в путешествие, Полидоро, — сказала я попугаю.

— Я не хочу возвращаться в Неаполь, — пронзительно закричал он.

— Не бойся, ты можешь остаться здесь.

Тяжелее всего мне было проститься с Клариссой. Мы сжимали друг друга в объятиях и плакали.

— Прощай, лучшая подруга! — рыдала она.

Я прижимала её к себе, но не слишком сильно, потому что у неё до сих пор болела рана. Её волосы пахли свежим сиреневым мылом. В одной из дальних комнат магазинчика масок она устроила маленькую аптеку и экспериментировала над новыми смесями ароматов.

— Поклянись, что ты никогда не забудешь меня! — сказала она в слезах.

Я могла пообещать ей это от всей души. Не только потому, что она спасла мне жизнь и я её ужасно любила, ни и потому, что она открыла мне новые горизонты касательно искусства лжи. Если по этой дисциплине когда-либо существовал мастер, то он звался Кларисса. Про себя я уже перефразировала выражение "врать как пописанному" во "врать как Кларисса". Однако я, конечно же, не сказала ей этого. Кроме того, со временем я перестала осуждать её, потому что она вралась лишь для того, чтобы выжить. Во всяком случае, обычно.

Барт и я тоже обнялись. Он сказал лишь одно:

— Будь счастлива!

Я кивнула, всхлипывая, и вошла в красную гондолу, где меня уже ждал Себастиано. Была тихая, прозрачная ночь новолуния. Небо было чёрное, и лишь единичные звёзды светили, как блестящие точки.

Красная гондола скользила по тёмной воде канала к тому месту, где должно было открыться окно в другое время.

Это было особое окно, как объяснил мне Себастиано, потому что люди не могли увидеть его в действии. Никому не нужно было падать в обморок, хотя это было самое прочное и большое окно в Венеции. Оно было связано с красной гондолой, которая обладала огромной силой.

В конце пути к этому окну времени я задумалась над некоторыми вопросами, которые вдруг стали напрашиваться.

— Ты должен объяснить мне ещё одну вещь, — обратилась я к Себастиано. — Когда Хозе доставил тебя сквозь окно времени из Сан Стефано в настоящее время, там шло своим чередом, не так ли? Ты ведь однажды сказал, что можно вернуться лишь в момент, когда начинаешь путь, если в новолуние прибегнуть к помощи красной гондолы.

— Это верно, — сказал Себастиано.

— Это значит, что когда ты смертельно больной возвратился в настоящее, там время шло дальше. Где тогда была я? — Я выразила суть. — Однако я должна была бы быть там, потому что я возвращаюсь во время, равное времени моего тогдашнего отъезда. К регате Сторике. Это значит, я уже давно была там, когда ты позже через недели возвращаешься, будучи больным, так? — Взволнованно я продолжала гнуть свою линию. — Тогда я могу тебя навестить в больнице? Но как это должно произойти? Я же была все то время здесь, в прошлом! У меня есть два шанса? И ты уже выздоровел! Как ты можешь тогда болеть через пару недель? — У меня закружилась голова от всех этих противоречий.

— О, господи, теперь она обнаружила сложную область парадокса, — сказал Хозе.

— Это как-то связано с физикой или математикой? — озадаченно спросила я.

— К сожалению, это так, — ответил Себастиано.

— Все равно объясни мне.

— Это очень сложно. Во всяком случае, я тебе смогу это объяснить только попозже.

— Что ты имеешь в виду, говоря "попозже"?

— Через пятьсот лет. Мы же там. — Он притянул меня к себе в объятия. — Мы увидимся в будущем, Анна.

— Подожди! — сказала я испуганно, но уже дело пошло. — Если ты меня не найдешь на Facebook, попробуй Myspace ! — отчаянно выкрикнула я. — Или на Schüler-VZ! — С каждым разом мне приходили в голову ужасные мысли. — Что делать, если я тебя совсем не вспомню?

— Этого не произойдет. А если и случится, я освежу тебе память.

Нам едва оставалось время для последнего поцелуя, потому что тряска была такой сильной, что нас буквально отрывало друг от друга. Повсюду был яркий свет, и ледяной холод перехватил у меня дыхание. Ослепленная, я закрыла глаза и ждала треска.

"Прощай, прошлое", - думала я. Здесь было ужасно и прекрасно. Это были самые невероятные и волнительные каникулы в моей жизни.

Затем взорвалась ночь, и я оказалась в полной темноте.

Промокшая насквозь, я наклонилась вперед и протянула папе руку. Он решительно действовал, схватив меня за руку. Через минуты я стояла на пристани и упала ему в объятия.

Все произошло так быстро, что я едва поняла. Я все еще не могла сориентироваться из-за перехода, и это продолжалось пару секунд, пока я не поняла, что все удалось. Время забросило меня точно в тот самый момент, откуда оно меня проглотило и переместило в прошлое. Ни секунды не прошло с того момента, недели, которые я пережила, были только в моих воспоминаниях. Внешне я была такой же, как и в самом начале всего приключения. Насквозь промокшая из-за моего падения в канал, в шмотках, которые я надела в утро Регаты Стойки. Я даже до сих пор судорожно вцепилась рукой в мою сумку через плечо. Все было на месте. Только Тассельхофов больше не было.

— О, Боже! — потрясенная закричала мама. — Анна, с тобой все в порядке?

Папа прижал меня к себе.

— Дитя, все обошлось!

Я отступила от него и обернулась. Красная гондола уплывала прочь. Хосе умело орудовал веслом. Он повернулся на секунду ко мне и прищурил здоровый глаз, прежде чем, улыбаясь, снова повернуться в направление движения.

Себастиано смотрел на меня. Даже на расстоянии я могла видеть, какими голубыми были его глаза. Он молчаливым жестом поднял руку, который мне все сказал. Затем их закрыли следующие за ними лодки и преградили мне вид.

— Теперь быстро в гостиницу, — сказала мама. — Ребенку нужен горячий душ.

Я встала на цыпочки, но красной гондолы больше не было видно. У меня полились по лицу слезы, но этого никто не заметил, потому что я и так с ног до головы была мокрой.

В гостинице я около часа принимала душ, пока не закончилась горячая вода. В общей сложности я использовала одну бутылку геля для душа, две бутылочки моего любимого шампуня и примерно полторы бутылочки кондиционера. Когда мама пришла в недоумение от собранных пустых баночек, я объяснила, что

водоросли было очень сложно вымыть.

Мои родители отправили меня прямиком в кровать и потребовали, чтобы я себя поберегла. Я дождалась не могла зайти в интернет, чтобы включить в свои контакты Себастиано.

Однако ничего не вышло, потому что мой iPod не работал. Он не пережил купания в канале.

И маски там тоже больше не было.

Она не могла выпасть их сумки, потому что молния была застегнута, однако маска исчезла.

Я даже не пыталась понять, а решила просто до поры до времени причислить это к категории магии. Вместо этого, я повернулась с другим вопросом к маме.

— Что ты можешь мне рассказать о комплексном поле парадокса?

— У тебя температура? — Она подошла к моей кровати и приложила ко лбу руку.

— Хм, кажется вполне теплым. Может нам стоит вызвать врача?

Я решила, что при следующей возможности я наведу справки в Википедии. Все равно я не смогла бы сконцентрироваться при долгих объяснениях. Это объясняется тем, что в прошлую ночь я не спала и позавчерашнюю тоже совсем чуть-чуть. Затем мне пришло в голову, что это относилось ко времени в прошлом, а не в настоящем.

Прошлую ночь я тоже очень мало спала? Я мысленно разбиралась с этим, что меня еще больше утомило, я остановила свои мысли и просто уснула.

Глава 33

Я проспала остаток дня и всю ночь прямо до обеда следующего дня, все за раз.

Мама говорила, что я была в последнее время, словно маленький ребенок.

На завтрак я съела десять тостов с нутеллой, выпила три чашки какао и согласилась на десерт - гигантское мороженое, которое я купила в ближайшем киоске. Затем я попросила папу воспользоваться его ноутбуком, чтобы быстренько проверить электронную почту.

Папа сидел в гостиничном номере за письменным столом и печатал на своем ноутбуке.

— Я уже закончил, поэтому можешь пользоваться. Мне все равно нужно идти в университет, чтобы забрать экспертизу.

Мое сердце остановилось.

— В университет?

Папа кивнул.

— Помнишь тот исторический документ, о котором я рассказывал в прошлый раз за ужином?

Я замерла.

— Тот, который господин Бьярнигнокки нашел в руинах Палаццо Тассини? И который ты затем послал на исторический факультет университета, чтобы проверить его подлинность?

Папа казался изумленным.

— Это ты хорошо запомнила! Твоя мама говорила, что ты часто меня совсем не слушаешь, но это, по-видимому, не так.

— Я хочу с тобой, — сказала я.

— Куда? — поразился папа.

— В университет.

Секретарь по-английски попросила нас подождать в приемной. Через некоторое время она вернулась и повела нас в офис профессора, которого папа и я дружелюбно поприветствовали.

Последующая беседа велась так же на английском и была напичкана таким количеством специальной лексики, что я поняла только слово "станция", Несмотря на то, что я никогда не была асом в английском.

У меня сердце ушло в пятки, будет ли очень сложно разговаривать с Себастиано? Я сразу же подумала, каким образом лучше всего спросить профессора, не знает ли он случайно научного сотрудника по имени Себастиано, как к моему изумлению, после короткого стука, дверь открылась, и вошел Хосе. Впервые я увидела его в одежде двадцать первого века, совсем непривычный вид. Единственное, что было, как и прежде в нем, так это глазная повязка.

Затем последовало настоящий сюрприз: за Хосе в помещение вошел Себастиано.

Я едва не подпрыгнула и не побежала к нему. Я тут же себя взяла в руки и притворилась, словно мы никогда раньше не встречались.

Профессор представил нас на английском.

— Это архивариус нашего факультета, месье Хосе Маринеро де ла Эмбаркасьон, а этот молодой человек - мой научный сотрудник, месье Себастиано Фоскари.

Господа, это мой почтенный коллега Йоханнес Берг из Германии, а это его дочь Анна.

Последовало вежливое рукопожатие, я, словно оглушенная, все это время могла думать только о том, как хорошо выглядел Себастиано и как я в него влюблена и что Фоскари было очень красивым и звучным именем, и, что я сойду с ума, если мы тотчас не поцелуемся.

Хосе положил документ в файл на стол. Я сразу же узнала, что это было то письмо, которое я написала на чердаке у Монны Фаустины. Я слушала с открытым ртом, о чем говорили мужчины. Конечно же, снова на английском. Я поняла только часть, но речь, вероятно, шла о том, что не могла договориться о подлинности, потому что многие аргументы были "против".

Содержание разговора меня не особо интересовало. В конце концов, я и так знала, что документ был настоящим, я же сама его создала в пятнадцатом веке. Я внимательно прислушивалась к голосу Себастиано, он говорил по-английски с сильным итальянским акцентом, и это было невероятно сексуально, немного гортанно и с раскатистыми "р". Мои опасения по поводу проблемы понимания буквально уладились. Я могла бы слушать его часами!

Когда никто не смотрел, Себастиано бросил на меня взгляд через плечо и многозначительно подмигнул.

Я нерешительно улыбнулась.

— Я выйду на свежий воздух, — объяснилась я неуклюже по-английски.

Я ждала в коридоре, это продлилось не больше тридцати секунд, пока Себастиано пришел сюда.

— Я же говорил, что мы найдем друг друга, — проговорил он. — Между прочим, твой акцент меня по-настоящему заводит. — Он взял мою руку и потянул за собой вдоль коридора. Немедленно открыл какую-то дверь и завел меня в пустой офис. Он закрыл за собой дверь, и затем мы без лишних слов упали друг другу в объятия.

Он целовал меня, пока я не почувствовала себя карамелью на раскаленной сковородке, и иногда он нашептывал мне на ухо горячие итальянские слова. Я едва что понимала, что это усиливало их эффект. Я таяла в глубине души, когда он со мной говорил. Теперь я имела ясное представление, что означало латинское слово "любовник".

— В следующем месяце я напишу о семестре за границей во Франкфурте, — прошептал он мне на ухо со своими раскатистыми "р".

— Ох, — тихо сказала я.

— И затем я буду учить немецкий.

— Пожалуйста, не делай этого.

— Что? Мне не следует приезжать во Франкфурт?

— Напротив, конечно же, следует. — Я счастливо улыбнулась. — Но немецкий тебе ни в коем случае нельзя учить.

Эпилог

Рассказ, собственно, подошел к концу - почти. Коротенький эпизод, который произошел позже в тот же самый день, стоит, несомненно, упомянуть, поэтому я не хочу его упускать.

Когда мы с папой вернулись обратно в гостиницу, я занялась почтой, написала кучу писем, среди которых было одно для Ванессы, в котором я предложила забыть дурацкого Голлума и лучше обзавестись очередным парнем-итальянцем. После этого я пошла на прогулку.

Моя первая цель была разочарованием - дома Мариэтты больше не было, на его месте стояли здания, самое большее, столетней давности. Палаццо Тревисана на удивление хорошо сохранился. Я посмотрела вверх на фасад и представила, что Мариэтта и Тревисан прожили здесь много счастливых лет до глубокой старости. Теоретически Себастиано мог бы разузнать о них в городском архиве, но поговорив об этом, пришли к выводу, что мы этим, вероятно, разрушим красивые иллюзии, так как в более ранние столетия продолжительность жизни людей была намного короче, чем сейчас.

По пути к следующей цели мне попала на глаза афиша о проведении выставки. Что-то в ней привлекло мое внимание. Через минуту я поняла, в чем было дело - это было имя.

Черным по белому жирным шрифтом было написано: Маттео Тассини.

Я стала как вкопанная и внимательней осмотрела афишу. Под именем был изображен вырисованный портрет. Мне пришлось прищуриться и точнее рассмотреть его, пока я не удостоверилась, что это был Маттиас Тассельхоф! На картине он был в три раза старше, чем при нашей последней встрече, но это был он!

С трудом я уловила смысл остального текста. Насколько было понятно, речь шла об исторической выставке. Мало-помалу я соединила все в подходящий перевод.

Заголовок гласил: "Самый знаменитый зубной врач своего времени."

Снизу немного мельче шрифтом: "Венецианский пионер гигиены полости рта. Его труды, инструменты, анатомические зарисовки и модели челюсти и зубов."

Маттиасу удалось! Он воплотил мечту своей жизни в реальность! Тронутая, я смахнула пару слезинок. Нынешние зубные врачи могут быть известными и

признанными, но никто через пятьсот лет не организует выставку в их честь! Я заметила дату и место. Ни в коем случае не должна ее пропустить. Вот Себастиано удивится, когда я ему об этом расскажу! Наполненная тихой радостью, я пошла дальше, пока не достигла в этот день моей последней цели.

Понятия не имею чего, я ожидала, но явно не того, что я просто открою дверь лавки, войду и встречу там Эсперансу. Но именно это и произошло.

Она стояла среди пыльных костюмов, сгорбленная фигура, сморщенное лицо, словно старый пергамент. Она беззубо мне улыбнулась.

Своими неровными пальцами она целенаправленно достала из затхлого хлама маску кошки и протянула мне.

— Как раз для тебя пришла, — сказала она на идеальном немецком. — Примеряй спокойно. — Затем указала на старое, почти потускневшее зеркало в углу, которое я сначала не заметила. — Можешь посмотреться в него. Я знаю, оно выглядит потускневшим, но это не так, на самом деле это особое зеркало.

— Эм... Как это следует понимать? — с опаской спросила я.

Она мне подмигнула:

— Так и понимать. У нас очень много дел и они не заканчиваются, одно идет за другим.

По-видимому, у меня была склонность к опасности. Я надела маску, она мне идеально подошла, и я все же подошла заглянуть в зеркало.

— Я могу только, самое раннее, на осенних каникулах, — сказала я через плечо. Эсперанса улыбнулась.